

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2016 / №4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2016 / №4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2016. – № 4. – 142 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д. и. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д. и. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. – к. пол. н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д. и. н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. – д. пол. н., к. ю. н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** – д. пол. н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д. пол. н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** – д. и. н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д. и. н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д. пол. н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** – д. пол. н., д. ф.-м. н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д. и. н., проф., МГОУ

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chef of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. – 2016. – № 4. – 142 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Рыбина М.В.</i> КОРДОВСКИЕ МУЧЕНИКИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ХРОНИСТИКЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСПАНИИ XVI В.: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	8
<i>Кадыкова М.Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В РАБОТАХ Т. КАРЛЕЙЛЯ.....	16
<i>Савельев П.Ю.</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РСДРП.....	24

Всеобщая история

<i>Николаева Н.А.</i> МИФОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ.....	33
<i>Курков Н.В.</i> РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ САЛЬВАДОРА И АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА: 1920-Е ГГ.....	41
<i>Плужников Д.А.</i> МАРТОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1941 ГОДА В ЮГОСЛАВИИ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «ПРАВДА» И «ИЗВЕСТИЯ».....	47
<i>Жиряков И.Г.</i> ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В 70-Е Г. XX В. В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАД-ВОСТОК.....	59

Отечественная история

<i>Телицын В.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ МОСКОВСКОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV-XV в.	69
<i>Тучин В.А.</i> РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ.....	79
<i>Горлов В.Н.</i> ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	85
<i>Волобуев О.В.</i> СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КРЫМА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1944-1953) ГОДЫ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	92

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Диков А.Б.</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО И ИНСТИТУТЫ СЕПАРАТИЗМА В ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП.....	101
<i>Фурсов В.Н.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА.....	113

Айтжанова Д.Н. СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	124
Юсубова Н.Р. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И СТРАН-СОЮЗНИЦ ПО НАТО В ПЕРИОД КОСОВСКОГО КРИЗИСА	133

CONTENTS

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

<i>M. Rybina.</i> THE CORDOVAN MARTYRS IN THE OFFICIAL CHRONICLES OF CATHOLIC SPAIN IN SIXTEENTH CENTURY: THE CREATION OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY	8
<i>M. Kadycova.</i> EVOLUTION OF THE BIOGRAPHICAL METHOD IN T. CARLYLE'S WORKS	16
<i>P. Savel'ev.</i> ON THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF THE SOURCES OF THE HISTORY OF THE RSDLP.....	24

General history

<i>N. Nikolaeva.</i> ON PROTO-INDO-EUROPEAN BELIEFS RELATING TO THE GREAT GODDES	33
<i>N. Kurkov.</i> THE LABOR MOVEMENT OF EL SALVADOR AND THE AMERICAN FEDERATION OF LABOR: THE 1920S	41
<i>D. Pluzhnikov.</i> THE YUGOSLAV COUP D'ÉTAT OF 1941 IN THE SOVIET PRESS, AS ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF "PRAVDA" AND "IZVESTIA" NEWSPAPERS	47
<i>I. Zhiryakov.</i> THE EUROPEAN COMMUNITY AND THE COUNCIL FOR MUTUAL ECONOMIC ASSISTANCE IN THE 1970'S IN THE CONTEXT OF EAST-WEST RELATIONS	59

Native History

<i>V. Telitsyn.</i> ON SOME IDEOLOGICAL CONCEPTS OF MOSCOW RUS OF THE SECOND HALF OF THE XIV-XV CENTURIES.....	69
<i>V. Tuchin.</i> RUSSIAN INTELLEGENTSIA AND THE NEW ECONOMIC POLICY: FIRST ASSESSMENTS	79
<i>V. Gorlov.</i> EMERGENCE OF COMMUNAL FLATS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER.....	85
<i>O. Volobuev.</i> AGRICULTURE OF THE CRIMEA IN THE POST-WAR YEARS (1944-1953): DYNAMICS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT.....	92

SECTION II. POLITOLOGY

<i>A. Dikov.</i> REGIONAL PRESIDENCY AND THE INSTITUTIONS OF ETHNIC SEPARATISM IN THE TURKIC REPUBLICS OF RUSSIA: THE MODERN STAGE	101
<i>V. Fursov.</i> DEVELOPMENT PROSPECTS OF ECOLOGICAL PARTIES OF RUSSIA SEEN THROUGH THE PERSPECTIVE OF FOREIGN EXPERIENCE.....	113

D. Aitzhanova. THE SPECIFICITY OF THE POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION.....	124
N. Yusubova. THE ROLE OF THE USA IN THE CONSOLIDATION OF NATO DURING THE SETTLEMENT OF KOSOVO CRISIS.....	133

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 81'373.231

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-8-15

КОРДОВСКИЕ МУЧЕНИКИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ХРОНИСТИКЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСПАНИИ XVI В.: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рыбина М.В.

Московский политехнический университет (МАМИ)

107023, г. Москва, ул. Б.Семёновская, д. 38., Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена истории обретения испанскими хронистами рукописей сочинений святого Евлогия, одного из лидеров и главного апологета кордовских мучеников середины IX в. Автор анализирует детали изучения рукописей Евлогия, их публикации, а также включения рассказа о добровольных мучениках в первые исторические труды по всеобщей истории Испании. Делается вывод о том, что кордовские мученики заняли очень важное место в исторической традиции испанцев и с эпохи Филиппа II превратились в один из каноничных сюжетов национальной истории.

Ключевые слова: кордовские мученики, святой Евлогий, испанская хронистика XVI в., Амбросио де Моралес, национальная испанская историография

THE CORDOVAN MARTYRS IN THE OFFICIAL CHRONICLES OF CATHOLIC SPAIN IN SIXTEENTH CENTURY: THE CREATION OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY

M. Rybina

Moscow Polytechnic University

38, Bolshaya Semenovskaya str., 107023, Moscow

Abstract. This article is devoted to the history of finding by the Spanish chroniclers the texts of Saint Eulogius, one of the leaders and the main apologist of the ninth-century Cordoban martyrs. The author analyzes the process of studying his manuscripts, and their publication, as well

as including the story of voluntary martyrs into the first historical works on the general history of Spain. The author has come to the conclusion that the martyrs of Cordoba have occupied a very important place in the historical tradition of the Spaniards and since the era of Philip II they have become one of the canonical subjects of national history.

Key words: the Cordovan martyrs, saint Eulogius, the official chronicles of Spain in sixteenth century, Ambrosio de Morales, national historiography in Spain.

Время правления испанского короля Филиппа II (1556–1598 гг.) стало эпохой открытия испанцами своей родины. Потребности управления огромной империей требовали изучения её географии, населения, истории. По инициативе короля началось осуществление проекта по историко-географическому описанию Испании на основе анкетного опроса жителей всех её населённых пунктов (т. н. Географические донесения); составлялась подробная история Испанской монархии с опорой на вновь открытые или забытые источники, в том числе археологические; отправлялись научные экспедиции в Новый свет. Реализация проектов Филиппа II была возложена прежде всего на испанских интеллектуалов, гуманистов, как правило, тесно связанных с церковными кругами, а также на самих представителей церкви, традиционно игравших особую роль в жизни испанского общества [2, с. 470–471].

Одним из таких церковников-эрудитов был епископ небольшого эстрамадурского города Пласенсия Педро Понсе де Леон, назначенный в декабре 1572 г. Великим инквизитором¹. Педро Понсе де Леон, известный библиофил, часто объезжал города и местечки Испании в поисках сочинений неизвестных или забытых авторов. Во время одной из таких поездок он обнаружил

¹ Вступить в должность Педро Понсе де Леон не успел, в январе 1573 г. он скончался из-за болезни.

в кафедральном соборе Овьедо древнюю рукопись, которая по предположению епископа принадлежала перу кордовского мученика IX в. Евлогия. Согласно Педро Понсе де Леону, рукопись сочинений Евлогия попала в Овьедо в конце IX в., когда мощи святого были перенесены из Кордовы и захоронены в крипте собора [7, р. 41–42]. Рукопись сочинений Евлогия входила в состав большого кодекса, включавшего тексты авторов конца VII – середины VIII вв. (выдержки из Иеронима, Августина, Исидора Севильского и др.). Можно предположить, что данный кодекс когда-то принадлежал самому Евлогию, один из ее листов содержал надпись: «Eulogi Mementote Pccatori» («Помните грешника Евлогия») [9, р. LVII].

Евлогий был одним из 48 т.н. добровольных мучеников Кордовы, принявших смерть за веру в столице исламского эмирата в 851–859 гг. Всех мучеников казнили по приказу кордовского кади (судьи) по обвинению в вероотступничестве (часть мучеников принадлежала к новообращенным мусульманам) или открытой проповеди христианской веры. Большинство погибших христиан состояли в родственных, дружеских или иных отношениях и нередко вдохновлялись примером друг друга.

Евлогий выступил одним из главных апологетов мучеников, автором нескольких работ, посвященных их

подвигам за веру. На страницах этих сочинений ему, однако, пришлось не только восхвалять принявших смерть христиан, но и защищать их от нападков единоверцев. Многие церковные иерархи и представители христианской общины города считали мучеников фанатиками, чьи безрассудные действия грозили нарушить сложившиеся отношения между мусульманской властью и мосарабами¹. По их мнению, мученики, проповедовавшие мусульманам основы христианской веры и порочившие пророка Мухаммада, фактически совершали самоубийство; их смерть не была вызвана необходимостью отстаивать веру в Христа и несправедливыми требованиями властей, поскольку мусульмане не запрещали христианам исповедовать собственную религию и не подвергали их систематическим преследованиям.

В «Памятной хронике святых» («Memoriale Sanctorum») Евлогий приводил развернутое обоснование необходимости почитания кордовских мучеников как истинных свидетелей Христа и опровергал доводы их противников. Он отмечал, что добровольное мученичество являлось единственным возможным ответом на дискриминацию христиан и политику мусульманских властей, добивавшихся, чтобы христиане отрекались от своей веры в пользу исламской религии и культуры.

В 859 г. Евлогий сам принял мученическую смерть. Он долгое время укрывал девушку – тайную христианку, а когда вместе с ней был схвачен мусуль-

манскими стражниками, выступил с проповедью христианской веры, за что и был казнен. После его смерти мученическое движение постепенно сошло на нет. Источники упоминают о еще нескольких христианах, принявшую добровольную смерть за веру в Кордове во 2-половине IX – X вв., однако эти случаи не имеют прямой связи с кордовской мученической традицией и серией мученичеств середины IX в. [4, 5].

Стоит отметить, что ко времени обнаружения рукописи Евлогия в овьедском соборе о кордовских мучениках в Испании было известно крайне мало. Мосарабская традиция почитания мучеников получила отражение в Кордовском календаре, вероятно, составленном епископом Эльвиры Рецемундом (Раби ибн Саидом) на основе арабского календаря Ариба ибн Саида ал-Куртуби в середине X в. Однако к моменту отвоевания Кордовы у мусульман в 1236 г. мосарабов в городе почти не осталось, традиция почитания мучеников не поддерживалась. Да и сам «Календарь» упоминал лишь некоторых из добровольных мучеников без каких-либо подробностей их мученической кончины (Евлогий в Кордовском календаре не значился) [5]. Сведения о 28 христианах, принявших мученическую смерть в Кордове, сохранились также в Мартирологии Узуарда, написанном около 875 г. монахом аббатства Сен-Жермен-де-Пре и получившим широкое распространение в Западной Церкви². Данные Мартиролога отличались лаконичностью (дата

¹ За христианами, живущими на мусульманских территориях, закрепилось название мосарабы (как принято считать в историографии, от арабского причастия «муста`риб» – арабизированный).

² В 1580 г. в том числе на основе Мартиролога Узуарда Папа Григорий XIII создал комиссию для подготовки к изданию Римского мартиролога, который в дальнейшем стал главным универсальным Мартирологом католической церкви.

и место мученичества) и не несли никакой подробной информации.

Таким образом, негативное восприятие мучеников со стороны их современников, жесткая политика альморавидов, а затем альмохадов по отношению к христианской общине аль-Андалуса (которая практически полностью была истреблена, переселена или обращена в ислам) не позволили кордовским мученикам закрепиться в пантеоне пиренейских и тем более общехристианских святых. Добавим, что историческая традиция мусульманской Испании также не сохранила память о добровольных мучениках. Покоренное население (как христиане, так и иудеи) попадало на страницы мусульманских текстов середины – второй половины IX вв. в крайне редких случаях. Внимание мусульманских авторов было сосредоточено на рассказах о правителях, военачальниках, законооведах; осмысление собственной политической и военной истории помогало легитимировать власть представителей династии Омейядов в новом политическом образовании – Кордовском эмирате (с 929 г. – халифате) [1, с. 22–23, 25–26].

Педро Понсе де Леон, обнаружив рукописи и установив их авторство попытался сам с помощью своих близких разобрать открытые им тексты, однако не справился с этой нелегкой задачей. Епископ сообщил о находке Филиппу II, который передал рукопись своему хронисту, известному эрудиту Амбросио де Моралесу. Тот исследовал рукописи трудов Евлогия и подготовил их к первой публикации (1574 г.). Помимо сочинений Евлогия это издание включало в себя жития кордовских святых Пелагия, Евгении, Доминика

Сарацина, погибших в разное время от рук мусульман, а также небольшой трактат Амбросио де Моралеса «De Cordubae urbis origine situ et antiquitate» («О происхождении, местонахождении и древностях города Кордовы»). Впоследствии рукописи работ Евлогия из овьедского кодекса были утрачены (с начала XVII в. нет никаких свидетельств об их местонахождении) [7, р. 41–44].

Издание Амбросио де Моралеса, ставшее фактически единственной публикацией текстов Евлогия с рукописей, было выполнено на высоком уровне. Амбросио де Моралес, уроженец Кордовы, с усердием взялся за порученное ему дело. Глубокие познания в латинской грамматике [10, р. 81], опыт работы с различными материалами, в том числе средневековой агиографией, наконец, осознание ценности исторического источника [10, р. 58] позволили королевскому хронисту не только разобрать тексты Евлогия, но без существенных искажений и вмешательства подготовить их к публикации. Отметим, что несмотря на утрату рукописей Евлогий, последующие издатели и современные исследователи не сомневались в аутентичности содержания опубликованных Амбросио текстов. В пользу авторства Евлогия свидетельствуют лексические особенности языка, культурная традиция, аутентичность многочисленных ссылок на Священное Писание. Упоминаемые Евлогием исторические лица и события подтверждаются мусульманскими авторами, очевидны некоторые совпадения в текстах Евлогия и других мосарабских источников [6, р. 49–50].

Будучи сторонником всестороннего и правдивого воссоздания истории

своей страны и своего города, основанного на различных источниках, Амбросио де Моралес отнесся к рассказам Евлогия со всей серьезностью. Он снабдил свое издание богатыми комментариями, как историческими (Амбросио рассказывал об арабо-мусульманском завоевании полуострова, эмирах, расположении кордовских храмов и т.п.), так и касающимися возможного прочтения сложных мест, используемой Евлогием терминологии, цитат из Священного Писания или трудов отцов церкви. Пожалуй, единственным существенным недостатком с точки зрения современного исследователя публикации Амбросио де Моралеса стало сознательное вмешательство в язык текстов Евлогия с целью его приведения в соответствие с нормами классической латыни (ошибки в рукописи Амбросио де Моралес ставил в вину ее возможным переписчикам).

Помимо издания трудов Евлогия, Амбросио де Моралес включил рассказ о кордовских мучениках во «Всеобщую испанскую хронику», над которой работал в этот период. Рассказ о кордовских мучениках, отстаивавших христианскую веру в окружении «нечестивых» завоевателей, как нельзя лучше отвечал требованиям официальной историографии нового испанского государства. Доводы Евлогия в защиту мучеников были напрямую заимствованы Амбросио; последний фактически пересказывал Евлогия, ограничиваясь незначительными комментариями и дополнениями. Подобным же образом история мучеников вошла на страницы следующего крупного труда по истории Пиренеев – «Всеобщей истории Испании», состав-

ленной историком иезуитом Хуаном де Марианной (опубликована в 1594 г. на латыни, в 1601 г. на испанском языке) [3].

Публикация придворным историком Амбросио де Моралесом сочинений Евлогия не только прочно закрепила сюжет о добровольных мучениках в национальном историческом описании, но и возродила почитание кордовских мучеников в Испании. На основании этого источника и Мартиролога Узуарда в Римский Мартиролог были внесены дни поминовения кордовских мучеников. В ноябре 1575 г. во время археологических раскопок в церкви Сан-Педро, построенной на рубеже XIII и XIV вв., по преданию, на месте мосарабской церкви Трех святых, были обнаружены многочисленные человеческие останки. В 1577 г. папа Григорий XIII признал найденные мощи подлинными останками кордовских мучеников и разрешил выставить их для почитания [11, pp. 776–778].

Таким образом, случайно обнаруженные в конце XVI в. тексты Евлогия, рассказывавшие о добровольных мучениках Кордовы, оказались очень востребованы в новом централизованном католическом государстве. Кордовские мученики вернулись в мартирологи, литургические книги, исторические труды и обрели тот облик, который нарисовал их апологет Евлогий. Непонятые и непризнанные современниками, забытые ближайшими потомками, они заняли очень важное место в исторической традиции испанцев и с эпохи Филиппа II превратились в один из каноничных сюжетов национальной истории.

Именно в таком ключе была представлена история кордовских мучени-

ков в ставших классическими работах по истории христиан мусульманской Испании конца XIX – начала XX вв. В труде «История мосарабов Испании» Ф.Х. Симонет вслед за Евлогием объясняет причины мученических выступлений тотальным преследованием христианской общины со стороны мусульман. Мученики представляются Ф.Х. Симонетом борцами за сохранения «национального духа», превращаются в своего рода национальных героев, отстаивающих чистоту христианской веры и культурную самобытность в годы иноземного господства [11, сар. XIV–XX].

В монографии испанского историка Х. Перес де Урбеля «Святой Евлогий из Кордовы или андалусийская жизнь в IX веке» Евлогий выступает лидером группы христиан, «национальной партии», которые вместе с Омаров-ибн-Хафсуном¹ боролись против мусульманского владычества, отстаивая собственную национальную идентич-

ность – «испано-готский дух» (т. н. «espanolismo») [8, p. 243].

В последние десятилетия появилось немало новаторских работ, переосмысливающих историю добровольных мучеников в рамках различных подходов и школ (социальной, гендерной, интеллектуальной истории), однако национальная испанская историография по-прежнему чтит погибших в Кордове христиан. Испанские исследователи продолжают оставаться в рамках привычных оценок данного феномена. Образ кордовских мучеников – стойких борцов за христианскую веру и культурную самобытность – прочно вошел в историческое сознание многих поколений испанцев и актуализировался в их исторической памяти в форме тех культурных стереотипов и символов, на которые ориентировался их главный апологет Евлогий, и которые были восприняты первыми издателями и историками добровольных мучеников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бойко К. А. Арабская историческая литература в Испании (VIII – первая треть XI в.). М.: Наука, 1977. 290 с.
2. История Испании [Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века]. М.: Индрик, 2012. 696 с.
3. Мариана, Хуан де. Всеобщая история Испании [Репринтное издание 1779–1782 годов]. СПб: Алетейя. 676 с.
4. Рыбина М.В. Когда погиб последний из кордовских мучеников? // Средние века. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 156–173.
5. Рыбина М.В. В поисках добровольного мученика (Кордова, X век) // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 32–44.
6. Herrera Roldán P. Lengua y cultura Latinas entre los mozárabes cordobeses del siglo IX. Córdoba: Universidad de Córdoba, 1995. 148 p.
7. Herrera Roldán P. Obras completas San Eulogio de Córdoba. Madrid: Ediciones Akal, 2005. 269 p.
8. Pérez de Urbel J. San Eulogio de Córdoba o la vida andaluza en el siglo IX. Madrid: Ediciones Fax, 1942. 259 p.

¹ Омар ибн Хафсун (854–917) происходил из знатной вестготской семьи, некогда перешедшей в ислам. В 880 г. он возглавил восстание андалусской знати против власти кордовских Омейядов. В 899 г. Омар ибн-Хафсун крестился, приняв имя Самуил

9. Ruiz A. S. Obras competes de San Eulogio. Córdoba: Real Academia de Córdoba, 1959. 431 p.
10. Sánchez Madrid S. Arqueología y Humanismo. Ambrosio de Morales. Córdoba: Universidad de Córdoba, 2002. 176 p.
11. Simonet F.J. Historia de los mozárabes de España : deducida de los mejores y más auténticos testimonios de los escritores cristianos y árabes. Madrid: Establecimiento Tipográfico de la Viuda e Hijos de M. Tello, 1897–1903. 976 p.

REFERENCES

1. Boiko K. A. Arabskaya istoricheskaya literatura v Ispanii (VIII - pervaya tret' XI v.) [Arabic Historical Literature in Spain (VIII - First Third of the XI Century)]. M., Nauka, 1977. 290 p.
2. Istoriya Ispanii [T. 1. S drevneishikh vremen do kontsa XVII veka] [The History Of Spain [Vol. 1. From Ancient Times to the Late Seventeenth Century]]. M., Indrik, 2012. 696 p.
3. Mariana, Khuan de. Vseobshchaya istoriya Ispanii [Reprintnoe izdanie 1779–1782 godov] [General History of Spain [Reprint 1779-1782 Years]]. SPb., Aleteiya, 2016. 676 p.
4. Rybina M.V. Kogda pogib poslednii iz kordovskikh muchenikov? [When did the Last of the Cordoban Martyrs Die?] // Srednie veka. 2009. no. 70 (1–2). pp. 156-173.
5. Rybina M.V. V poiskakh dobrovol'nogo muchenika (Kordova, X vek) [In Search of a Voluntary Martyr (Cordoba, X Century)] Srednie veka. [The Middle Ages.]. 3. 2009. pp. 32-44.
6. Herrera Roldán P. Lengua y cultura Latinas entre los mozárabes cordobeses del siglo IX. Córdoba: Universidad de Córdoba, 1995. 148 p.
7. Herrera Roldán P. Obras completas San Eulogio de Córdoba. Madrid: Ediciones Akal, 2005. 269 p.
8. Pérez de Urbel J. San Eulogio de Córdoba o la vida andaluza en el siglo IX. Madrid: Ediciones Fax, 1942. 259 p.
9. Ruiz A. S. Obras competes de San Eulogio. Córdoba: Real Academia de Córdoba, 1959. 431 p.
10. Sánchez Madrid S. Arqueología y Humanismo. Ambrosio de Morales. Córdoba: Universidad de Córdoba, 2002. 176 p.
11. Simonet F.J. Historia de los mozárabes de España : deducida de los mejores y más auténticos testimonios de los escritores cristianos y árabes. Madrid: Establecimiento Tipográfico de la Viuda e Hijos de M. Tello, 1897–1903. 976 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбина Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «История и политология» Московского политехнического университета (МАМИ); e-mail: rybina82@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybina Mariya V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of «History and Political Science» Department, Moscow Polytechnic University; e-mail: rybina82@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Рыбина М.В. Кордовские мученики в официальной хронистике католической Испании XVI в.: формирование национальной историографии // Вестник Московского государ-

ственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-8-15

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Rybina. The cordovan martyrs in the official chronicles of catholic Spain in sixteenth century: the creation of national historiography // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-8-15

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-16-23

ЭВОЛЮЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В РАБОТАХ Т. КАРЛЕЙЛЯ

Кадыкова М.Н.

Государственный социально-гуманитарный университет

140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д.30, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема биографического метода в истории, разработанного в работах шотландского мыслителя XIX в. Томаса Карлейля (1795–1881). Проводится анализ связи биографического метода с проблемой роли личности в истории. Ставится задача проанализировать работы Карлейля, опубликованные в период с 1831 до 1865 гг., затрагивающие проблему роли «героев» в истории. В заключении делается вывод о том, что взгляды на роль «великой личности» в истории у Карлейля эволюционировали от интереса к биографии человека вообще до отождествления конкретного исторического события с деятельностью «героя».

Ключевые слова: Томас Карлейль, биографический метод, роль личности в истории.

EVOLUTION OF THE BIOGRAPHICAL METHOD IN T. CARLYLE'S WORKS

M. Kadycova

State University of Humanities and Social Studies

30, Zelenaya Street, Kolomna, 140410, Moscow Region, the Russian Federation

Abstract. This article deals with the problem of the biographical method in history developed in the works of the XIX century Scottish philosopher Thomas Carlyle (1795 - 1881). The connection of the biographical method with the problem of the role of a «great man» in history is also analyzed. The aim of this article is to analyze Carlyle's works, published in the period of 1831-1865 and affecting the problem of the role of «heroes» in history. It is concluded that Carlyle's views on a «great man»'s role in history evolved from the interest to the biography of a man in general to the identification of a particular historical event with the «hero»'s activities.

Key words: T. Carlyle, 1831–1865, the biographical method, the problem of the role of «great man» in history.

Историческая наука на современном этапе своего развития знает множество методов исследования, позволяющих с разной долей точности раскрыть суть изучаемых исторических явлений, процессов, личностей, соотношение объективных и субъективных факторов: описательно-повествовательный, сравнительно-исторический, ретроспективный методы, метод терминологического анализа, методы математической статистики, измерение и моделирование исторических явлений [6, с. 216-264] и др. Одним из методов является биографический метод, элементы которого можно найти в античной историографии. Так, Плутарх (ок.

45 – ок. 127) в работе «Сравнительные жизнеописания» изучил биографии великих людей, сделав попытку посмотреть на их действия, как на историю. «Конечно, античные историки не пришли к убеждению, что история является продуктом деятельности людей». [6, с. 226] Пройдет еще долгое время, пока этот тезис будет, наконец, сформулирован, в связи с господствовавшей долгое время идеей провиденциализма в историческом мышлении. Несмотря на это, биографический метод укреплял позиции и во время господства провиденциализма, приобретая рационалистический смысл. Согласно Ф.-М.А. Вольтеру, французскому философу-просветителю XVIII в., великой личностью в истории является именно просвещенный монарх, рассматривающийся им в качестве движущей силы истории в противовес народу, который был, по его мнению, не более чем игрушкой в руках законодателей. Постепенно биографический метод играл все большую роль. Особенно активно его использовали представители политической историографии, где предмет исследования – политическая история – логично способствовал выдвижению на первый план именно роли личности политика, как носителя высшей государственной власти, как изъявителя воли народа. Именно расцвет политической историографии в итоге способствовал развитию биографического метода.

В работах английского писателя, философа, историка Томаса Карлейля (1795–1881 гг.) представлен один из вариантов биографического метода. Цель нашего исследования – проследить эволюцию биографического метода в 1831–1865 гг. в его работах.

Уже в начале своего творческого пути Карлейль выдвигает тезис, который он будет развивать в последующих работах: «Общественная жизнь является совокупностью всех отдельных человеческих жизней, которые и составляют общество; история есть бесчисленные биографии». [9, р. 255]. Итак, уже в 1831 г. Карлейль подчеркивает, что история – это биографии, которые надо изучать. Каких-либо крайних выводов он не делал, обозначая лишь, что необходимо изучать как собственную биографию, так и биографии миллионов, пытаясь проникнуть в их смысл, понять их сущность. В этот же период автор отмечал: ««История, – как уже было сказано, – есть бесчисленные Биографии». Таковой, по крайней мере, она должна быть, и никак иначе». [7, р. 53] Опираясь на тезисы о том, что человеку всегда будет интересна жизнь других людей, как в прошлом, так и в настоящем, будут предприниматься попытки понять мотивы, движущие тем или иным деятелем, Карлейль подчеркивает, что изучение биографий представляет двойной интерес: с одной стороны, научный, связанный с попыткой разрешить «философский вопрос о существовании, поставленный перед нами», с другой стороны, поэтический, связанный с тем, что «каждый человек – зеркало для нас», и его изучение может позволить разгадать или приблизиться к разгадке сверхъестественных тайн, скрытых в каждой личности, независимо от исторической эпохи, к которой он принадлежал. Но главная задача человека – заботиться о правдивости своих речей, говорить, по возможности, мудро. Карлейль подчеркивал, что, «пусть это не кажется плачевным, что так мало

действительно хороших Биографий. Они еще не накоплены в литературе, во всем мире, я не смогу найти более десятка, или чертову дюжину, да и те, в основном очень древние?» [1, с. 108]

Размышляя о социальных реалиях современного ему общества, о наличии «философии одежды», благодаря которой человек существует в обществе, ссылаясь на Гете, автор развивает мысль о необходимости изучения биографий людьми разных профессий: «Человек есть собственно *единственный* (курсив Карлейля – М.К.) предмет, который интересует человека», сама биография изначально «наиболее для всех полезная и для всех приятная из вещей, в особенности Биография выдающихся личностей». Опираясь на идею о том, что все в мире от Бога, Карлейль отмечает: «личность... всегда священна для нас», подчеркивая собственный интерес: «Я всегда имел самое горячее пристрастие к великим Людям», изучая их, особенно своих современников. [5, с.81, 149, 197] Таким образом, Карлейль развивает мысль о необходимости всестороннего изучения великих личностей. Самым интересным предметом исследования для людей должен являться именно человек, что заложено уже самой природой.

Таково начало эволюции взглядов Карлейля на биографический метод познания истории, следовательно, на роль личности в истории. Предметом истории должны выступать именно биографии великих людей. В качестве цели познания следует делать акцент на сбор фактов, их обработку, интерпретацию сквозь призму философии. Именно история – ключ к философскому осмыслению действительности.

Также история играет пророческую функцию в жизни людей, является Божественным Откровением, которое послано на землю для начала разгадки многих тайн. Следовательно, историк выступает в качестве пророка на земле. Уже в первых работах Карлейля обнаруживается интерес именно к изучению истории, как суммы биографий, но не раскрывается, кто конкретно должен стать объектом изучения, какие слои населения, какого рода занятий и т.п.

В 1837 г. вышла конкретно-историческая работа «Французская революция. История», посвященная анализу революции XVIII в. во Франции, в которой Карлейль выделяет две стороны: «25 миллионов народных масс», образно называя их «стадом», считая их также творениями Божьими, обладающими душой и определенными потребностями, пусть и минимальными; рассуждает об их «искренности и реальности», непредсказуемости, проныцательности, стремительности, смелости, инстинкте жизни. [1, с. 173; 4, с. 15-16] Автор объективно оценивал состояние французского общества, социально-политические настроения, понимал, что одному человеку вряд ли справиться с 25 – миллионной массой, поэтому необходим целый ряд героев, способных управлять массами: Мирабо – Дантон – Наполеон. «Одновременно с этим он выделяет «лжегероев», которых он оценивает достаточно неоднозначно, но которые сыграли в революции, согласно его точке зрения, также значительную роль, – Марат, Робеспьер, а также деятелей, которые «как звезды зажглись на небосклоне революции, но со временем исчезли с него в силу различных обстоятельств»

[1, с. 176]. Итак, в 1837 г. Карлейль доводит свои размышления о значении личностей в истории до крайних выводов, выделяя в истории Французской революции XVIII в. героев (Мирабо, Дантон, Наполеон), «лжегероев» (Марат, Робеспьер), считая 25-миллионную массу участников революции, но под руководством и управлением «героев», следуя биографическому методу.

В 1840 г. Карлейль четко определяет сферу своих интересов: «Я намерен говорить о героях, о том, как относились к ним люди и какую они играли роль; о том, что я называю почитанием героев и героическом в человеческих делах». В данном тезисе заключен круг проблем, решение которых позволит раскрыть понимание биографического метода Т. Карлейлем в 40-е гг. XIX в.. Для изучения истории автор предлагает биографический метод, подчеркивая, что «... всемирная история... есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле». [3, с. 6] Точка зрения автора уже четко социально ориентирована – именно великие личности творят историю, они должны изучаться во всей полноте, а не массы, подчиняющиеся и идущие за «героями», помогающие им творить историю.

Итак, в конце 1830–1840-е гг. работы Карлейля – это уже не отдельные рассуждения о биографиях личностей, а сформулированная им целостная концепция, определяющая роль великих личностей в истории, содержащая анализ условий и предпосылок появления их на земле, характерологические особенности личностей, их условия существования и проявления себя в истории. В лекциях «Герои, почитание

героев, героическое в истории» представлена периодизация героев, включающая в себя 6 сменяющих друг друга фаз: герой как божество (Один); герой как пророк (Магомет); герой как поэт (Данте, Шекспир); герой как пастырь (Лютер, Нокс); герой-писатель (Джонсон, Бёрнс, Руссо); венец всех форм героизма – герой как вождь (Кромвель, Наполеон). Такое деление, конечно, отчасти условно. Однако оно позволяет говорить, что в начал. 40-х гг. XIX в. Карлейль окончательно укрепился в мысли, что именно «великие личности» творят историю, их биографии следует изучать, рассматривая все остальные факторы как фон. Автор четко выделяет условия появления «героев» в истории: вера и религия, причем сами герои должны быть религиозными, нести в массы религиозные идеи (хотя данную характеристику нельзя считать общим условием для всех «великих» людей, достаточно вспомнить открытия Леонардо да Винчи и Ньютона, которые отнюдь не обязаны религии); нравственность, включающая в себя лучшие человеческие качества, среди которых особое место он отводил искренности и способности проникать в суть вещей; привязанность «героев» к конкретному историческому периоду.

Следующая проблема в работах Карлейля – анализ состояния всех сфер общества Англии в 40-е гг. XIX в., в рамках которой Карлейль вполне закономерно обращается к теме «героев» в связи с тем, что состояние его страны в изучаемый период требовало преобразований, которые он связывал именно с личностями: «Если только не может снова возникнуть какое –нибудь Почитание Героев в новой, соответствующей форме, то этот мир не

очень-то обещает быть долго обитаемым!» Он призывает стремиться к «героям – королям» и «миру, не лишённому геройства», которые спасут мир от повторения Французской революции, движений наподобие чартизма, различных восстаний. [3, с. 213, 278]

В 1847 г. Карлейль подчеркивал, что «биографии всех выдающихся людей, нравственны они или безнравственны, заслуживают быть написанными», утверждая в риторической форме, что «самая наука, в её любопытнейших формах, не есть собственно биография; разве она не история деяний, совершенных, по милости неба, оригинальным человеком?» Карлейль даёт четкие советы: для тех, кто собирается заниматься биографией, «... необходимо ответить на вопросы», «каким путем, какими средствами действовало влияние общества на него, и каким путем и какими средствами он, в свою очередь, влиял на общество?» [2, с. 62, 275, 346] Итак, исследователь должен учитывать в ходе работы над биографией как субъективные факторы, определяющие поступки, мысли, образ жизни изучаемой личности (анализ внутреннего мира героя), так и объективные факторы, оказывающие как прямое, так и опосредованное влияние (внешние обстоятельства, в которых герой жил, проявлял себя, взаимосвязанное влияние общества на человека и человека на общество). И только в ходе такой кропотливой работы, требующей массу времени, напряжения сил духовных и физических возможно создать действительно достойную биографию, справедливо утверждал Карлейль.

Анализ работ к. 30-х – 40-х гг. XIX в. позволяет говорить, что взгляды Карлейля на роль личности в исто-

рии, следовательно, биографический метод уже четко социально ориентированы: именно великие личности творят историю, а массы действуют на их фоне. Сформулирована теория «героического», состоящая из шести фаз. Выявлены условия и предпосылки появления великих личностей на земле, их характерологические особенности. Карлейль развивает мысль о необходимости написания биографий, утверждая, что наука – сумма бесчисленных деяний людей.

Героем Английской революции XVII в., согласно Карлейлю, выступил Оливер Кромвель, анализу деятельности народных масс не было уделено должного внимания, им не оставалось места на фоне деяний Кромвеля. Центральная идея работы об Английской революции заключена в тезисе: «Этот Оливер Кромвель был, как предполагает его народная фантазия, духом пуританского мятежа, без которого не было бы необыкновенно запомнившейся эпохи в мировой истории; поэтому, фактически, он, более чем в других заурядных случаях, заслуживает дать свое имя периоду и считать пуританский мятеж Кромвелиадой». [8, р. 10] Конец Английской революции Карлейль связывает со смертью своего «героя» в 1658 г. После его смерти и активной, смелой, упорной борьбы против разного рода анархий наступает темнота – столь непродолжительный период веры закончился, согласно теории о смене в истории эпох веры и безверия наступил период безверия, согласно теории Карлейля о смене исторических эпох.

В период 1858–1865 гг. для Карлейля в ходе анализа исторических событий единым по силе значимости

для мировой истории является смерть Фридриха Великого и начавшаяся позже Французская революция: «Когда он умер, в 1786, огромное Явление, называемое Французской Революцией уже рычало внятно в глубинах мира; метеорические-электрические сверкания, объявляя это, повсюду вокруг горизонта». Автор дает положительные характеристики личности Фридриха, как «короля-героя», выделяя, что «он до настоящего времени последний из Королей», который «сопровождает Французскую Революцию» и «закрывает Эпоху Мировой истории». Анализируя Фридриха Великого, Карлейль выделяет характерную черту героев, согласно биографическому методу, – «он всегда означает то, что он говорит», строя свои поступки и действия исключительно «для правды», не имея «ничего вообще от Лицемера или Фантома», «был далек от попытки» сфальсифицировать «факты». Кроме того, жизнь и личность Фридриха заслуживают внимания, должны быть тщательно изучены, в связи с тем, заключает Карлейль, что он, как «человек, официально Король к тому же», вел себя и управлял государством, стремясь не «быть Лгуном или Шарлатаном». Карлейль выделяет, что личность Фридриха интересна и с той позиции, что он жил в XVIII столетии, «которое не имеет Истории», «столь богатое в накопленной ложности» [10, р. 5-6, 12-13], по мнению автора, оставаясь при этом верным своим убеждениям и стремящимся к правдивости в поступках и решениях. В целом Т. Карлейль оценивает своего «героя» как короля-деятеля на троне, активно занимающегося как внутренней, так и внешней политикой государства. В этой работе

биографический метод Т. Карлейля нашел высшее воплощение: вся история Прусского государства XVIII в. ассоциировалась у Карлейля именно с личностью Фридриха II Великого.

Анализируя эволюцию биографического метода Т. Карлейля, следует выделить основные этапы: если в работах 1831–1836 гг., независимо от их жанра, содержатся отдельные высказывания о необходимости изучать биографии великих личностей в связи с тем, что они представляют интерес для человечества, показано значение биографий как жанра, то с 1837 г. конкретные исторические события, в частности, Французская революция, – воплощаются для Карлейля в трех «героях», – Мирабо, Дантоне, Наполеоне. С 1840 г. была прослежена эволюция «героев» в истории, выявлены условия и предпосылки появления великих личностей в истории, особенности характера и поведения в конкретных исторических обстоятельствах. Концепция о героях носит уже ярко выраженный социальный характер – именно «великие личности» творят историю, а массы выступают на их фоне. С 1846 г. высказываются конкретные пожелания и условия для тех, кто собирается заниматься биографией, а именно – необходимость тщательного изучения подробностей жизни своего «героя», стремление все изображать правдоподобно, избегая вымыслов. Только такие биографии будут представлять действительную ценность для современников и последующих поколений, по мысли Карлейля. В ходе изучения Английской революции, которая для автора воплотилась в «герое» - Оливере Кромвеле, а также истории Пруссии XVIII в., которая для него ассоции-

ровалась с жизнью и деятельностью метод достигает своего апогея, высшего Фридриха Великого, биографический го воплощения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Кадыкова М.Н. Проблема биографического метода в исторических исследованиях Т. Карлейля: дис ... канд. ист. наук. М., 2013. 269 с.
2. Карлейль Т. Исторические и критические опыты. М.: Типография И.И. Родзевича, 1878. 462 с.
3. Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991. 575 с.
5. Карлейль Т. Sartor Resartus. Жизнь и мысли герр Тайфельсдрекка. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1904. 356 с.
6. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
7. Carlyle T. Biography // Carlyle T. Critical and miscellaneous essays: collected and republished [Vol. IV]. L.: Chapman and Hall, 1891. P. 51-66.
8. Carlyle T. Oliver Cromwell's Letters and Speeches. Vol. I. L.: Methuen&Co, 1904. 596 p.
9. Carlyle T. On History // Carlyle T. Critical and miscellaneous essays: collected and republished. Vol. II. L.: Chapman and Hall, 1891. P. 253 – 263.
10. Carlyle T. The History of Friedrich II of Prussia called the Great. Vol. I. L.: Chapman and Hall, 1873. 696 p.

REFERENCES

1. Kadykova m.n. problema biograficheskogo metoda v istoricheskikh issledovaniyakh T. Karleilya: dis ... kand. Ist. Nauk [The Problem of the Biographical Method in Historical Studies of T. Carlyle: dis ... Cand. Ist. Sciences]. M., 2013. 269 p.
2. Karleil' t. Istoricheskie i kriticheskie opyty. [Historical and Critical Experiments.]. M., tipografiya i.i. rodzevicha, 1878. 462 p.
3. Karleil' t. Teper' i prezhdde [Now and Before]. M., respublika, 1994. 415 p.
4. Karleil' t. Frantsuzskaya revolyutsiya. Istoriya [The French Revolution. History]. M., mysl', 1991. 575 p.
5. Karleil' T. Sartor resartus. Zhizn' i mysl' gerr taifel'sdreka. [Sartor Resartus. The Life and Thought of Herr Teufelsdröckh.]. M., tipo-litografiya tovarishchestva i.n. kushnerev i ko, 1904. 356 p.
6. Smolenskii n.i. teoriya i metodologiya istorii: ucheb. Posobie dlya stud. Vyssh. Ucheb. Zavedenii / 2-e izd., ster [Theory and Methodology of History: Textbook. Manual for Univ. Students. / 2-nd Ed., stereotyped]. M., izdatel'skii tsentr «akademiya», 2008. 272 p.
7. Carlyle T. Biography // Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays: Collected and Republished [Vol. IV]. L.: Chapman and Hall, 1891. P. 51-66.
8. Carlyle T. Oliver Cromwell's Letters and Speeches. Vol. I. L.: Methuen&Co, 1904. 596 p.
9. Carlyle T. On History // Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays: Collected and Republished. Vol. II. L.: Chapman and Hall, 1891. P. 253 – 263.
10. Carlyle T. The History of Friedrich II of Prussia called the Great. Vol. I. L.: Chapman and Hall, 1873. 696 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кадькова Мария Николаевна – кандидат исторических наук, заместитель декана по учебной работе факультета истории, управления и сервиса Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: marianikol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kadykova Maria N. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Dean for Academic Affairs, Faculty of History, Management and Service, State University of Humanities and Social Studies;
e-mail: marianikol@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кадькова М.Н. Эволюция биографического метода в работах Т. Карлейля // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 16-23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-16-23

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Kadykova. Evolution of the biographical method in T. Carlyle's works // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 16-23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-16-23

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-24-32

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РСДРП

Савельев П.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье ставится вопрос о корпусе источников по истории РСДРП. Хотя история этой партии изучается уже более столетия, представления исследователей по данному вопросу до сих пор слабо связаны с наработками отечественной источниковедческой школы и сводятся главным образом к выяснению особенностей корпуса историко-партийных источников, а их классификации исходят из критериев «классовой» и фракционной принадлежности и противопоставления опубликованных документов неопубликованным. Автор статьи предлагает применить к источникам по истории РСДРП принципы, разработанные академиком И.Д. Ковальченко.

Ключевые слова: РСДРП, источниковедение, информационная ценность и классификация источников.

ON THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF THE SOURCES OF THE HISTORY OF THE RSDLP

P. Savel'ev

*Moscow Regional State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article raises the question of the body of sources on the history of the RSDLP. Although the history of the party has been studied for more than a century, the researchers' views on this issue are still poorly connected with the developments of domestic school of source study. They mainly clarify the characteristics of the building of the party sources, while their classifications base on the criteria of "class" and factional belonging, as well as on the contrasting of the published documents with the unpublished ones. The author offers to study the sources of the history of the RSDLP on the principles, developed by academician I.D. Kovalchenko.

Key words: the RSDLP, source study, information value and classification of sources.

В области источниковедения истории РСДРП накопилось немало нерешенных проблем. Много десятилетий советские историки стремились доказать наличие особого корпуса источников «историко-партийной науки». Между тем его специфика не выходит за рамки тематических различий. «Историко-партийная наука» канула в Лету уже четверть века тому назад, но по инерции продолжают существовать прежние представления об источниках по истории РСДРП. Давно уже пора признать, что под таковыми следует понимать *любой*

объект (проявление действительности), несущий информацию о РСДРП и независимый от субъекта (историка) [15, с. 122]. Абсолютно неправомерно поэтому деление источников на «хорошие» и «плохие», достоверные и недостоверные в зависимости от классово-партийной позиции их творцов (большевики, меньшевики, представители «эксплуататорских классов» и т.п.). Неинформативно также деление их на группы *опубликованных* и *неопубликованных*. Постоянно ведется работа по публикации документов и соотношение между опубликованными и неопубликованными материалами всегда относительно, изменчиво и не характеризует их по существу. Поэтому проблема классификации историко-партийных источников продолжает оставаться актуальной.

В 1920-е гг. пока шло формирование пропагандистской дисциплины «История ВКП (б)» противоборствовало два основных подхода к ее источникам. Подчеркивая необходимость «классовой оценки», проверки и перепроверки «материалов наших врагов», М.Н. Покровский, В.И. Невский, Н.Н. Авдеев указывали на необходимость использования всех источников «от шпионских донесений и частных писем до депеш иностранных послов» [1, с. 150; 19, с. 8; 24, с. 7-9]. Еще дальше шел один из немногих профессиональных историков-марксистов того времени Н.А. Рожков. В очень лаконичной статье, в целом посвященной методологии изучения революционного движения, он подверг резкой критике революционные мемуары как вид источников за чрезвычайный субъективизм и сознательное отступление от истины и умолчаниях [26, с. 72].

Иную позицию озвучила работница московского Истпарта Н. Милютинина [17], предложившая классификацию историко-партийных источников на основании критерия «достоверности», отождествляемой с партийностью. С ее точки зрения, безусловно, достоверны только большевистские документы. Наоборот, априори недостоверны документы, исходящие из других политических лагерей. Возражая ей, Невский утверждал, что все источники ценны, а осторожность, и скепсис необходимы в равной степени по отношению ко всем их группам. Только перекрестная критика всех имеющихся источников дает возможность «восстановить приблизительно верную картину» [18, с. 582, 583, 585]. Полемицировал с Милютининой и выдающийся отечественный историковеда и археограф С.Н. Валк. Он считал необходимым класть в основу классификации историко-партийных источников критерии различий их происхождения и содержания. С этой позиции Валк горячо защищал познавательную ценность документов жандармских управлений, охранных отделений и судебных палат [2, с. 239, 241].

В 1920-е годы источниковедение истории РСДРП не получило характера устойчиво существующего исследовательского направления, а в 1930-е и вовсе было свернуто в связи с письмом И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Знаменем «начала конца» историко-партийного источниковедения стала статья Г.А. Тихомирнова. Единственным видом абсолютно бесспорных источников, с его точки зрения, являлись документы В.И. Ленина [28, с. 44]. Соответственно и «исследования» стали строиться «от цитаты», сначала Лени-

на, затем – Сталина, потом снова – одного Ленина.

В 1956 г. И.С. Смирнов выступил со статьей, в которой разделил источники по истории КПСС на партийные документы, материалы международного рабочего движения, документы политических противников коммунистов и материалы советских государственных органов [27, с. 195]. Характерно, что в этой классификации имя В.И. Ленина даже не упоминается, а произведения руководителей партии, в составе которых, естественно, предполагаются и его сочинения, занимают скромное третье место в перечне. Есть в статье и декларация «всестороннего изучения всех источников, их анализа и сопоставления» [27, с. 196], и признание того, что «лакировка исторической действительности часто осуществляется посредством одностороннего использования источников» [27, с. 200]. Попытка решить задачу чтения университетского курса источниковедения истории КПСС была предпринята в МГУ в 1956/57 уч.г. В начале 1958 г. уже подводились итоги этого эксперимента. В целом солидаризуясь со Смирновым, авторы предлагали свою классификацию письменных источников по истории КПСС, на первом месте в которой стоят произведения классиков марксизма-ленинизма [20, с. 93]. Такой подход отражал уже явный консервативный поворот. У самих же авторов возникали сомнения по поводу асинхронности произведений классиков изучаемым событиям. Разрешили они их с изумительной легкостью, вспомнив догму о том, что «история КПСС – это марксизм-ленинизм в действии» [20, с. 94]. Опубликованное авторами статьи учебное пособие [21]

инициировало широкую дискуссию по методологическим проблемам источниковедения на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1962 – 1963 гг. В ходе нее выявилась тенденция, превратившаяся впоследствии в традицию, разведения предметов «партийного» и «гражданского» источниковедения, а соответственно и понимание дефиниции «источник». Впрочем, редакция журнала «Вопросы истории КПСС» в итоговой статье высказывала пока еще вполне здравые идеи о том, что «источниками для изучения истории КПСС являются все материалы, непосредственно отражающие то или иное событие, явление в жизни партии, помогающее понять его сущность, причины и следствия» [12, с. 101, 102, 104]. Дискуссия началась со статьи М.А. Варшавчика, а в 1970-х гг. он стал уже фактическим монополистом по общим вопросам источниковедения истории КПСС [3-6]. Как и в целом в истории КПСС, так и в ее источниковедении делался акцент на истории *правящей* партии. История РСДРП рассматривалась как ее начальный этап. Соответственно исследователи не видели существенных отличий в круге источников дореволюционного и постреволюционного периодов. Варшавчик предлагал классификацию [4, с. 81], в которой для выделения *отдельных* групп источников применялись *разные* критерии: по классовой принадлежности, по видам, происхождению и авторству. Как наиболее достоверные и информативные на первое место в классификации источников выдвигались произведения В.И. Ленина. То же, что в эту группу попадали и произведения печати, и делопроизводство, и документы лич-

ного происхождения, его совершенно не беспокоило. Далее следовали группы документов, созданные деятелями большевистской фракции (представления о ней тоже сужались до пределов «верных ленинцев»). Информация материалов, имеющих небошевистское происхождение, считалась сомнительной или даже прямо сфальсифицированной. В целом искаженные представления об источниковой базе предопределяли недостоверные и неубедительные результаты исследования.

Знаменем грядущих перемен стали обзоры материалов фонда Департамента полиции, созданные З.И. Перегудовой [22; 23]. Однако реального влияния на расширение источниковой базы историко-партийных сочинений они не оказали.

Крах КПСС привел к быстрому свертыванию исследований в этой области, а в той малой части, в которой они продолжились, к смене приоритетов, оценок, акцентов. В изучении РСДРП фактически господствующим направлением стала история *меньшевизма*. Применительно к ней продолжилась разработка источниковедческих вопросов. Значительный интерес представляет небольшая постановочная статья Г.И. Ильящук о личной переписке как историческом источнике [9]. А.А. Корников предпринял в целом плодотворную попытку классифицировать источники изучения биографий деятелей меньшевизма. Применительно к конкретной исследовательской задаче, стоявшей перед Корниковым, выстроенная им схема в целом логична. Вместе с тем она слишком дробна, грешит повторами и пропусками. Так, в большинстве случаев

Корников исходит из критерия субъекта делопроизводства, но в противоречии с ним выделяет подгруппы документов биографического характера и программно-уставных документов партии [16, с. 129, 131].

Книга И.Х. Урилова [29] не содержит какого-либо обоснования используемой классификационной схемы источников. Судя по структуре работы, автор выделяет опубликованные и неопубликованные документы, мемуары, эпистолярное наследие и периодику. При этом источником для него являются лишь материалы, имеющие меньшевистское происхождение.

Новейшая «История КПСС» содержит пространный раздел, посвященный источникам по теме, написанный Л.А. Молчановым. В целом вся предложенная им классификация применима к исследованию истории КПСС, но не РСДРП, которая действовала в нелегальных условиях. В классификации ничего не говорится о полицейском делопроизводстве, названы те разновидности делопроизводственных документов, которые либо вообще не существовали тогда (стенограммы, материалы партийной статистики), либо только складывались (протоколы). Но зато вообще не названа переписка, составлявшая львиную долю всего делопроизводства того времени. Большие сомнения вызывает выделение программных и уставных документов в самостоятельную группу источников по отношению к делопроизводству. Совершенно непонятно ограничение источников личного происхождения лишь мемуарами, да к тому же только «верных ленинцев» [10, с. 79, 80, 111].

Между тем, источниковедение отечественной истории, в отрыве от ко-

торой не может существовать история российских партий, давно и плодотворно развивающаяся историческая дисциплина. И.Д. Ковальченко еще в 1980-е гг. была предложена классификация источников [13-15], получившая международное признание. Ныне она положена в основу отечественных учебников по источниковедению [7; 8; 11].

Ковальченко подошел к классификации источников с учетом трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтаксического.

Наиболее общим из них является *синтаксический* (построение информации), в соответствии с которым выделяют типы *вещественных, изобразительных, фонических и письменных* источников. Фонические источники (как устные, так и аудиозаписи) по интересующей нас теме отсутствуют. Вещественные источники сосредоточены в ряде музейных собраний и архивов. Это – атрибуты партийной символики (прежде всего, знамена), партийные печати (как центральных учреждений, так и местных организаций), оборудование подпольных типографий, личные вещи участников движения и др. В целом корпус этих источников фрагментарен, они не являются массовыми. Изобразительные источники представлены главным образом фото-портретами и групповыми снимками. Они являются многочисленной группой источников, присутствуют в ряде личных фондов, отдельных коллекциях РГАСПИ, ГАРФ, Музея современной истории России. Малочисленная группа изобразительных источников

– карикатура отражает в сатирической форме отношение той или иной политической группировки к конкретным лицам, событиям, явлениям. К сожалению, источниковедение изобразительных источников еще не получило должной разработки. Напротив, письменные источники в этом отношении изучены лучше всего.

Историк всегда стремится получить информацию для достижения определенных целей. Поэтому в информационном процессе всегда имеет место *прагматический* аспект. Прагматическое использование информации всегда связано с избирательным отношением к ней. Наряду с ценностью такой отбор должен учитывать и достаточность информации. В рамках письменных источников на прагматическом уровне для рубежа XIX – XX вв. обычно выделяют *законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические источники, документы личного происхождения и печать*.

Применительно к любой конкретной теме исследования классификация источников осуществляется с учетом *семантического* (смыслового) аспекта информации. С этой точки зрения основными источниками по истории РСДРП являются три вида – *делопроизводственная документация, печать и источники личного происхождения*. *Статистические источники* в общем корпусе источников представлены лишь фрагментарно, а *законодательные акты* характеризуют только внешнюю обстановку, в которой действовала РСДРП.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авдеев Н.Н. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 1. С. 149-160; № 2. С. 213-220.
2. Валк С.Н. Об одной классификации историко-революционных документов // Историко-революционный сборник / Под ред. В.И. Невского. Т. 1. М.; Пг.: [б/и], 1924. С. 237-247.
3. Варшавчик М.А. Историко-партийное источниковедение: Теория. Методология. Методика. Киев: Вища школа, 1984. 319 с.
4. Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС: учеб. для студентов по спец. «История КПСС». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 221 с.
5. Варшавчик М.А. Предмет и задачи источниковедения истории КПСС: Введение в историко-партийное источниковедение. М.: Высшая школа, 1967. 180 с.
6. Варшавчик М.А., Спиринов Л.М. О научных основах изучения истории КПСС (Введение в историко-партийную науку). М.: Политиздат, 1978. 191 с.
7. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 459 с.
8. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Методика работы с историческими источниками: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 224 с.
9. Ильяшук Г.И. Переписка лидеров меньшевизма как исторический источник (на примере писем Ю.О. Мартова) // О подлинности и достоверности исторического источника: сб. ст. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1991. С. 71-83.
10. История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов, научн. ред. Н.В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
11. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская и др.; 2-е изд. М.: РГГУ, 2004. 702 с.
12. К итогам обсуждения некоторых вопросов источниковедения истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1963. № 5. С. 97-106.
13. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: тезисы докладов III Всесоюзной конференции (Новороссийск, 1979 г.) Ч. 1. М.: МГУ, 1979. С. 31-46.
14. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3. С. 129-148.
15. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2003. 486 с.
16. Корников А.А. Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии // Большевики и меньшевизм: сб. ст. / Ред. В.Л. Телицын, С.В. Тютюкин, И.Х. Урилов. М.: Изд. «Типография «Новости»», 1998. С. 127-152.
17. Милютин Н. Несколько слов о работе в историко-революционном архиве // Путь к Октябрю: сб.ст., воспоминаний и документов / Под ред. С. Черномордика. М., 1923. С. 246-254.
18. Невский В.И. Замечания, источники, литература // Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Т. 1. 2-е изд. Л., 1925. С. 579-586.
19. [Невский В.И.] План работ комиссии по истории РК.П. // Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 8-9.

20. О предмете источниковедения истории КПСС / З.В. Ждановская, А.Г. Маслова, А.И. Широков и др. // Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 89–100.
21. Обзор источников истории КПСС: курс лекций / З.В. Ждановская, П.Б. Жибалев, А.Г. Маслова и др. М.: МГУ, 1961. 559 с.
22. Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика И.И. Минца: сб. ст. / Ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1986. С. 376–389.
23. Перегудова З.И. Источник изучения социал-демократического движения в России (Материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 88–100.
24. [Покровский М.Н.] От Истпарта // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 7–9.
25. Приймак Н.И. Советское источниковедение ленинского наследия. Л.: ЛГУ, 1981. 175 с.
26. Рожков Н.А. К методологии истории революционного движения // Красная летопись. 1923. № 7. С. 71–74.
27. Смирнов И.С. Об источниковедении истории КПСС // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 195–201.
28. Тихомирнов Г. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии В.И. Ленина // Пролетарская революция. 1930. № 4. С. 43–61.
29. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть первая: Источниковедение. М.: Паритет, 2000. 288 с.

REFERENCES

1. Avdeev N.N. O nauchnoi obrabotke istochnikov po istorii RKP i Oktyabr'skoi revolyutsii [On the Scientific Treatment of the Sources of the History of the RCP and the October Revolution] // Proletarskaya revolyutsiya. 1925. no. 1 и 2. pp. 149-160, 213-220.
2. Valk S.N. Ob odnoi klassifikatsii istoriko-revolutsionnykh dokumentov [On One Classification of Historical-Revolutionary Documents] Istoriko-revolutsionnyi sbornik / Pod red. V.I. Nevskogo. T. 1 [Historical-Revolutionary Bulletin / Under the Editorship of V. I. Nevsky. Vol. 1]. M.; PG, 1924. pp. 237-247
3. Varshavchik M.A. Istoriko-partiinoe istochnikovedenie: Teoriya. Metodologiya. Metodika [Historical-Party Source Studies: Theory. Methodology. Methods]. Kiev, Vishcha shkola, 1984. 319 p.
4. Varshavchik M.A. Istochnikovedenie istorii KPSS: ucheb. dlya studentov po spets. «Istoriya KPSS» / 2-e izd., ispr. i dop [Sources of the History of the Communist Party: Proc. for Students Specializing in "CPSU History" / 2-e Ed., Rev. Additional]. M., Vysshaya shkola, 1989. 221 p.
5. Varshavchik M.A. Predmet i zadachi istochnikovedeniya istorii KPSS: Vvedenie v istoriko-partiinoe istochnikovedenie [The Subject and Objectives of the Source Study of History: Introduction to Historical-Party Source]. M., Vysshaya shkola, 1967. 180 p.
6. Varshavchik M.A., Spirin L.M. O nauchnykh osnovakh izucheniya istorii KPSS (Vvedenie v istoriko-partiinuyu nauku) [On the Scientific Foundations of the Study of History (Introduction to Historical-Party Science)]. M., Politizdat, 1978. 191 p.
7. Golikov A.G., Kruglova T.A. Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / 2-e izd [Chronology of Russian History: Textbook. Manual for Univ. Students. / 2nd Ed]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008. 459 p.
8. Golikov A.G., Kruglova T.A. Metodika raboty s istoricheskimi istochnikami: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya [Methods of Work with Historical Sources: Manual for Students of Higher Institutions of Profess. Ed.]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2014. 224 p.

9. Il'yashchuk G.I. Perepiska liderov men'shevizma kak istoricheskii istochnik (na primere pisem YU.O. Martova) [Correspondence of the Leaders of Menshevism as a Historical Source (on the Example of Y. O. Martov's Letters)] O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika: sb. st. [On the Authenticity and Reliability of Historical Sources: Collection of Articles]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1991. pp. 71-83
10. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz / Otv. red. A.B. Bezborodov, nauchn. red. N.V. Eliseeva [History of the Communist Party of the Soviet Union / Ed. by A. B. Bezborodov, Scientific Ed. N. V. Eliseyeva]. M., Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 671 p.
11. Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh spetsial'nostei / I.N. Danilevskii, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya i dr.; 2-e izd [Source Study: Theory. History. Method. The Sources of Russian History: a Textbook for Humanities / I. N. Danilevsky, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, etc.; 2nd ed]. M., RGGU, 2004. 702 p.
12. K itogam obsuzhdeniya nekotorykh voprosov istochnikovedeniya istorii KPSS [The Results of Discussing some Issues of Source study of the History of the CPSU] // Voprosy istorii KPSS. 1963. no. 5. pp. 97-106.
13. Koval'chenko I.D. Istoriicheskii istochnik v svete ucheniya ob informatsii (k postanovke voprosa) [A Historical Source through the Light of the Theory of Information (on the Question Statement)] Aktual'nye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin i ikh prepodavanie v vuzakh: tezisy dokladov III Vsesoyuznoi konferentsii (Novorossiisk, 1979 g.) CH. 1 [Actual Problems of Source Study of the History of the USSR, Special Historical Disciplines and their Teaching at Universities: Theses of Reports III All-Union Conference (Novorossiisk, 1979), Part 1]. M., MGU, 1979. pp. 31-46
14. Koval'chenko I.D. Istoriicheskii istochnik v svete ucheniya ob informatsii [A Historical Source through the Light of the Doctrine on Information] // Istoriya SSSR. 1982. no. 3. pp. 129-148.
15. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya / 2-e izd. dop. [Methods of Historical Research / 2nd ed. EXT.]. M., Nauka, 2003. 486 p.
16. Kornikov A.A. Istochnikovedcheskie aspekty izucheniya biografii deyatelei men'shevistskoi partii [Source Study Aspects of the Study of Biographies of Figures of the Menshevik Party] Men'sheviki i men'shevizm: sb. st. [The Mensheviks, and the Mensheviks: Collection of Articles]. M., Izdatel'stvo «Tipografiya «Novosti»», 1998. pp. 127-152
17. Milyutina N. Neskol'ko slov o rabote v istoriko-revolutsionnom arkhive [A Few Words about the Work in the Historical-Revolutionary Archive] Put' k Oktyabryu: sb.st., vospominanii i dokumentov / Pod red. S. Chernomordika [The road to October: a collection of articles, memoirs and documents / ed. by S. Chernomordik]. M., 1923. pp. 246-254
18. Nevskii V.I. Zamechaniya, istochniki, literatura [Comments, Sources, Literature] Ocherki po istorii Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii. T. 1 / 2-e izd [Essays on the History of the Russian Communist Party. Vol. 1 / 2nd ed]. L., 1925. pp. 579-586
19. [Nevskii V.I.] Plan rabot komissii po istorii R.K.P. [[V. I. Nevsky] the Working Plan of the Commission on the History of the R. C. P.] // Byulleten' Istparta. 1921. no. 1. pp. 8-9.
20. Z.V. Zhdanovskaya A.G., Maslova A.I. O predmete istochnikovedeniya istorii KPSS [On the Subject of Source Study of the History of the CPSU] // Voprosy istorii KPSS. 1958. no. 2. pp. 89-100.
21. Obzor istochnikov istorii KPSS: kurs lektsii / Z.V. Zhdanovskaya, P.B. Zhibalev, A.G. Maslova i dr [An Overview of the Sources of History: Course of Lectures / V. Z. Zhdanov, P. B. Gibali, A. G. Maslova, etc]. M., MGU, 1961. 559 p.
22. Peregudova Z.I. Vazhnyi istochnik po istorii revolyutsionnogo dvizheniya (Kollektsiya perlyustratsii TSGAOR SSSR) [An Important Source for the History of the Revolutionary

- Movement (Collection of Censorship TSGAOR USSR)] Istoricheskiy opyt Velikogo Oktyabrya. K 90-letiyu akademika I.I. Mints: sb. st. / Red. S.L. Tikhvinskii [The Historical Experience of the Great October Revolution. On the 90th Anniversary of Academician I. I. Mintz: Collection Of articles / Ed. by S. L. Tikhvinskiy]. M., Nauka, 1986. pp. 376-389
23. Peregudova Z.I. Istochnik izucheniya sotsial-demokraticeskogo dvizheniya v Rossii (Materialy fonda Departamenta politzii) [Source Study of the Social Democratic Movement in Russia (the Fund of the Police Department)] // Voprosy istorii KPSS. 1988. no. 9. pp. 88-100.
24. [Pokrovskii M.N.] Ot Istparta [[Pokrovsky M. N.] From Istpart] // Proletarskaya revolyutsiya. 1921. no. 1. pp. 7-9.
25. Priimak N.I. Sovetskoe istochnikovedenie leninskogo naslediya [The Soviet Source Study of Lenin's Heritage]. L., LGU, 1981. 175 p.
26. Rozhkov N.A. K metodologii istorii revolyutsionnogo dvizheniya [The Methodology of the History of the Revolutionary Movement] // Krasnaya letopis'. 1923. no. 7. pp. 71-74.
27. Smirnov I.S. Ob istochnikovedenii istorii KPSS [On the Sources of the History of the Communist Party] // Voprosy istorii. 1956. no. 4. pp. 195-201.
28. Tikhomirnov G. K voprosu o metodakh raboty nad istochnikami po nauchnoi biografii V.I. Lenina [On the Question of Methods of Work on the Sources of V. I. Lenin's scientific biography] // Proletarskaya revolyutsiya. 1930. no. 4. pp. 43-61.
29. Urilov I.KH. Istoriya rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma). CHast' pervaya: Istochnikovedenie [The History of Russian Social Democracy (Menshevism). Part one: Chronology]. M., Raritet, 2000. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Петр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского областного государственного университета;
e-mail: savelev@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savel'ev Petr Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University;
e-mail: savelev@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Савельев П.Ю. К вопросу о классификации источников по истории РСДРП // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-24-32

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

P. Savel'ev. On the question of classification of the sources of the history of the RSDLP // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-24-32

Всеобщая история

УДК 903

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-33-40

МИФОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Николаева Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена хронологии, периодизации и лингвистической атрибуции самых ранних верований, связанных с Великой Богиней (IX-VI тыс. до н.э.), которая проявляется и как божество, обеспечивающее евразийским охотникам (свидерская культура) изобилие животных в дикой природе, и как покровительница первых скотоводов Ближнего Востока (тахунийская культура, Иерихон «В»). Добавление к культу Великой богини функции покровительницы земледелия и оформление календарного мифа фиксируется в искусстве раннеиндоевропейского Чатал Гююка, а распространение мифа среди носителей других ностратических языков подтверждает существование ностратического союза с раннепраиндоевропейским центром в Чатал Гююке.

Ключевые слова: индоевропейские прародины, хронология, мифология, Великая богиня, Чатал Гююк, Иерихон

ON PROTO-INDO-EUROPEAN BELIEFS RELATING TO THE GREAT GODDES

N. Nikolaeva

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article focuses on the chronology, periodization and linguistic ascription of the earliest beliefs regarding the Great Goddess (IX-VI cent. BC). The Great Goddess revealed itself both as a deity who ensured the abundance of animals in wild nature for the Eropean hunters (Sviderian culture) but as a progenitress of the first pastoralists of the Middle East (Tachunian culture, Jericho "B"). The additional function of the goddess and formation of the calendar myth is fixed in the proto-Indo-European art of Čatal Höyük. The spread of the myth among other Nostratic languages speakers proves the existence of the Nostratic union with the proto-Indo-Europeacentre in Čatal Höyük.

Key words: Indo-European homelands, chronology, mythology, Great Goddess, Jericho, Čatal Höyük.

Мифология и хронология считаются до сих пор «вещами несовместными». Но никто не отрицает, что мифы – это хоть и далекая, но история, которая не существует вне времени и дат. Историзм мифа состоит в опосредованном отражении исторических явлений и ситуаций, поэтому мифы, по определению, принадлежат к историческим источникам, и в результате определенной последовательности действий могут быть датированы. Подходы к датировке избранных мифов разные, и в каждом конкретном случае метод датирования мифа свой, но все лежит в плоскости археологии и лингвистики, располагающих методами хронологической фиксации.

Как определить время рождения мифа? Сама идея датировки мифа связана с бытованием сходных мифологических сюжетов у носителей разных языков и этносов, территориально удаленных друг от друга. Их существование нельзя объяснить просто конвергенцией. Поскольку они отражают конкретную значимую часть их общей истории, нередко можно доказать их происхождение от общего источника. Реконструкция исходной мифологемы аналогична выделению праформ в лингвистике, ядра культуры в археологии и ранее уже был применен автором для датирования мифов о Мировом Древе (около 40 тыс. лет назад), о Мировом Яйце (XV–XI тыс. до н.э.), о Луке/ стрелах и Волчьем боге (X–IX тыс. до н.э.) [13, с. 14–156; 16, с. 355].

Два первых мифа о структуре и о сотворении мира возникли до появления индоевропейского праязыка, но являются базовыми и в индоевропейской мифологии. Анализируемый в статье культ Великой богини (далее

ВБ) отражен в наиболее полно дошедшем до нас мифе о Великой богине и Умиравшем и воскресающем боге, относящимся к календарным мифам, но тем не менее указывающим на исторические сведения о последовательности перехода от охоты, собирательства к земледелию и скотоводству.

Вопросы, поднимаемые в данной статье, следующие: 1) место рождения и пути распространения календарного мифа о **ВБ** и Умиравшем и воскресающем боге; 2) время формирования этого мифа и возникновения собственно культа **ВБ**; 3) этническая среда возникновения культа плодородия **ВБ**; 4) причины распространения исходного календарного праиндоевропейского мифа среди не-индоевропейского населения. Решение этих задач следует искать в финальном палеолите Карпато-Полесского региона и в докерамическом неолите Ближнего Востока.

Переход к производящей экономике, лежащий в основе любой цивилизации, в Восточном Средиземноморье – это переворот огромного культурно-исторического значения, неизбежно выразившийся и в переосмыслении религиозных верований предшествующего периода присваивающей экономики, и в приспособлении их к новым хозяйственным реалиям. Поскольку древнейший центр земледелия, по общему мнению, связан с населением, оставившим памятник Иерихон «А» [1, с. 35–53], логично было бы допустить, что культ плодородия и связанный с ним календарный миф возник впервые там же, у земледельцев. Вопреки ожиданиям к археологическим свидетельствам этих событий можно отнести только находки из слоев памятника древнейших скотоводов – протогоро-

да Иерихона «В»: таковы «глиняные статуарные группы в натуральную величину на каркасе из соломы или камыша, каждая из которых состоит из мужской, женской и детской фигур» [9, с. 44], а также пластина из зеленого камня с изображением двух обнимающихся фигур и женщины с ребенком на руках (Чатал Гуюк) [9, с. 89, 92, рис. 30].

Многослойный памятник Иерихон относится к двум разным по языку и происхождению культурам, которые сменяют друг друга во времени. Иерихон «А» – пост-натуфийский афразийско/прасемитский земледельческий центр, а Иерихон «В» – пост-свидерский¹/тахунийский евразийский² центр древ-

¹ Свидерская культура «охотников на северного оленя» (XII–IX тыс. до н.э.) на территории Польши и Южной Белоруссии [13, с. 259–268] представлена в тахунийской культуре Ближнего Востока, а Иерихон В – протогород тахунийцев [9, с. 41 сл.; 13, с. 250–259], включивших пришедших на Ближний Восток «свидерцев», еще сохраняющих свои родовые признаки без ближневосточных инноваций [9, с. 34–48; 13, с. 268–304].

² Евразийский/бореальный язык, по Андрееву [1, с. 290–294], – это общность прауральского, праалтайского и праиндоевропейского, в широком смысле, может рассматриваться как западная часть евразийской языковой общности, а носители языка – евразийцами. Языковеды вкладывают разное понимание в состав, масштабы и локализацию евразийской общности, не уточняя характер связи между частями [20]. В данном контексте мы используем термин «евразийцы» к носителям бореального языка как более удобный для отражения их первоначального присутствия на западе Северной Евразии и учитывающий дальнейшее расселение неиндоевропейской части бореальной общности в Евразии. Согласно представлениям 1960-ых годов, ностратический праязык распадается с выделением афразийских, евразийских, праиндоевропейского, эламо-дравидского, пракартвельского в XI–VIII тыс. [6]. Поскольку авторы ностратической гипотезы

нейших скотоводов. Нами было показано, что кремневый комплекс Иерихона «В» корнями уходит в Европу и связан со свидерской культурой. Язык носителей свидерской культуры – бореальный. Охотники-свидерцы, мигрировавшие на юг из районов севера Европы, спасаясь от дриасовых холодов в конце IX тыс., трансформировались в новых условиях Малой Азии в скотоводов-тахунийцев, а затем и в земледельцев-скотоводов Чатал Гуюка (VII тыс.). Следовательно, язык ближневосточных «свидерцев», т.е. тахунийцев, к которым относится население Бейды и Иерихона «В», является производным от бореального языка, т.е. раннеиндоевропейским (РИЕ). Еще в Европе евразийцы изобрели лук и стрелы, приручили собаку (волка); в Малой Азии охотники приручили козу и стали первыми скотоводами Старого Света [14, с. 122; 15, с. 56–70]. Все эти признаки характерны для Иерихона «В», что стало главным отличием пришельцев-евразийцев от автохтонов – афразийцев [14, с. 121–123].

Присутствие праиндоевропейцев в VIII–VII тыс. в этом регионе следует из безальтернативности места контактов афразийцев, прасемитов с праиндоевропейцами на Ближнем Востоке,

не определяют локализацию ностратического праязыка, со временем возникли разночтения. С.А. Старостин, например, считает, что афразийская ветвь не входила в ностратический праязык, а развивалась параллельно с ним; он допускает первоначальное присутствие предков праиндоевропейского в Европе [19, с. 410]. В этом пункте его высказывание совпадает с гипотезой Н.Д. Андреева, доказывающего, что праиндоевропейцы – автохтоны Европы [1; 20]. А. Бомхард также считает, что связь между отдельными ностратическими языками, взятыми попарно, достаточно разная [21], что свидетельствует в пользу ареального характера ностратической общности.

однако не всех лингвистов и археологов, убеждает модель раннего присутствия праиндоевропейцев в Малой Азии. Согласование существующих противоречий было представлено В.А. Сафроновым в виде гипотезы о трех прародинах праиндоевропейцев. Их ранняя прародина была в Малой Азии [18, с. 28–46], а их корни – на севере Европы в финальном палеолите [13, с. 238]. Потомки первых скотоводов заимствовали навыки земледелия в процессе контактов с прасемитами в VII тыс. и создали комплексную земледельческо-скотоводческую экономику. Построенные ими протогорода Иерихон «В», Чатал Гюк были определены нами как раннепраиндоевропейские (РИЕ) [18, с. 28], поскольку их археологический комплекс – единственный для той эпохи, который может быть сопоставлен с портретом культуры по данным РИЕ языка [21, с. 65, 265–264]. Раннепраиндоевропейская атрибуция тахунийской культуры и ее ведущих памятников подтверждается как для ее раннего, так и для ее позднего этапов.

Чатал Гюк, финальный памятник тахунийской культуры, был притягателен для окружавших его разноразличных племен с присваивающей экономикой, поэтому на основе хозяйственных контактов в 7 тыс. сложился *ностратический ареальный союз между праиндоевропейцами, прасемитами, эламо-дравидами и пракартвелами*, который распался к началу 6 тыс. до н.э. И это – единственный хронологический отрезок в древней истории Ближнего Востока, когда с новой формой экономики мог быть *заимствован культ ВБ* [14, с. 125 и сл.]¹.

¹ Хотя урало-алтайская ветвь евразийцев рассматривается в числе ностратических язы-

Календарный миф о **ВБ** и Умирающем и воскресающем боге, который далее будем называть «аграрным мифом», дошел до нас в письменных памятниках², как реминисценции мистериальных культов плодородия в странах Средиземноморья. Скульптура богини неолитического Чатал Гюка, опирающейся на леопардов/львиц, – прообраз Великой богини античной эпохи. Такое заключение мы делаем, опираясь на позднюю иконографию, где **ВБ** изображается в сопровождении львов или леопардов. И этот факт предопределяет связь культа **ВБ** с мифологическими источниками последующих эпох.

Несмотря на различия в деталях³,

она не достигла Ближнего Востока, места их локализации, но общие черты евразийского праязыка сохранились в раннепраиндоевропейском и переданы в другие ностратические языки, что создает иллюзию их присутствия в ностратическом союзе. Уральцы и алтайцы спасались от холода на юге, как и «индоевропейские» евразийцы, но остановились в Крыму (стоянка Сюрень 2), а после освобождения от ледников Волго-Окского междуречья и Прибалтики вернулись на прежние места (Кунда, Бутово, Вис и др.)

² Он впервые письменно зафиксирован на рубеже 3/2 тыс. до н.э. [3] в разных вариантах у народов, говорящих на древнеегипетском, шумерском, семитских и индоевропейских языках, но письменная фиксация – это еще не последнее слово ни в определении времени сложения мифа, ни в установлении его исходного варианта и этнической атрибуции его создателей.

³ Существует несколько вариантов аграрного мифа с разными акцентами на функциях действующих богов, но основная сюжетная линия сохраняется. Древнеегипетский миф, в котором действующие лица – Осирис, Исида, Гор и Сет [12, с. 411–412], аналогичен древнегреческому мифу, в котором под другими именованиями выступают божества с теми же функциями: Иасий (Иасион) (хтонический бог подземных вод, плодородия и вегетативной силы растений), Деметра («богиня урожая», с чертами Великой богини), их сын Иакх, Зевс (бог-громовник и

смысл мифов о **ВБ** един. Это – поэтическое объяснение растительного цикла, связанного с круговоротом воды в природе. Ритуал, переданный в мифе, направлен на обеспечение хорошего урожая и трактуется, как связь **ВБ** с владыкой подземных вод, хтоническим божеством вегетативной силы прорастания зерна. Роль бога-громовника заключается в воссоединении небесных и подземных вод посредством молнии, поражающей хтонического бога.

Время появления этого календарного мифа можно уточнить, исходя из месопотамской версии¹ и упоминания в цикле об Энмеркаре [7; 11, с. 663; 12, с. 618] таких персонажей, как Инанна

повелитель небесных вод) [5, с. 63 (24а), 156]. В древнегреческой мифологии представлена и другая версия, где место Иасиона занимает Кора, дочь Деметры и Зевса, супруга Аида – Персефона. Кора/Персефона – богиня вегетативной силы, прорастания зерна, а Деметра – богиня урожая, покровительница земледелия. В аграрной обрядности народов Европы миф сохранился во второй версии с двумя безымянными фигурами – Мать и Дочь как богини урожая и плодородия. Иногда упоминается Хлебный ребенок и Хлебный волк. Это свидетельство того, что не только у всех индоевропейских народов Европы был этот миф, но он сохранил и элементы более древнего периода, когда за неимением подходящей богини ее функции исполнял Великий бог финально-палеолитической эпохи на севере Европы – Волчий бог [13, с. 97–131].

¹ В месопотамской шумеро-семитской мифологии главными героями являются Инанна / Иштар (Великая богиня), Думузи / Таммуз (кроме первой функции бога весенней растительности, он, вероятно, пастушье божество, покровитель скотоводства [7; 12, с. 197], и богиня подземного мира Эрешкигаль. Туманна роль бога неба Ану. Его роль возложена на Эрешкигаль. У западных семитов Восточного Средиземноморья (угаритская мифология известна в списках XIV в. до н. э. [11, с. 457].) существует несколько вариантов календарного мифа с разными акцентами на функциях действующих богов, но основная сюжетная линия сохраняется.

(**ВБ**) и Думузи (первоначальная функция бог-пастух, но последующее предназначение – Умиравший и воскресающий бог) [2, с. 242; 12, с. 197]. Учитывая происхождение имен Инанны и Думузи из языка – субстрата шумерского, на котором говорили носители общемесопотамских культур Самарры или Халафа 55–45 вв. до н.э., восходящих к культуре Чатал Гуюка (западный холм) [14, с. 219, 151–154], появление этого мифа и связь **ВБ** с ее спутником можно удревнить до 6 тыс., т.е. финала Чатал Гуюка (культуры восточного холма).

Истоки культа **ВБ** могут быть выделены, исходя из очевидных функций **ВБ**, относящихся к разным эпохам. В древнейшей коллекции скульптуры **ВБ** представлены все ее возрастные ипостаси. Надежно читается функция богини как прародительницы животного мира, подчеркиваемая спутниками **ВБ** – леопардами, и символикой в виде рождения Великой богиней животного. Из этого можно заключить, что **ВБ** была поначалу божеством охотников-евразийцев предшествующей эпохи. На следующей ступени эволюции эти представления адаптируются к новому хозяйственно-культурному типу, пастушеству. Многочисленные букрании (черепки домашних быков), размещенные по стенам в помещениях Чатал Гуюка, как и сюжет «Бык в окружении охотников», и сюжет «Человек верхом на быке» на фресках памятника – все это фиксирует переходную ступень от дикого к домашнему стаду крупного рогатого скота и новую функцию богини как покровительницы скотоводства. Первоначальная связь **ВБ** с животным миром в дикой природе подчеркивается и мифологемой «Умиравший и воскресающий зверь», которая давно

рассматривалась специалистами как более древняя параллель «Умиращему и воскресающему богу» [4, с.24-28]. Этот факт подтверждает предполагаемую на основе изобразительного ряда в искусстве Чатал Гююка первоначальную зооморфность паредра Великой богини, прежде чем обработка мифа не придала ему антропоморфный облик и аграрную функцию, а следовательно, появляется возможность удревнения календарного мифа и существования его скотоводческой версии (Инанна и Думузи, где он еще пастух и бог весенней растительности). Перенос двух персонажей календарного мифа из религиозных представлений охотников указывает на дату зарождения этого мифа (финал палеолита на севере Европы) и на евразийско-раннепраиндо-

европейскую среду его формирования.

Этот исходный календарный миф является *древнейшим в собственно индоевропейской религии и мифологии*. Он распространился среди неиндоевропейского населения Средиземноморья и Ближнего Востока в результате контактов с автохтонным населением и поддерживает наше предположение о существовании ностратических языков не в форме генетической общности с последующей дивергенцией, а в виде ареального союза их носителей. Это допущение позволяет нам объяснить с позиции лингвистики возможность миграции свидерцев-тахунийцев из Европы в Восточное Средиземноморье и определить родину предков ранних праиндоевропейцев в северных регионах Центрально-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев Н.Д. Раннепраиндоевропейский язык. Л.: Наука, 1986. 328 с.
2. Афанасьева В.К. Инанна // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 242.
3. Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1998. 25 с.
4. Богораз-Тан В.Г. Миф об умирающем и воскресающем звере // Художественный фольклор. 1929. Т. 1. С. 24–28.
5. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 620 с.
6. Дыбо В.А., Терентьев В.А. Ностратические языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 338–339
7. Канева И.М. Шумерский героический эпос // Вестник древней истории. 1964. № 3. С. 245–267; № 4. С. 191–225.
8. Массон В.М. Первые цивилизации. М.: Наука, 1989.
9. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.
10. Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А. К проблеме локализации древнейших афразийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тезисы и доклады конференции [Ч. 2]. М.: Наука, 1984. С. 35–53.
11. Мифы народов мира: в 2-х т. Т. 2 (К-Я). 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1991. 719 с.
12. Мифологический словарь. М., Советская энциклопедия. 1990. 672 с.
13. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, 1999. 310 с.
14. Николаева Н.А., Сафронов В.А., История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003. 424 с.

15. Николаева Н.А. О концепции четырех прародин индоевропейцев В.А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: МГОУ, 2010. С. 56–70.
16. Николаева Н.А. О хронологии древнейшего слоя в индоевропейской мифологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Т. XVIII. С. 355–367.
17. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Наука, 1994. 607 с.
18. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 402 с.
19. Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 406–447.
20. Alinei Mario. Towards a generalised continuity model for Uralic and Indo-European languages // The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia, IV, Oulu 18.8-20.8.2000. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae, 2002. С. 9–33.
21. Bomhard Allan. R Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics (With Special Reference to Indo-European): Vol.1-4 / 2-nd ed.. Charleston, SC: [Published as an open-access book under a Creative Commons license], 2015. 2562 с.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Andreev N.D. Rannepraindоевропейskii yazyk [Rendererinterface language]. L., Nauka, 1986. 328 p.
2. Afanas'eva V.K. Inanna [Inanna] Mifologicheskii slovar' [Mythological dictionary]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1990. pp. 242.
3. Bogatova O.V. Kul't Velikoi Materi bogov Kibely v greko-rimskoi drevnosti (K probleme religioznogo sinkretizma v antichnosti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The cult of the great Mother of the gods Cybele in Greco-Roman antiquity (To the problem of religious syncretism in antiquity): abstract. dis. kand. ist. Sciences]. SPb., 1998. 25 p.
4. Bogoraz-Tan V.G. Mif ob umirayushchem i voskresayushchem zvere [The myth of the dying and rising beast] Khudozhestvennyi fol'klor. 1929. T [Artistic folklore. 1929. T]. ..., pp. 24-28
5. Greivs R. Mify Drevnei Gretsii [The Myths Of Ancient Greece]. M., Progress, 1992. 620 p.
6. Dybo V.A., Terent'ev V.A. Nostraticheskie yazyki [Nostratic languages] Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1990. pp. 338-339.
7. Kaneva I.M. Shumerskii geroicheskii epos [Sumerian heroic epic] // Vestnik drevnei istorii. 1964. № 3. S. 245-267;. . no. 4. pp. 191-225.
8. Masson V.M. Pervye tsivilizatsii [The first civilization]. M., Nauka, 1989.
9. Mellart Dzh. Drevneishie tsivilizatsii Blizhnego Vostoka [Mellert George. The ancient civilizations of the Middle East]. M., Nauka, 1982. 149 p.
10. Militarev A.YU., SHnirel'man V.A. K probleme lokalizatsii drevneishikh afraziitsev [To the problem of locating ancient afraziytsev] Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneishaya istoriya Vostoka: tezisy i doklady konferentsii [CH. 2] [Linguistic reconstruction and ancient history of the East: abstracts and conference reports [Part 2]]. M., Nauka, 1984. pp. 35-53.
11. Mify narodov mira: v 2-kh t. T. 2 (K-YA) / 2-e izd [Myths of the world: in 2 t. T. 2 (K-I) / 2 ed]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 719 p.
12. Mifologicheskii slovar' [Mythological dictionary]. M., Soviet encyclopedia, 1990. 672 p.
13. Nikolaeva N.A., Safronov V.A. Istoki slavyanskoi i evraziiskoi mifologii [The origins of Slavic and Eurasian mythology]. M., Belyi volk, 1999. 310 p.
14. Nikolaeva N.A. Safronov V.A., Istoriya Drevnogo Vostoka v Vetkhom Zavete [Safronov V. A., History of the Ancient East in the old Testament]. M., Russkaya panorama, 2003. 424 p.

15. Nikolaeva N.A. O kontseptsii chetyrekh prarodin indoevropitsev V.A. Safronova [On the concept of the four ancestral home of the Indo-European V. A. Safronov] *Indoevropetskaya istoriya v svete novykh issledovaniy* [Indo-European history in light of new research]. М., МГОУ, 2010. pp. 56-70.
16. Nikolaeva N.A. O khronologii drevneishego sloya v indoevropeskoj mifologii [About the history of the oldest layer of Indo-European mythology] *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2014. T [Indo-European linguistics and classical Philology. 2014. T]. XVIII., pp. 355-367.
17. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan / 2-e izd* [The paganism of the ancient Slavs / 2 ed]. М., Nauka, 1994. 607 p.
18. Safronov V.A. *Indoevropeskie prarodiny. Gor'kii: Volgo-Vyatskoe kn* [Indo-European urheimat. Bitter: Volgo-Vyatsky kN], publ, 1989. 402 p.
19. Starostin S.A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika* [Comparative-historical linguistics and lexicostatistics] Starostin S.A. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Starostin S. A. Works in linguistics]. М., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. pp. 406-447.
20. Alinei Mario. *Towards a generalised continuity model for Uralic and Indoeuropean languages // The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia, IV, Oulu 18.8-20.8.2000. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae, 2002. C. 9-33.*
21. Bomhard Allan.R *Comprehensive Inroduction to Nostratic Comparative Linguistics (With Special Reference to Indo-European): Vol.1-4 / 2-nd ed..* Charleston, SC: [Published as an open-access book under a Creative Commons license], 2015. 2562 c.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolayeva Nadezhda A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Moscow State Regional University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Николаева Н.А. Мифология великой богини в праиндоевропейской древности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 33–40.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-33-40

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Nikolaeva. On proto-indo-european beliefs relating to the great goddess // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences.* 2016. no 4. Pp. 33–40.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-33-40

УДК 331.105.44:94(7/8)™20

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-41-46

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ САЛЬВАДОРА И АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА: 1920-Е ГГ.

Курков Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается активизация деятельности рабочих организаций Сальвадора в 1920-е гг., укрепление их организованности и боевитости, усиление политического сознания трудящихся. Показано, что руководство консервативного профцентра США – Американской федерации труда, используя в качестве инструмента Панамериканскую федерацию труда (ПАФТ), стремилось ввести рабочее движение Сальвадора и других латиноамериканских стран в русло проамериканского реформизма. На конгрессах ПАФТ делегаты из Сальвадора занимали открыто антиимпериалистические антиамериканские позиции.

Ключевые слова: Региональная федерация трудящихся Сальвадора, Конфедерация труда Центральной Америки, Американская федерация труда, Панамериканская федерация труда, Центральноамериканская федерация, Сальвадор.

THE LABOR MOVEMENT OF EL SALVADOR AND THE AMERICAN FEDERATION OF LABOR: THE 1920S

N. Kurkov

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the growing activity of the working organizations of El Salvador in the 1920s, as well as with the strengthening of their orderliness and fighting spirit, and intensification of the political consciousness of the workers. The leadership of the conservative trade-union center of the USA – the American Federation of Labor sought to enter the labor movement of El Salvador and other Latin American countries in the direction of Pro-American reformism, using the Pan-American Federation of Labor (PAFL) as a tool. At PAFL congresses the delegates from El Salvador openly took the anti-American and anti-imperialist position.

Key words: the Regional Federation of Workers of Salvador, the Confederation of Labor of Central America, the American Federation of Labor, the Pan-American Federation of Labor, the Central American Federation, Salvador.

В 1920-х гг. Сальвадор был слабообразованной в экономическом отношении сельскохозяйственной страной, игравшей роль аграрно-сырьевого придатка США и других капиталистических держав. Основу экономики этой небольшой цен-

тральноамериканской республики составляли крупные плантационные хозяйства по производству и экспорту кофе, где на фоне традиционных, докапиталистических методов эксплуатации развивались капиталистические отношения. Экономическая и политическая жизнь страны контролировалась тремя десятками семей латифундистов – крупнейших земельных собственников и экспортеров кофе. «Кофейные бароны» сосредоточили в своих руках важнейшие государственные посты. Интересы правившей земельной олигархии были тесно связаны с интересами иностранных монополий, занимавших ключевые позиции в инфраструктуре и внешней торговле республики.

Господство латифундизма и развитие аграрного капитализма повлекло за собой пролетаризацию широких слоев сельского населения. Быстро обозначилась резкая классовая поляризация, столь характерная для сальвадорского общества: помещичье-буржуазная верхушка, с одной стороны, и огромная масса безземельных крестьян, сельских пролетариев и полупролетариев – с другой. Одновременно расширились масштабы применения наемного труда в городах при сохранении высокого удельного веса сельскохозяйственного пролетариата. Основную часть городских трудящихся составляли рабочие ремесленных мастерских.

Пример мексиканской революции 1910–1917 гг. с её антиимпериалистической и антифеодальной направленностью, распространение революционных идей Октября способствовали активизации рабочего класса Сальвадора, укреплению его организо-

сти и боевитости, росту политического сознания трудящихся [12, с. 17–69; 13, с. 141].

Борьба против тирании «кофейной олигархии» нарастала. В 1920-е гг. она развивается вширь и вглубь. Рабочий класс Сальвадора начинает выступать как самостоятельная общественная сила. На базе стачечных комитетов возникают профессиональные союзы текстильщиков, обувщиков, швейников, пекарей, железнодорожников, механиков, строительных, типографских и сельскохозяйственных рабочих, что в свою очередь привело к образованию в 1924 г. Региональной федерации трудящихся Сальвадора (РФТ) – единого профцентра рабочих, сельских пролетариев и крестьян. Это была массовая организация, насчитывающая в своих рядах 75 тыс. членов [11, с. 11].

Укрепление боевых левых профсоюзов, стоящих на позициях решительной и последовательной защиты интересов трудящихся, проходило в острой идеологической и политической борьбе с анархо-синдикализмом и реформизмом. В конечном итоге в РФТ, рабочем движении Сальвадора возобладала их политическая линия [2, с. 193].

Выросли и укрепились интернациональные связи рабочего класса. К моменту создания РФТ идея солидарности с рабочим движением других латиноамериканских стран, осуществления организационного единства в региональном и континентальном масштабе прочно утвердилась в теории и практике сальвадорских рабочих организаций. В сентябре 1921 г. по инициативе рабочих организаций Сальвадора был созван конгресс трудящихся стран Центральной Америки,

который принял решение об учреждении единого центральноамериканского профцентра – Конфедерации труда Центральной Америки (КТЦА). В ее состав вошли рабочие ассоциации Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики, Никарагуа и Сальвадора (с 1924 г. профсоюзы Сальвадора стала представлять РФТ). Центральным руководящим органом Конфедерации стал исполнительный совет, в котором рабочее движение каждой из республик было представлено одним делегатом. Однако КТЦА оказалась слабой в организационном отношении. Ее активность проявлялась главным образом в сфере информационно-просветительской деятельности, которая к тому же была затруднена вследствие враждебного отношения или прямого противодействия со стороны властей¹.

Становление классовых пролетарских организаций в Центральной Америке проходило в упорной борьбе с идеологическими противниками марксизма. В 1920-е гг. усиливаются попытки проникновения в рабочее движение региона Американской федерации труда (АФТ). Играя на чувствах солидарности и братства трудящихся, необходимости совместной борьбы за свои жизненные интересы, лидеры АФТ создали в 1918 г. первый общеконтинентальный профцентр – Панамериканскую федерацию труда (ПАФТ). На базе ПАФТ руководство АФТ стремилось реконструировать латиноамериканское рабочее движение в соответствии с программными принципами и идеологическими установками североамериканского тред-юнионизма. Проводя проамери-

канскую политику, ПАФТ была объективно призвана играть роль орудия империализма США в профсоюзном движении континента. Идеология «рабочего» панамериканизма, направление и характер деятельности ПАФТ не соответствовали подлинным интересам и настроениям рабочего класса, трудящихся латиноамериканских стран.

Лидеры АФТ полагали – и не без оснований – что Конфедерация труда Центральной Америки создана с целью оказать противодействие влиянию панамериканизма. С их стороны были предприняты шаги к дискредитации и расколу КТЦА. Руководство ПАФТ заявило о непризнании «международного характера» конфедерации и предложило ей присоединиться к ПАФТ в качестве автономной организации, но без права «самостоятельного решения» вопросов, связанных с международной активностью и интернациональными связями центральноамериканских профсоюзов. Этот диктат со стороны лидеров ПАФТ был отвергнут [9, с. 49–50, 120–121].

Можно провести параллель между отношением АФТ к КТЦА и политическими маневрами госдепартамента США, обеспокоенного активизацией движения юнионистов за восстановление единства центральноамериканских стран. В январе 1921 г. Гватемала, Гондурас и Сальвадор заключили договор о создании межгосударственного политического союза – Центральноамериканской федерации. Этот шаг обеспокоил США, которые предпочитали иметь дело со слабыми, разъединенными центральноамериканскими государствами. В декабре 1921 г. в Гватемале не без участия США был орга-

¹ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 22, 1926 г., Д-23, № 8.

низован военный переворот. В январе 1922 г. Гватемала вышла из состава федерации, что привело к ее развалу.

Движение юнионистов находило поддержку в рабочих организациях, для которых лозунг центральноамериканского единства приобрел патриотическое и демократическое звучание [7, с. 37–51; 9, с. 49, 96, 120; 4, с. 566–570; 6, с. 266, 323–324]. Образование Центральноамериканской федерации явилось импульсом, ускорившим организационное слияние профцентров этих стран. Как уже отмечалось, КТЦА была учреждена осенью 1921 г., т.е. вскоре после создания федерации. «Противодействуя росту влияния КТЦА, – отмечает американский историк Л. Лоруин, – Американская федерация труда следовала примеру госдепартамента, который воспрепятствовал реализации планов политической консолидации Центральной Америки, – что отнюдь не способствовало увеличению ее (АФТ. – Н.К.) престижа в рабочем движении центральноамериканских республик...» [5, с. 298].

Рабочие организации Сальвадора, Никарагуа, Гватемалы, Гондураса и других латиноамериканских стран нередко использовали ПАФТ в качестве трибуны для политического самовыражения и для протеста против внешнеполитического курса США¹. На её конгрессах делегаты из этих стран занимали открыто антиимпериалистические позиции. Вопреки желаниям и противодействию консервативных и проимпериалистически настроенных лидеров АФТ – С. Гомперса, У. Грина и других, конгрессы ПАФТ становились

ареной острой борьбы и дискуссий вокруг экспансионистской политики США, поддержки национально-освободительных движений в Доминиканской Республике, Панаме, Никарагуа. На II конгрессе ПАФТ (1919 г.) представители рабочих ассоциаций Сальвадора отстаивали необходимость создания единого фронта всех рабочих организаций в борьбе против засилья американских монополий и олигархических режимов в Центральной Америке и других латиноамериканских странах. «Чаша терпения переполнена, – говорилось в представленной ими декларации. – Близится час возмездия и если нам не суждено добиться своих целей мирными средствами, пусть прольется кровь тиранов и очистит землю от позора и преступлений, которыми они её запятнали» [7, с. 22–25].

На III конгрессе (1921 г.) делегация Сальвадора выразила протест против интервенционистской политики США в Никарагуа и внесла резолюцию с требованием прекращения американского вмешательства во внутренние дела этой страны и восстановления ее суверенитета. АФТ добилась отклонения резолюции. На этом конгрессе выступления делегатов из Сальвадора и Гватемалы приобрели характер личной оппозиции председателю ПАФТ С. Гомперсу, который стремился оправдать интервенционистскую политику США и придать протесту латиноамериканских профсоюзов, как отмечалось в отчете американской делегации съезду АФТ, «более дипломатичную и примирительную форму» [3, с. 88; 8, с. 132–133].

Активную позицию заняли представители сальвадорских профсоюзов на V конгрессе (1927 г.), когда в связи

¹ Wisconsin State Historical Society. American Federation of Labor Papers, President's Office, General Correspondence, Box 36, Folder 6.

с вооруженной интервенцией в Никарагуа была принята резолюция о «немедленном выводе вооруженных сил Соединенных Штатов» с территории этой страны и прекращении интервенции [10, с. 93].

В Сальвадоре вовлечение народных масс в антиимпериалистическую борьбу, движение солидарности с народом Никарагуа приобрело широкий и целенаправленный характер. Активную роль в формировании антиимпериали-

стического сознания рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции играла Национальная антиимпериалистическая лига, созданная в 1926 г. по инициативе коммунистов. Совместными усилиями лиги и Региональной федерации трудящихся 17 января 1927 г. в столице республики Сан-Сальвадоре была организована мощная манифестация под антиимпериалистическими лозунгами. В ней участвовало более 10 тыс. человек [1, с. 330–331].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Красный интернационал профсоюзов. 1927. № 3.
2. Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М.: Мысль, 1975. 328 с.
3. American Federation of Labor. Proceedings. 1921.
4. Hispanic American Historical Review. Baltimore – Durham, November 1920.
5. Lorwin L.L. Labor and Internationalism. N.Y.: Macmillan Co, 1929. 622 P.
6. Meyer H.K. Historical Dictionary of Nicaragua. Metuchen, N. J.: Scarecrow Press, 1972. 503 P.
7. Pan-American Federation of Labor (далее – PAFL). Proceedings. 1919.
8. PAFL. Proceedings. 1921.
9. PAFL. Proceedings. 1924.
10. PAFL. Proceedings. 1927.
11. Pensamiento critico. La Habana. 1971. № 48.
12. Revolutionary Radicalism: its history, purpose and tactics with an exposition and discussion of the steps being taken and required to curb it. Part I [Revolutionary and Subversive Movements Abroad and at Home. Vol. II]. Albany: J.B. Lyon Company, 1920. 245 P.
13. La Universidad. San Salvador. 1971. № 4.

REFERENCES

1. Krasnyi internatsional profsoyuzov [Red International of Trade Unions]. 1927. no. 3.
2. Leonov N.S. Ocherki novoi i noveishei istorii stran T'Sentral'noi Ameriki [Essays on Modern and Contemporary History of Central America]. M., Mysl', 1975. 328 p.
3. American Federation of Labor. Proceedings. 1921.
4. Hispanic American Historical Review. Baltimore – Durham, November 1920.
5. Lorwin L.L. Labor and Internationalism. N.Y.: Macmillan Co, 1929. 622 p.
6. Meyer H.K. Historical Dictionary of Nicaragua. Metuchen, N. J.: Scarecrow Press, 1972. 503 P.
7. Pan-American Federation of Labor (далее – PAFL). Proceedings. 1919.
8. PAFL. Proceedings. 1921.
9. PAFL. Proceedings. 1924.
10. PAFL. Proceedings. 1927.
11. Pensamiento critico. La Habana. 1971. № 48.
12. Revolutionary Radicalism: its history, purpose and tactics with an exposition and discussion of the steps being taken and required to curb it. Part I [Revolutionary and Subversive Movements Abroad and at Home. Vol. II]. Albany: J.B. Lyon Company, 1920. 245 p.
13. La Universidad. San Salvador. 1971. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurkov Nikolay V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the New and Contemporary History and Methodology, Moscow State Regional University;
e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Курков Н.В. Рабочее движение Сальвадора и Американская федерация труда: 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 41–46.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-41-46

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Kurkov. The labor movement of El Salvador and the American federation of labor: the 1920s // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 41–46.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-41-46

УДК 070:94(497.1) «1941»

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-47-58

МАРТОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1941 ГОДА В ЮГОСЛАВИИ В СОВЕТСКОЙ ПРессЕ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «ПРАВДА» И «ИЗВЕСТИЯ»

Плужников Д.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена освещению ведущими советскими газетами «Правда» и «Известия» событий в Югославии, приведших к государственному перевороту 27 марта 1941 года, самому перевороту и событиям, непосредственно последовавшим за ним. Сравнивая публикации в различных изданиях, автор показывает их практически полную идентичность и приходит к выводу, что информация в СССР подавалась дозированно и однотипно. На примере газеты «Таймс» в статье показывается, что методы манипулирования общественным сознанием не были ни изобретением, ни исключительной особенностью советской прессы. Автор статьи делает выводы о необходимости серьёзных исследований по истории отечественных СМИ и критических работ об использовании периодических изданий (газет) в качестве исторических источников.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская пресса, «Таймс» (Великобритания), «Нью-Йорк Таймс», Югославия, Тройственный пакт, газета «Правда», газета «Известия».

THE YUGOSLAV COUP D'ÉTAT OF 1941 IN THE SOVIET PRESS, AS ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF "PRAVDA" AND "IZVESTIA" NEWSPAPERS

D. Pluzhnikov

*Moscow Regional State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The author analyzes the way the leading Soviet Newspapers "Pravda" and "Izvestia" presented the events in Yugoslavia that led to the coup of March 27, 1941, the coup d'état itself and its immediate consequences. The author compares the wording and contents of articles in different periodicals and proves them to be almost identical, suggesting that press agenda in the USSR remained under tight and persistent control. These observations are put into broader perspective by identification of similar public opinion manipulation methods employed by "The Times" newspaper rather than being a specific feature of the Soviet press. The author stresses the need for a deeper study of domestic media history and further critical review of the use of periodicals as primary sources.

Key words: The World War II, the Soviet press, "The Times" (Great Britain), "The New York Times", Yugoslavia, Tripartite Pact, newspapers "Pravda", newspapers "Izvestia".

Средства массовой информации (СМИ) вошли в жизнь человека относительно недавно по историческим меркам. Ещё в XVI – начале XVII века их аудитория оставалась крайне малочисленной [51; 56; 60; 63]. Во-первых, число людей, умевших читать и писать, было невелико. Во-вторых, рукописные формы распространения информации могли охватить совсем небольшой круг лиц, а полиграфические технологии были несовершенными и дорогими.

Принято считать, что первая печатная газета вышла в Германии, но именно в Англии второй половины XVII века и на протяжении XVIII века формируется и развивается пресса в современном ее понимании. Ещё в годы Английской буржуазной революции стороны уделяют большое внимание идеологической работе с массами, выражавшейся в издании памфлетов, листовок, карикатур и гравюр [62]. В послереволюционной Англии появляются профессиональные журналисты; самыми известными среди них стали Даниэль Дефо и Джонатан Свифт [51; 60]. К концу XVIII века журналистика и газетный бизнес становятся частью обыденности. Газеты начинают влиять на формирование общественного мнения — как во внутренней политике, так и во внешней. Очень показательна в этом плане история старейшей ежедневной газеты *The Times* [65; 66; 67; 68; 69]. Уже в конце XVIII века владельцы газеты стали неофициально сотрудничать с правительственными и околоправительственными кругами. В XIX веке эта тенденция усилилась, а профессиональные журналисты, такие, как, например Г. Рив, начинают писать откровенно «казачные» статьи.

Как напоминает С.И. Беглов, «в английских архивах сохранились памятные записки, в которых сотрудники обращались к министру иностранных дел со своего рода «дежурным» вопросом: «Что Вы посоветуете внушить Риву?»» [51, с.37]. Газета «Таймс» при всей своей авторитетности разработала и внедрила ряд способов манипуляции общественным мнением: утаивание, замалчивание и дозирование информации; публикация откровенно искажённых фактов или фальшивок; резкое изменение оценки события, личности и так далее [51; 60; 65; 66; 67; 68; 69]. Поэтому, рассматривая советскую прессу, следует сопоставлять ее с общемировыми тенденциями в СМИ, учитывая, в то же время, особенности, ей присущие.

В Советском Союзе выходило множество газет и журналов, но самыми влиятельными среди них можно с уверенностью назвать «Правду» и «Известия». Газета «Правда», отметившая столетие в 2012 году, относилась к так называемой «партийной прессе» и выражала взгляды и интересы партии большевиков [52; 53; 54; 59]. Но изначально газета была не идеологическим изданием, а ежедневной газетой для рабочих. Первый редактор «Правды» Н.Г. Полетаев в 1927 году вспоминает: «...мысль о создании ежедневной рабочей газеты, появившаяся ещё в «Звезде» в 1910 году, но осуществить её мы не могли за отсутствием средств. Зимой 1911-1912 года я встретился с Владимиром Ильичом в Лейпциге. Здесь мы окончательно условились к весне 1912 года выпустить ежедневную рабочую газету. Часть необходимых для издания средств Владимир Ильич обещал достать за границей, остальную

мы должны были добыть в России... Мы выпустили «Правду» 22 апреля 1912 года» [53, с.26-27]. Но в годы революции и гражданской войны газета становится центральным печатным органом Российской коммунистической партии (большевиков). После победы большевиков «Правда» оказывается самым влиятельным печатным органом в стране.

28 февраля 1917 года увидел свет первый номер газеты «Известия», который являлся печатным органом «Петроградского совета рабочих депутатов»; со временем газета стала печатным органом «Советов депутатов трудящихся СССР» [54; 55; 57; 58; 59].

Хотя советская пресса и противопоставлялась капиталистической, она всячески использовала методы, опробованные в той же «Таймс»: «Многие правительственные деятели направляли в редакцию Таймс свои статьи, публиковавшиеся без подписи. Таймс ввела правило печатать корреспонденции и комментарии без подписи, а редакционные статьи начинала с помпезного обращения – «Мы», пытаясь таким образом встать в позу авторитетного оракула» [60, с.34].

К сожалению, все работы по истории советской прессы и журналистики, выходившие в советское время, несли на себе идеологический отпечаток. Не лишены этого и книги, выпущенные издательством Московского университета: «История партийно-советской печати» [59] и «История партийной и советской журналистики» [54]. Книжки, посвященные газетам «Правда» и «Известия» и вышедшие в одноимённых издательствах, представляют собой лишь сборники воспоминаний работников газет и авторов, фрагмен-

тов статей, а не научные исследования [52; 53; 57; 58]. Особняком стоит книга Н.И. Друзенко «Правда об «Известиях»» [55]: бывший работник газеты, он пытается понять и разобраться, какой газета была в советское время и какой она стала в постсоветское. В целом полноценных научных исследований о газетах, сопоставимых, например, с четырёхтомной в пяти книгах историей Таймс «The History of The Times» [65; 66; 67; 68; 69] у нас нет.

Газета «Правда» к 1941 году выходила ежедневно на 6 страницах; пятая страница традиционно отдавалась под международные новости, за исключением номеров, посвящённых каким-то значимым событиям — таким, как дни рождения Ленина и Сталина, празднования 1 мая и 7 ноября, а также съезды Верховного Совета и партии. «Известия» выходили на 4 страницах, шесть дней в неделю со вторника по воскресенье; международные новости, за исключением вышеперечисленных случаев, публиковались на второй странице. Основные новости этого периода, разумеется, поставляла шедшая в это время Вторая мировая война.

В 1938 году произошёл «аншлюс» Австрии, и границы Третьего Рейха соприкоснулись с королевством Югославия. Политика умиротворения, поддержанная в передовицах «Таймс», привела 1 сентября 1939 года к началу Второй мировой войны. С началом войны и после поражения Франции в 1940 году правительство Югославии оказалось в сложной ситуации: традиционно ориентируясь на Францию как на союзника после 1918 года, оно фактически оказалось в политической изоляции. В конце 1940 года ситуация еще более ухудшилась: войдя в Алба-

нию, Муссолини начал боевые действия против Греции; к Тройственному пакту стран Оси присоединились Венгрия и Румыния; в марте 1941 года к пакту примкнула Болгария. 25 марта 1941 года правительство Цветкова-Мачека присоединяется в Вене к союзу трёх держав; взамен ему обещан порт Салоники и неиспользование территории Югославии для переброски войск. Сербский историк Сима М. Чиркович характеризует случившееся как отступление перед силой [64, с.340].

Югославия нечасто фигурировала в новостях. Так, в «Правде» 5, 18, 21 марта и в «Известиях» 18, 20, 21 марта, она выступает в качестве новостного повода [1-3; 30; 40-41]. Если открыть сообщения от 18 и 21 марта, то, помимо полностью совпадающих названий, обращает внимание абсолютно идентичное содержание заметок, как перепечаток сообщений ТАСС со ссылкой на другие информационные агентства. И в целом информация в разделах международных новостей в газетах практически полностью совпадает, в чём-то напоминая современные новостные интернет агрегаторы. Эту особенность советской прессы уже в годы «оттепели» отмечал Илья Эренбург на встрече с руководством страны 19 мая 1957 года. Как это описывает в своих мемуарах Даниил Гранин, «разговор перешёл на журналистику, и вдруг Эренбург довольно язвительно спросил как бы всех, какой смысл иметь столько газет, если все они пишут и сообщают одно и то же, причём совершенно одинаково. Достаточно иметь одну газету» [4, с.197].

Непосредственным поводом к перевороту в стране стало присоединение Югославии к Тройственному пакту.

О возможности такого присоединения советские источники сообщают 21 марта [40; 41], но в той же «Таймс» о сближении гитлеровской Германии и Югославии говорилось ещё 7 марта 1941 года — после того как 1 марта Болгария присоединилась к пакту трёх держав [49]. В «Таймс» от 11 марта говорится, что подписание пакта откладывается [47]. Советская печать не упоминает об этом до 21 марта. Приведу первый абзац из этого сообщения: «НЬЮ-ЙОРК, 20 марта. (ТАСС). По сообщению белградского корреспондент агентства Юнайтед Пресс, югославское правительство в ноте, адресованной Берлину, даёт согласие на ограниченное присоединение к пакту трех держав. Как полагают, в ближайшее время германское правительство пригласит Цветковича и Цинцар-Марковича в Берлин для подписания соглашения» [40; 41]. Лондонская «Таймс» ещё неоднократно поднимает эту проблему, в том числе непосредственно перед самым заключением договора в Вене [45; 48]. Советскому же читателю не предлагают проанализировать ситуацию, а сообщают непосредственно о самом факте. И хотя названия незначительно отличаются (в «Правде» — «Присоединение Югославии к пакту трёх держав», в «Известиях» — «Подписание протокола о присоединении Югославии к пакту трёх держав»), сообщения снова полностью совпадают: «БЕРЛИН, 25 марта. (ТАСС). Германское информационное бюро передало следующее сообщение из Вены: «Сегодня в полдень к пакту трех держав присоединилась Югославия. Подписание протокола состоялось в торжественной обстановке в том же дворце Бельведер, где был подписан протокол

о присоединении Венгрии и Болгарии. При этом присутствовали: германский министр иностранных дел Риббентроп, югославский премьер-министр Цветкович и югославский министр иностранных дел Цинцар-Маркович, а также в качестве представителей государств — участников пакта трех держав итальянский министр иностранных дел Чиано, японский посол в Берлине Осима, словацкий посланник Чернак, венгерский посланник Стояи, румынский посланник Босси и болгарский посланник Драганов. Кроме них, на торжественном акте присутствовали многие представители местной и иностранной печати» [20; 26]. В этих же выпусках газет, в одних и тех же словах, сообщается об отставке югославских министров, об отъезде главы правительства и главы МИДа в Вену [16; 17], об обращении Риббентропа к премьер-министру Цветковичу [14;15] и о запрете Югославии пользоваться югославскими фондами в США [31;32]. Сообщения только констатируют факты, аналитика и прогнозы полностью отсутствуют. «Таймс» же выносит события вокруг Югославии на первую полосу номеров 24, 25, 26, 27 марта [45; 48; 50; 42], чем подчёркивается важность происходящего и возможная угроза Великобритании [42].

28 марта газеты «Правда» [33] и «Известия» [34; 35; 36; 37; 38] вышли с заголовком «События в Югославии» в разделе «В последний час»; газета «Таймс» вынесла на первую полосу заголовок «*Coup D'etat in Yugoslavia*» [43] («*Coup D'etat*» в переводе с английского означает «Государственный переворот»). И снова тексты в советских газетах полностью совпадают. Вот текст первого абзаца: «БЕЛГРАД,

27 марта. (ТАСС). За последние дни по всей Югославии прокатилась волна митингов и собраний протеста против внешнеполитической ориентации правительств Цветковича. 25 марта во всех учебных заведениях Белграда состоялись митинги, на которых были приняты резолюции протеста» [33; 36]. Антигерманская направленность протестов открыто не упоминается, о государственном перевороте не говорится, информация подаётся в контексте политического кризиса, приведшего к отставке правительства и принца регента Павла: «БЕЛГРАД, 27 марта. (ТАСС). Принц регент Павел ушел в отставку. Король Петр II объявил о переходе королевской власти в его руки. Образовано новое правительство» [33; 37]. Читателя знакомят с манифестом молодого короля Петра II [11; 35], составом нового правительства [38; 39], слухами об арестах членов старого правительства [33; 34], но о перевороте — ни слова.

29 марта «Таймс» выносит в заголовки первой полосы «*Nazi anger at Yugoslavia*» [46]. Английскому читателю дают понять, что Германия не приняла переворот. Советскому — одними и теми же словами рассказывают о составе югославского правительства [13; 23], об отъезде принца Павла [18; 19], о новом начальнике белградской полиции [12; 22]. Только в тексте обращения нового премьер-министра Югославии генерала Симовича, который не мог в открытую сообщить о факте государственного переворота — ведь по конституции совершеннолетие Петра наступало только через пять месяцев — проскакивают слова, которые обращены и к гражданам страны, и к нацистской Германии:

«В эти тяжелые дни югославский народ испытывал беспокойство по поводу того, как велись государственные дела. Недоверие к подобному положению вещей выражалось за последние дни с такой силой, что создалась угроза общественному порядку. Под давлением обеспокоенного общественного мнения произошли сегодняшние изменения. После того, как его величество король Петр II принял власть и сформировал правительство национального согласия, являющееся выражением настроений сербского, хорватского и словенского парода, больше нет оснований для беспокойства.

От имени правительства, во главе которого я нахожусь, я прежде всего обращаюсь с призывом к гражданам, и к властям и прошу их помочь королевскому правительству в выполнении важнейшей задачи данного момента — поддержать порядок в стране и мир на ее границах. Я призываю к патриотизму югославских граждан и прошу их отказаться от манифестаций, могущих создать трудности в наших отношениях с соседями, с которыми мы, я в будущем желаем оставаться также в мире и дружбе» [7; 21].

30 марта Югославия уходит с первой полосы «Таймс», а советская пресса стремится показать, что ситуация в Югославии нормализовалась, и политический кризис преодолён. Уже заголовки должны настроить на такой лад и снова абсолютно идентичные тексты и заголовки: «Коронация Петра II» [9; 10], «Присяга Петра II» [27; 28], «Приём королём Петром II Ивана Шубашича» [24; 25], «Заседание югославского правительства» [5; 6]. В следующих номерах «Правды» и «Известий» до 3 апре-

ля, Югославия не упоминается совсем.

В целом, читая раздел, посвящённый зарубежным новостям, убеждаешься, что информация подаётся в строго определенном духе, безальтернативно и ограниченно. Эту особенность советской, просоветской и в целом левой прессы — подавать информацию в заранее избранном ключе, невзирая на факты — ещё в годы гражданской войны в Испании 1936-1939 годов отметил в ряде своих работ («Памяти Каталонии» [61, с.5-242], «Кое-что из испанских секретов» [61, с.261-270], «Вспоминая войну в Испании» [61, с.333-359]) английский писатель и публицист Джордж Оруэлл. Слабый доступ к альтернативной информации, выражавшийся в невозможности свободно читать зарубежную прессу или выехать за границу, не позволял сопоставлять и делать собственные выводы о случившемся.

Но это свойство не только советской прессы. В 1976 году издательство газеты «Нью-Йорк Таймс» выпустило книгу, посвящённую освещению Мировых войн репортажами газеты [44]. В качестве иллюстраций составители включили лицевые страницы тех номеров, которые, по их мнению, отражали важнейшие поворотные события. Так, в раздел, посвящённый 1941 году, вошло только 7 номеров — от 6 апреля [44, р.175], 14 апреля [44, р.177], 13 мая [44, р.178], 22 июня [44, р.180], 8, 9 и 12 декабря [44, р.183, 184, 186]. В то же время стоит отметить, что даже сейчас, при более широком доступе к информации, не всегда наличествует возможность обратиться как к первоисточникам, так и альтернативным источникам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА**Источники:**

1. Воздушная тревога в Югославии // Правда. 1941. 5 марта.
2. Вынужденная посадка югославского самолёта в Болгарии // Правда. 1941. 18 марта.
3. Вынужденная посадка югославского самолёта в Болгарии // Известия. 1941. 18 марта.
4. Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М.: Центрполиграф, 2009. 442 с.
5. Заседание югославского правительства // Известия. 1941. 30 марта.
6. Заседание югославского правительства // Правда. 1941. 30 марта.
7. Заявление югославского премьер-министра генерала Симовича представителям печати // Правда. 1941. 29 марта.
8. К событиям в Югославии // Правда. 1941. 28 марта.
9. Коронация Петра II // Известия. 1941. 30 марта.
10. Коронация Петра II // Правда. 1941. 30 марта.
11. Манифест короля Петра II // Правда. 1941. 28 марта.
12. Назначение нового начальника Белградской полиции // Правда. 1941. 29 марта.
13. Новое югославское правительство // Правда. 1941. 29 марта.
14. Ноты германского правительства Югославии // Известия. 1941. 26 марта.
15. Ноты германского правительства Югославии // Правда. 1941. 26 марта.
16. Отставка двух югославских министров // Правда. 1941. 26 марта.
17. Отставка югославских министров // Известия. 1941. 26 марта.
18. Отъезд принца Павла из Белграда // Известия. 1941. 29 марта.
19. Отъезд принца Павла из Белграда // Правда. 1941. 29 марта.
20. Подписание протокола о присоединении Югославии к пакту трёх держав // Известия. 1941. 26 марта.
21. Положение в Югославии. Заявление премьер-министра Симовича // Известия. 1941. 29 марта.
22. Положение в Югославии. Новый начальник белградской полиции // Известия. 1941. 29 марта.
23. Положение в Югославии. Состав нового югославского правительства // Известия. 1941. 29 марта.
24. Приём королём Петром II Ивана Шубашича // Известия. 1941. 30 марта.
25. Приём королём Петром II Ивана Шубашича // Правда. 1941. 30 марта.
26. Присоединение Югославии к пакту трёх держав // Правда. 1941. 26 марта.
27. Присяга Петра II // Известия. 1941. 30 марта.
28. Присяга Петра II // Правда. 1941. 30 марта.
29. Распоряжение начальника белградской полиции // Правда. 1941. 29 марта.
30. Расследование бомбардировки югославского города // Известия. 1941. 20 марта.
31. Рузвельт наложил секвестр на югославские фонды в США // Известия. 1941. 26 марта.
32. Рузвельт наложил секвестр на югославские фонды в США // Правда. 1941. 26 марта.
33. События в Югославии // Правда. 1941. 28 марта.
34. События в Югославии. Арест членов бывшего правительства // Известия. 1941. 28 марта.
35. События в Югославии. Манифест короля Петра II // Известия. 1941. 28 марта.
36. События в Югославии. Митинги и события протеста // Известия. 1941. 28 марта.
37. События в Югославии. Отставка принца регента // Известия. 1941. 28 марта.
38. События в Югославии. Состав нового Югославского правительства // Известия. 1941. 28 марта.
39. Состав нового югославского правительства // Правда. 1941. 28 марта.

40. Юнайтед Пресс о согласии Югославии присоединиться к пакту трёх держав // Известия. 1941. 21 марта.
41. Юнайтед Пресс о согласии Югославии присоединиться к пакту трёх держав // Правда. 1941. 21 марта.
42. Britain and Yugoslavia // The Times. 1941. March 27.
43. Coup D'état in Yugoslavia // The Times. 1941. March 28.
44. Front Page History of The World wars as reported by The New York Times. New York: NYT; Arno Press, 1976. – 316 p.
45. Germany's terms to Yugoslavia // The Times. 1941. March 24.
46. Nazi anger at Yugoslavia // The Times. 1941. March 29.
47. Yugoslav-German pact delayed // The Times. 1941. March 11.
48. Yugoslav ministers go to Vienna // The Times. 1941. March 25.
49. Yugoslav relations with Germany closer collaboration // The Times. 1941. March 7.
50. Yugoslavia signs the Axis pact // The Times. 1941. March 26.

Литература

51. Беглов С.И. Четвёртая власть: британская модель (История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет). М.: МГУ, 2002. 256 с.
52. Век «Правды»: страницы истории газеты (1912–2012 годы). М.: АНО «Редакции газеты «Правды»», 2012. 448 с.
53. Газета на все времена «Правда»-95: страницы истории газеты (1912–2007). М.: АНО «Редакция газеты «Правды»», 2007. 168 с.
54. Дацюк Б.Д., Кузнецов И.В. История партийной и советской журналистики. М.: МГУ, 1984. 64 с.
55. Друзенко А.И. Правда об «Известиях»: Книга о второй древнейшей и вечно молодой профессии. М.: Стрежень, 1998. 192 с.
56. Живейнов Н.И. Капиталистическая пресса США. М.: Политиздат, 1956. 408 с.
57. «Известия»: страна, события, судьбы... М.: «Известия», 2007. 528 с.
58. «Известия»: страна, события, судьбы... Книга вторая. М.: «Известия», 2008. 528 с.
59. Кузнецов И.В., Мишуриц А.Л. История партийно-советской печати. М.: МГУ, 1972. 108 с.
60. Матвеев В. А. Империя Флит-Стрит (современная пресса Англии). М.: Политическая литература, 1961. 304 с.
61. Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. Эссе. М.: Издательство АСТ, 2016. 384 с.
62. Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: «Крафт+», 2000. 536 с.
63. Соколов В.С., Михайлов С.А. Периодическая печать Соединённых Штатов Америки. СПб: СПбУ, 1998. 144 с.
64. Чиркович Сима М. История Сербов. М.: Весь мир, 2009. 410 с.
65. The History of The Times [Vol. I. "The Thunderer" in the Making, 1785–1841]. London, 1950. 516 p.
66. The History of The Times [Vol. II. The Tradition Established, 1841–1884. London], 1939. 622 p.
67. The History of The Times [Vol III. The Twentieth century test, 1884–1912]. London, 1951. – 862 p.
68. The History of The Times [Vol. IV (Part 1–2). The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948]. London, 1952. 1182 p.
69. The History of The Times [Vol. IV. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part II: 1921–1948]. London, 1952. P. 535–1182.

REFERENCES

1. Vozdushnaya trevoga v Yugoslavii (Air Raid in Yugoslavia) // Pravda, 1941, 5 Mar,
2. Vynuzhdennaya posadka yugoslavskogo samoleta v Bolgarii (Emergency Landing of Yugoslav Aircraft in Bulgaria) // Pravda, 1941, 18 Mar,
3. Vynuzhdennaya posadka yugoslavskogo samoleta v Bolgarii (Emergency Landing of Yugoslav Aircraft in Bulgaria) // Izvestiya, 1941, 18 Mar,
4. Granin D. A. Prichudy moei pamyati [The Vagaries of my Memory]. M., Tsentrpoligraf, 2009. 442 p.
5. Zasedanie yugoslavskogo pravitel'stva (Meeting of the Yugoslav Government) // Izvestiya, 1941, 30 Mar.
6. Zasedanie yugoslavskogo pravitel'stva (Meeting of the Yugoslav Government) // Pravda, 1941.
7. Zayavlenie yugoslavskogo prem'er-ministra generala Simovicha predstavatelyam pechati (Statement of Yugoslav Prime Minister General Simovic to the Press) // Pravda, 1941, 29 Mar.
8. K sobytiyam v Yugoslavii (The Events in Yugoslavia) // Pravda, 1941, 28 Mar.
9. Koronatsiya Petra II (The Coronation of Peter II.) // Izvestiya, 1941, 30 Mar.
10. Koronatsiya Petra II (The Coronation of Peter II.) // Pravda, 1941, 30 Mar.
11. Manifest korolya Petra II (The Manifesto of King Peter II) // Pravda, 1941, 28 Mar.
12. Naznachenie novogo nachal'nika Belgradskoi politsii (The Appointment of the New Chief of the Belgrade Police) // Pravda, 1941, 29 Mar.
13. Novoe yugoslavskoe pravitel'stvo (The New Yugoslav Government) // Pravda, 1941, 29 Mar,
14. Noty germanskogo pravitel'stva Yugoslavii (Notes the German Government of Yugoslavia) // Izvestiya, 1941, 26 Mar.
15. Noty germanskogo pravitel'stva Yugoslavii (Notes the German Government of Yugoslavia) // Pravda, 1941, 26 Mar.
16. Otvstavka dvukh yugoslavskikh ministrov (The Resignation of the Two Yugoslav Ministers) // Pravda, 1941, 26 Mar.
17. Otvstavka yugoslavskikh ministrov (The Resignation of Yugoslav Ministers) // Izvestiya, 1941, 26 Mar.
18. Ot"ezd printsa Pavla iz Belgrada (Departure of Prince Paul from Belgrade) // Izvestiya, 1941.
19. Ot"ezd printsa Pavla iz Belgrada (Departure of Prince Paul from Belgrade) // Pravda, 1941, 29 Mar.
20. Podpisanie protokola o prisoedinenii Yugoslavii k paktu trekh derzhav (The Signing of the Protocol on the Accession of Yugoslavia to the Pact of Three Powers) // Izvestiya, 1941, 26 Mar,
21. Polozhenie v YUgoslavii. Zayavlenie prem'er-ministra Simovicha (The Situation in Yugoslavia. The Prime Minister Simovic) // Izvestiya, 1941, 29 Mar,
22. Polozhenie v YUgoslavii. Novyi nachal'nik belgradskoi politsii (The situation in Yugoslavia. The New Chief of the Belgrade Police) // Izvestiya, 1941, 29 Mar,
23. Polozhenie v YUgoslavii. Sostav novogo yugoslavskogo pravitel'stva (The situation in Yugoslavia. The Composition of the New Yugoslav Government) // Izvestiya, 1941, 29 Mar,
24. Priem korolem Petrom II Ivana Shubashicha (The Acceptance of Ivan Subasich by King Peter II) // Izvestiya, 1941, 30 Mar,
25. Priem korolem Petrom II Ivana Shubashicha (The Acceptance of Ivan Subasich by King Peter II) // Pravda, 1941
26. Prisoedinenie Yugoslavii k paktu trekh derzhav (Accession of Yugoslavia to the Pact of Three Powers) // Pravda, 1941, 26 Mar,

27. Prisyaga Petra II (Oath of Peter II) // Izvestiya, 1941, 30 Mar,
28. Prisyaga Petra II (Oath of Peter II) // Pravda, 1941, 30 Mar,
29. Rasporyazhenie nachal'nika belgradskoi politsii (The disposal of the chief of the Belgrade police) // Pravda, 1941, 29 Mar,
30. Rassledovanie bombardirovki yugoslavskogo goroda (The Investigation of the Bombing of Yugoslav Cities) // Izvestiya, 1941, 20 Mar,
31. Ruzvel't nalozhil sekvestr na yugoslavskie fondy v SSHA (Roosevelt Imposed the Sequester on the Yugoslav Funds in the United States) // Izvestiya, 1941, 26 Mar,
32. Ruzvel't nalozhil sekvestr na yugoslavskie fondy v SSHA (Roosevelt Imposed the Sequester on the Yugoslav Funds in the United States) // Pravda, 1941, 26 Mar,
33. Sobytiya v Yugoslavii (The Events in Yugoslavia) // Pravda, 1941, 28 Mar,
34. Sobytiya v YUgoslavii. Arest chlenov byvshego pravitel'stva (The Events in Yugoslavia. The Arrest of Former Cabinet Members) // Izvestiya, 1941, 28 Mar,
35. Sobytiya v YUgoslavii. Manifest korolya Petra II (The Events in Yugoslavia. The Manifesto of King Peter II) // Izvestiya, 1941, 28 Mar,
36. Sobytiya v YUgoslavii. Mitingi i sobytiya protesta (The Events in Yugoslavia. Rallies and Events of Protest) // Izvestiya, 1941, 28 Mar,
37. Sobytiya v YUgoslavii. Odstavka printsa regenta (The Events in Yugoslavia. The Resignation of the Prince Regent) // Izvestiya, 1941, 28 Mar,
38. Sobytiya v YUgoslavii. Sostav novogo Yugoslavskogo pravitel'stva (The Events in Yugoslavia. The Composition of the New Yugoslav Government) // Izvestiya, 1941, 28 Mar.
39. Sostav novogo yugoslavskogo pravitel'stva (The Composition of the New Yugoslav Government) // Pravda, 1941, 28 Mar.
40. Yunaited Press o soglasii Yugoslavii prisoedinit'sya k paktu trekh derzhav (United Press on the Consent of Yugoslavia to Join the Pact of Three Powers) // Izvestiya, 1941, 21 Mar,
41. Yunaited Press o soglasii Yugoslavii prisoedinit'sya k paktu trekh derzhav (United Press on the Consent of Yugoslavia to Join the Pact of Three Powers) // Pravda, 1941, 21 Mar.
42. Britain and Yugoslavia // The Times. 1941. March 27.
43. Coup D'état in Yugoslavia // The Times. 1941. March 28.
44. Front Page History of The World wars as reported by The New York Times. New York: NYT; Arno Press, 1976. – 316 p.
45. Germany's terms to Yugoslavia // The Times. 1941. March 24.
46. Nazi anger at Yugoslavia // The Times. 1941. March 29.
47. Yugoslav-German pact delayed // The Times. 1941. March 11.
48. Yugoslav ministers go to Vienna // The Times. 1941. March 25.
49. Yugoslav relations with Germany closer collaboration // The Times. 1941. March 7.
50. Yugoslavia signs the Axis pact // The Times. 1941. March 26.
51. Beglov S.I. Chetvertaya vlast': britanskaya model' (Istoriya pechati Velikobritanii ot «novostnykh pisem» do elektronnykh gazet) [The Fourth Power: the British Model (The History of Great Britain's Press from the "Newsletters" to Electronic Newspapers)]. M., MGU, 2002. 256 p.
52. Vek «Pravdy»: stranitsy istorii gazety (1912-2012 gody) [The Age of "Patvda": Pages of the Newspaper History (1912-2012 years)]. M., ANO «Redaktsii gazety «Pravdy»», 2012. 448 p.
53. Gazeta na vse vremena «Pravda»-95: stranitsy istorii gazety (1912-2007) [Newspaper for All Seasons "Pravda"-95: Pages of History of the Newspaper (1912-2007)]. M., ANO «Redaktsiya gazety «Pravdy»», 2007. 168 p.
54. Datsyuk B.D., Kuznetsov I.V. Istoriya partiinoi i sovetskoi zhurnalistiki [The History of the Party and Soviet Journalism]. M., MGU, 1984. 64 p.

55. Druzenko A.I. Pravda ob «Izvestiyakh»: Kniga o vtoroi drevneishei i vechno molodoi professii [The Truth about "News": a Book about the Second Oldest and Eternally Young Profession]. M., Strezhen', 1998. 192 p.
56. Zhiveinov N.I. Kapitalisticheskaya pressa SSHA [The Capitalist Press of the USA]. M., Politizdat, 1956. 408 p.
57. «Izvestiya»: strana, sobytiya, sud'by... M.: «Izvestiya» ["News": Country, Event, Fate, M.: "Izvestiya"]. Izvestiya, 2007. 528 p.
58. «Izvestiya»: strana, sobytiya, sud'by... Kniga vtoraya ["News": Country, Event, Fate, Book Two]. M., «Izvestiya», 2008. 528 p.
59. Kuznetsov I.V., Mishuris A.L. Istoriya partiino-sovetskoj pechati [The History of the Party and Soviet Press]. M., MGU, 1972. 108 p.
60. Matveev V. A. Imperiya Flit-Strit (sovremennaya pressa Anglii) [Empire Fleet Street (the Press of England)]. M., Politicheskaya literatura, 1961. 304 p.
61. Oruell Dzh. Pamyati Katalonii. Esse [Orwell George. Memory of Catalonia. Essay]. M., Izdatel'stvo AST, 2016. 384 p.
62. Savin A.N. Lektsii po istorii Anglijskoj revolyutsii [Lectures on the History of the English Revolution]. M., «Kraft+», 2000. 536 p.
63. Sokolov V.S., Mikhailov S.A. Periodicheskaya pechat' Soedinennykh Shtatov Ameriki [Periodicals of the United States of America]. SPb., SPbU, 1998. 144 p.
64. Chirkovich Sima M. Istoriya Serbov [64 Cirkovic SIM M. The History Of The Serbs]. M., Ves' mir, 2009. 410 p.
65. The History of The Times [Vol. I. "The Thunderer" in the Making, 1785-1841]. London, 1950. 516 p.
66. The History of the Times [Vol. II. The Tradition Established, 1841-1884. London], 1939. 622 p.
67. The History of the Times [Vol III. The Twentieth century test, 1884-1912]. London, 1951. – 862 p.
68. The History of the Times [Vol. IV (Part 1-2). The 150Th Anniversary and Beyound, 1912-1948]. London, 1952. 1182 p.
69. The History of the Times [Vol. IV. The 150Th Anniversary and Beyound, 1912-1948. Part II: 1921–1948]. London, 1952. – p. 535-1182.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плужников Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; преподаватель Регионального центра профориентации и трудоустройства Московского государственного областного университета;
e-mail: wildwork@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pluzhnikov Dmitry A. – a postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow State Regional University and a lecturer at the Regional Centre of Vocational Guidance and Employment of the Moscow State Regional University;
e-mail: wildwork@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Плужников Д.А. Мартовский переворот 1941 года в Югославии в советской прессе на примере газет «Правда» и «Известия» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 47-58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-47-58

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

D. Pluzhnikov. The Yugoslav coup d'état of 1941 in the soviet press, as illustrated by the example of "Pravda" and "Izvestia" newspapers // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 47-58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-47-58

УДК 339.9:061(100) “20”

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-59-68

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В 70-е г. XX в. В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАД–ВОСТОК

Жиряков И.Г.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье выявляются причины, побудившие ведущие страны Запада и страны «социалистического блока» во главе с СССР в 70-е г. XX в., известные как время «разрядки», встать на путь расширения торгово-экономических связей, рассматриваются их усилия по налаживанию широкого сотрудничества в экономической сфере. При этом подчеркивается, что взаимовыгодность от активизации торгово-экономических отношений стран Европейского сообщества и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) была очевидной. И тем не менее партнеры и соперники не забывали об идеологических и политических компонентах своей экономической политики, в отстаивании которых особенно преуспевал Запад.

Ключевые слова: Запад-Восток, ЕЭС, «Общий рынок», Европейское сообщество, капиталистическая интеграция, СЭВ, социалистическая интеграция, торгово-экономическое сотрудничество.

THE EUROPEAN COMMUNITY AND THE COUNCIL FOR MUTUAL ECONOMIC ASSISTANCE IN THE 1970'S IN THE CONTEXT OF EAST-WEST RELATIONS

I. Zhiryakov

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The paper identifies the reasons which induced the leading Western countries and the countries of "socialist bloc" headed by the Soviet Union in the 1970's to start expanding trade and economic relations. The period mentioned is known as the times of "relaxation of tension". The efforts to establish broad cooperation in the economic sphere in that period are also scrutinized. It is emphasized that the mutual benefit from the intensification of trade and economic relations between the European Community and the Council for Mutual Economic Assistance (SEV) was evident. But, nevertheless, the partners and the competitors did not forget about the ideological and political components of their economic policies, in the pursuing which the West succeeded most of all.

Key words: East-West, EEC, "Common Market", the European Community, capitalist integration, Council for Mutual Economic Assistance (SEV), socialist integration, economic and trade cooperation.

В сегодняшних условиях резкого осложнения отношений Запада с Россией представляется поучительным обращение к некоторым страницам истории этих отношений в контексте противостояния Запад–Восток.

Почти полвека назад – в конце 60-х – начале 70-х г. – в европейских и международных отношениях наступает «разрядка». Этим термином (*détente* – буквально – «ослабление») стали обозначать резкое снижение напряженности в отношениях между разными общественно-политическими системами, западными капиталистическими и социалистическими странами вообще, между США и СССР в частности, в тогдашней «холодной войне».

Ослабление напряженности затронуло и отношения между Европейским сообществом¹ и Советом экономической взаимопомощи, «мотором» которого, как было принято говорить, являлся СССР. Хотя есть и другие точки зрения: «До середины 1988 года СССР и Европейские Сообщества пребывали в отношениях «бесполезного» безразличия», – утверждал проф. Левенского университета Эдди де Смайтер [4, с. 7–9].

С таким утверждением вряд ли можно согласиться. Ещё в декабре 1966 г. в Париже во время своего официального визита Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин гово-

рил, отвечая на вопросы журналистов о возможных перспективах сотрудничества между СЭВ и ЕЭС: «На сегодня не существует никаких практических шагов, которые бы давали основание сказать, что «Общий рынок» и СЭВ разработали или разрабатывают программу взаимного сотрудничества... Но я должен сказать, что наша торговля и экономические связи со многими странами, которые входят в «Общий рынок», успешно развиваются. Мы будем стремиться к тому, чтобы и дальше развивать это сотрудничество...»².

Известно, что в 1972 г. руководитель КПСС и Советского государства Л.И. Брежнев в одном из выступлений заявил, что СССР и СЭВ готовы к сотрудничеству с ЕЭС, если «государства, входящие в «Общий рынок» откажутся «от каких либо попыток дискриминации» социалистических стран, входящих в СЭВ, и будут «способствовать развитию двусторонних связей и общеевропейскому сотрудничеству» [1, с. 77].

К сожалению, дело до отказа от «попыток дискриминации» по отношению к социалистическим странам, входившим в СЭВ, не дошло. Да и руководство СЭВ не очень-то торопилось отказаться от старых стереотипов в отношении к Европейскому сообществу. Но, тем не менее, страны Европейского сообщества и СЭВ в начале 70-х г. серьёзно продвинулись по пути расширения и активизации экономических связей. Противостояние и определённое сотрудничество между Европейским сообществом и СЭВ входит в общую канву взаимоотношений Запада и Востока.

¹ В июне 1967 г. вступил в силу «Договор о слиянии», в соответствии с которым ЕЭС, ЕВРАТОМ, ЕОУС стали именоваться «Европейскими сообществами». Вместе с тем в политическом, научном и журналистском лексиконе стал все шире использоваться термин «Европейское сообщество», отражающий их фактическую идентичность. В советской политической и научной литературе будут, по-прежнему, использоваться термины ЕЭС, «Общий рынок».

² Государственный архив РФ (далее ГА РФ). Ф. 4459. Оп. 12. Д. 2326. Л. 194.

Каковы основные причины, побудившие социалистические страны встать на путь расширения торгово-экономических связей со странами Запада?

Политика социалистических стран по отношению к вопросу об экономическом сотрудничестве со странами Запада была в целом открытой; эта политика обнародовалась на съездах правящих коммунистических партий и других высших форумах коммунистических властей.

Страны, входившие в СЭВ, стремились (при всех оговорках) к ликвидации острой политической конфронтации между государствами различных систем, к переходу от экономической изоляции, сложившейся в обстановке «холодной войны», к многостороннему разумному сотрудничеству, основным содержанием которого становился широкий торговый обмен, научно-технические связи, производственное кооперирование.

Социалистическим странам казалось, что активизация их роли в экономике западных стран будет способствовать популяризации «высоких идеалов мирового социализма», содействовать распространению их влияния на новые страны, экономические секторы и социальные слои в несоциалистическом мире.

Конечно, тогда в руководстве стран мало кто мог открыто признать, что одной из главных причин, побудивших социалистический мир встать на путь расширения торгово-экономических связей со странами ЕЭС, были сбои в реализации модели «социалистического разделения труда», трудности и проблемы в экономиках восточноевропейских стран, хозяйственные

изъяны экономической модели их развития.

Но коммунистические власти всё-таки понимали, что активное участие стран социализма в мировой торговле и других формах сотрудничества с Западом позволило бы им повысить техническую вооруженность национальной промышленности, приобрести некоторые дефицитные машины, оборудование, привлечь финансовые ресурсы для развития новых районов народного хозяйства и новых отраслей.

Западные политики, признавая полезность экономических связей с социалистическими странами, отмечали, тем не менее, большую значимость этих отношений «для СССР и его союзников» [16, s. 12].

Каковы причины поворота Запада в экономических отношениях со странами социализма? Советская политическая литература объясняла этот поворот «провалом политики экономической изоляции социалистического лагеря», «общим изменением соотношения сил в пользу социализма», «обострением проблем энергетических ресурсов и некоторых видов сырья, «углублением экономических трудностей, выразившихся в сокращении объемов производства, резком снижении занятости, инфляции и расстройстве мировой капиталистической и кредитно-денежной системы». Всё это, по мнению советских идеологов, заставило западные промышленно развитые государства искать решения своих проблем на путях расширения экономического сотрудничества с миром социализма.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу этих утверждений, заметим, что уже в

далекие 60-е гг. XX в. начали формироваться принципиальные целевые установки ЕЭС в отношении к восточноевропейским странам, находившимся в Совете экономической взаимопомощи.

Известный специалист по европейско-российским отношениям И.И. Орлик писал: «Два направления деятельности «Общего рынка» определяли отношение его участников к восточноевропейским странам: во-первых, стремление вовлечь Восточную Европу в «Общий рынок» и, во-вторых, торговая дискриминация этих стран. Две эти противоречивые тенденции по-разному проявлялись в первой половине 60-х годов: по мере усиления одной несколько отодвигалась другая, а затем – наоборот. Но обе они служили одной и той же цели – оказать влияние на страны Восточной Европы» [3, с. 3–9]. Если говорить точнее: ЕЭС, используя экономические и финансовые проблемы в восточноевропейских странах, стремилось привязать к себе их экономики.

Конечно, в официальных документах Евросообщества эти цели не упоминались, но реальная политика ЕЭС на протяжении многих лет демонстрировала названные «целевые установки».

Европейское сообщество рассматривало «территорию СЭВ», как «вражескую территорию». Руководство Европейского сообщества вводило официальные ограничения и запреты на внешнеэкономические отношения с Советом Экономической Взаимопомощи, как политической и экономической организации. Оно полагало, что члены СЭВ в значительной степени зависят от получения западной технологии, а

ограничение импорта этой технологии неизбежно якобы приведет к пересмотру их политики [11, с. 83–102].

Страны Европейского сообщества вместе с США не допускали продажу в восточноевропейские социалистические страны и в СССР «уникальной технологии», «редкого сырья» и других, так называемых, высокотехнологических «стратегических товаров»; таким образом, намеренно сдерживали их экономическое развитие.

Игнорируя прямые контакты с СЭВ, Европейское сообщество, тем не менее, вело, позволяло членам объединения самостоятельно выстраивать свои экономические отношения со странами социализма [7, р. 39–51]. При этом оно не скрывало надежды на то, что развитие экономических отношений стран Евросообщества со странами СЭВ принесёт в их экономику ряд «западных качеств» [15, р. 1].

Более того, руководство Европейского сообщества, давая «зеленый свет» своим странам-участницам объединения на активизацию торгово-экономических связей с социалистическими странами, считало возможным тем самым «защищать ценности Запада, права человека в западном понимании» [10, s. 119].

Таким образом, можно утверждать, что на Западе существовал свой эгоистический план в торгово-экономических отношениях со странами социализма, предусматривавший приобретение как экономических, так и политических дивидендов.

Говоря о «заговорщеческом плане» Запада в отношении стран социализма, нужно заметить, что его реализация, судя по документам и исследованиям, была рассчитана на длительный

период (никто абсолютно не ожидал, что этот план будет «выполнен» уже в конце 80-х гг.). А потому Запад тогда был в высшей степени прагматичен. По ходу реализации плана Запад, страны Европейского сообщества выполняли конкретные задачи, связанные с решением некоторых проблем своей экономики.

Развитие экономических отношений стран Европейского сообщества и социалистических стран Восточной Европы, входивших в СЭВ, шло по нескольким направлениям. Одно из главных – торговые связи. Темпы развития торговли между Западом и Востоком в начале 70-х гг. составляли около 10% в год. Однако её доля в общем объеме мировой торговли не превышала 5% [13, р. 79].

Расширившийся экспорт на Восток был важным фактором технического прогресса, наращивания мощностей и увеличения занятости в западных странах вообще, и в странах Европейского сообщества в частности. Для некоторых важных отраслей и крупных промышленных объединений Франции, ФРГ, Италии экспорт в страны СЭВ был в 70-е гг. существенным стимулом развития и поисков новых технических решений. Так, французский исследователь Ж. Дави отмечал, что в экспорте машиностроительной продукции Франции Советский Союз занимал первое место [9, р. 107–115].

Экспорт на Восток имел также существенное значение в смягчении острой на Западе проблемы занятости. По некоторым тогдашним оценкам, 1 млрд долл. экспорта из США обеспечивал занятость 60 тыс. американских рабочих. Если учесть, что производительность труда в других странах За-

пада в среднем было вдвое ниже американского уровня, то можно прийти к выводу, что объем торговли Запад–Восток обеспечивал работой, по меньшей мере, 2 млн человек.

По свидетельству итальянского эксперта Э. Роджи, западные страны были заинтересованы в расширении поставок сырья и топлива из социалистических стран. Нефть и нефтепродукты, газ, химическое сырье, цветные и черные металлы, хром и марганец, лес и пиломатериалы, алмазы, асбест и другие виды сырья из соцстран занимали существенное место в торговле стран Запада [13, р. 78–85].

Очевидны были экономические выгоды, получаемые западными странами, от расширения сотрудничества в области энергетики с Советским Союзом.

В целом в период с 1970 по 1975 гг. в большинстве стран СЭВ отмечалась бурная динамика роста импорта из развитых капиталистических стран, в том числе входящих в ЕЭС. Так импорт в целом вырос на 296 %, а экспорт в страны Запада – на 189 % [11, с. 96]. В середине 70-х гг. западные капиталистические рынки поглощали 28% внешнеторгового оборота СЭВ и 50 % Румынии [8, р.14].

В 1975–1980 гг. – соотношение экспорта и импорта стран – членов СЭВ меняется: прирост импорта из капиталистических стран составил 62%, а экспорта в эти страны – 140% [11, с. 96]. Необходимо было принять меры по сокращению разрыва между импортом и экспортом. К сожалению, необходимого расширения экспорта не произошло; сальдо баланса торговли с Западом для СЭВ осталось отрицательным: в 1976–1980 гг. – оно состав-

ляло 27,5 млрд долл. [5, р. 3]. Одна из причин такого положения – тарифные и нетарифные ограничения Европейского сообщества к товарам, ввозимым странами СЭВ.

Что касается структуры импорта стран СЭВ, то в середине 70-х годов на сельхозтовары падало 10 %, а в конце десятилетия – 27% [5, р. 7]. Это объяснялось невысокой производительностью сельского хозяйства стран СЭВ. В результате сокращалась доля закупок готовых изделий (в конце 70-х гг. – 40%); особенно огорчало сокращение инвестиционных товаров [5, р. 8].

Тем не менее, страны СЭВ приобретали на Западе машины и оборудование, которые составляли около трети импорта. Динамичный рост импорта из стран Запада, по мнению П. Книрша, помог странам-членам СЭВ решить проблему обеспечения основными видами товаров, но лишь в незначительной степени повлиял на изменение народнохозяйственной структуры соответствующих стран, лишь сгладил необходимость структурных перестроек [11, S. 99]. При этом в результате быстрого роста импорта стран СЭВ образовался совокупный дефицит около 25 млрд долл. [5, р. 2].

Значимое направление экономического сотрудничества стран Европейского сообщества и стран СЭВ – инвестиционное сотрудничество, а точнее, инвестиционные программы западноевропейских стран; эти программы содействовали развитию некоторых важных отраслей восточноевропейских социалистических стран.

Страны СЭВ получали значительные кредиты, займы. Кстати, высокий показатель импорта из стран ЕЭС объяснялся частично предоставлением

западных кредитов, позволивших социалистическим странам увеличить импортные поставки.

Первые крупные займы от Запада соцстраны Восточной Европы получили ещё в 60-е гг. Было осуществлено 319 операций по предоставлению займов на общую сумму в 2,6 млрд долл. в среднем на 7,2 года [8, р. 9]. Займы, кредиты были, конечно, необходимы экономикам стран СЭВ, но они постепенно загоняли социалистические страны в «долговую ловушку».

Получение займов, субсидий и т.п. сопровождалось постепенно отказом от монополии государства на внешнеэкономическую деятельность. С одной стороны это было позитивное следствие, с другой – негативное: у предприятий и объединений не было таких возможностей, которые позволили бы им вступать в прямые связи с зарубежными партнерами [3, с. 46].

К инвестиционному виду сотрудничества можно отнести приобретение соцстранами патентов и лицензий для тех отраслей промышленности, в развитии которых западные компании достигли тогда высокого технического уровня или имели значительные резервные мощности: в химии и нефтехимии, отдельных отраслях машиностроения, компьютерной технике, производстве средств транспорта и т.п. Продажа лицензий сопровождалась, как правило, поставками соответствующего оборудования, оказанием технической помощи. Эта форма сотрудничества давала возможность западным фирмам отчасти возмещать большие затраты на научно-исследовательскую работу [8, р. 46].

Существовали современные на тот момент формы экономического со-

трудничества между странами Европейского сообщества и СЭВ. Речь идет, в частности, об обмене технологиями. Предприятия стран СЭВ проявляли особую заинтересованность в этом обмене. Но надо признать, что западные страны и фирмы не спешили, как уже отмечалось, «делиться лучшей технологией» [10, s. 18]. И это было ожидаемо. Немецкий исследователь К. Больц прямо говорил о том, что соцстранам при их отношении к иностранному капиталу нечего было рассчитывать на получение новейшей западной технологии [6, p. 244–249]. Но дело не только в этом: приобретение высоких технологий требовало больших затрат от предприятий и организаций в соцстранах; иногда на покупку таких технологий не хватало средств [12, p. 372–376].

Развивалось промышленное сотрудничество, которое некоторые тогдашние специалисты разделяли на несколько групп. Одну из них составляло совместное производство как проявление сложной кооперации. Оно отличалась тем, что в его основе лежала передача технологии с заинтересованностью партнеров в разделении труда. Совместное производство предполагало стандартизацию производимой продукции или её отдельных элементов.

В некоторых странах социализма (Югославия, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Польша) были приняты законы, разрешающие на определенных условиях участие иностранного капитала в местных предприятиях.

По имеющимся данным, в 70-е гг. насчитывалось около 1 тыс. соглашений о промышленной кооперации. К примеру, в 1972 г. между Францией и

СССР было подписано соглашение о строительстве целлюлозного комбината в Усть-Илимске стоимостью 750 млн фр. [8, p. 52].

Взаимовыгодность от активизации торгово-экономических отношений стран Европейского сообщества и СЭВ была очевидной. И тем не менее партнеры и соперники не забывали об идеологических и политических компонентах своей экономической политики, в отстаивании которых особенно преуспевал Запад. Многие тогдашние зарубежные аналитики и эксперты утверждали, что экономические связи с Востоком давали Западу больше возможностей для «осуществления своих политических целей» [11, s. 83–102].

Можно согласиться с утверждениями некоторых исследователей, что Запад умело превращал различные формы экономических отношений в инструменты уменьшения «экономической зависимости стран Восточной Европы от СССР» [2, с. 140], постепенной трансформации экономик социалистических стран в своих экономических и политических интересах. Но, тем не менее, политическое значение экономических связей между Востоком и Западом не следует преувеличивать.

Какие выводы можно сделать, проанализировав торгово-экономическое сотрудничество Европейского сообщества и СЭВ в контексте противостояния Запад-Восток в 70-е годы века?

Первое: торгово-экономические связи, независимо от политических установок, сами по себе играют позитивную роль в развитии экономик сотрудничающих стран. Партнерам по торгово-экономическим отношениям следует отказываться от видения этих отношений через призму политиче-

ской борьбы, необходимо превращать экономические связи в инструмент сотрудничества и решения собственных экономических задач.

Второе: все попытки искусственно ограничить экономическое сотрудничество, ввести санкционные запреты в развитии торговых связей – контрпродуктивны. Большинство западноевропейских стран в 70-е гг. прошлого века хорошо усвоили тот факт, что использование экономических санкций как средства воздействия на «поведение» СССР и других социалистических стран Европы будет «стоять дороже странам, прибегнувшим к ним, нежели объекту этих санкций» [14, р. 48].

Третье: отношения Запада и России//СССР//России всегда были циклическими. Это выглядело примерно так. Вначале Россия и Запад, прибли-

жаясь друг к другу, пытаются развивать двусторонние связи по разным направлениям. Но Запад потом дает понять, что Россия как равноправный партнер и член европейского и мирового сообщества его не устраивает. И когда Россия сворачивает сотрудничество и пытается дистанцироваться от Запада, тот «вдруг» начинает понимать, что это опасно для него, и снова пытается «вернуть» Россию. Таким циклами Россия и Запад взаимодействуют уже много, много лет.

Основной вывод напрашивается сам собой – Западу и России и сегодня необходимо «политическое терпение», взвешенность, благоразумие для того, чтобы избавиться от «синусоидного» характера экономических отношений, сделать эти отношения позитивно развивающимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат. 1974. 488 с.
2. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов // под ред Л.И. Глухарева. М.: Крафт +, 2006. 352 с.
3. Орлик И.И. Центральная-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3–9.
4. Эдди де Смайтер. Россия и ЕС: история и перспектива сотрудничества (заметки европейского эксперта) // Право Европейского Союза: документы и комментарии / под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Терра, 1999. С. 7–9.
5. Bethkenhagen J., Machowski H. Commerce Est-Ouest: La stagnation agris l'expansion // Problèmes économique. 1984. 14 mars. № 1865. P. 2–9.
6. Bolz K. Entrepreneurial cooperation between East and West in the first half of the 1980's // Intereconomics. 1984. Vol. 19. № 5. P. 244–249.
7. Blanc A. L'Europe socialiste. P.: Presses univ., 1974. P. 39–51.
8. Capian A. Les échange et la coopération économique avec les pays de l'Europe de l'Est // Notes et études documentaires. 1974. 8 okt. № 4116-4117. P. 1–55.
9. Davy J. Ou en sont les échanges Est-Ouest? // Economie et politique. 1975, № 248. P. 107–115.
10. Den anden kolde krig / Norgaard O. og Ougaard M. (red.). Esbjerg Sydiysk universitetsforl, 1984. 120 S.
11. Knirsch P. Ost-West-Wirtschaftsbeziehungen zwischen Kooperation und Konfrontation // Europ. Rundschau. 1984. Jg. 12. № 4. S. 83–102.
12. Mansfield E. International technology transfer // Amer. econ. rev. 1975. Vol. 65, № 2. P. 372–376.

13. Rooggi E. I raapporti Est- Ovest // *Politika ed ekonomia*. 1974. A. 5, № 6. P. 78–85.
14. Stent A.E. Technology transfers in East-West trade: The Western alliance studies // *AEI foreign policy and défense rev*. 1985. Vol. 5, № 2. P. 44–52.
15. Herlach M. *Joint Ventures in Eastern Europe*. Prentice-Hall, 1990. 184 P.
16. Wettig G. *Entspannungsinteressen in Ost und West*. Berichte des Bundesinstituts fur ost-wissenschaftliche und Internationale Studien. Koln 1981. 61 S.

REFERENCES

1. Brezhnev L.I. *Leninskim kursom. Rechi i stat'i*. T. 4 [Following Lenin's way]. M., Politizdat, 1974. 488 p.
2. *Evropa peremen: kontseptsii i strategii integratsionnykh protsessov* // pod red L.I. Glukhareva. [Europe of Changes: Concepts and Strategies of Integration Processes // edited by L. I. Glukharev.]. M., Kraft +, 2006. 352 p.
3. Orlik I.I. *T'Sentral'no-Vostochnaya Evropa: ot SEV do Evrosoyuzya* [Central-East Europe: from COMECON to the European Union] // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2009. no. 2. pp. 3-9.
4. De Smaiter E. *Rossiya i ES: istoriya i perspektiva sotrudnichestva (zametki evropeiskogo eksperta)* [The EU and Russia: History and Prospects for Cooperation (Notes of a European Expert)] *Pravo Evropeiskogo Soyuzya: dokumenty i kommentarii* [The European Union Law: Documents and Comments] / S. Y. Kashkin. M., Terra, 1999. pp. 7-9.
5. Bethkenhagen J., Machowski H. *Commerce Est-Ouest: La stagnation après l'expansion* // *Problèmes économique*. 1984. 14 mars. № 1865. P. 2–9.
6. Bolz K. *Enterpreneurial cooperation between East and West in the first half of the 1980's* // *Intereconomics*. 1984. Vol. 19. № 5. P. 244–249.
7. Blanc A. *L'Europe socialiste*. P.: Presses univ., 1974. P. 39-51.
8. Capian A. *Les échange et la coopération économique avec les pays de l'Europe de l'Est* // *Notes et études documentaires*. 1974. 8 okt. № 4116-4117. P. 1-55.
9. Davy J. *Où en sont les échanges Est-Ouest ?* // *Economie et politique*. 1975, № 248. P. 107-115.
10. *Den anden kolde krig* / Norgaard O. og Ougaard M. (red.). Esbjerg Sydiysk universitetsforl, 1984. 120 S.
11. Knirsch P. *Ost-West-Wirtschaftsbeziehungen zwischen Kooperation und Konfrontation* // *Europ. Rundschau*. 1984. Jg. 12. № 4. S. 83-102.
12. Mansfield E. *International technology transfer* // *Amer. econ. rev*. 1975. Vol. 65, № 2. P. 372-376.
13. Rooggi E. I raapporti Est- Ovest // *Politika ed ekonomia*. 1974. A. 5, № 6. P. 78-85.
14. Stent A.E. Technology transfers in East-West trade: The Western alliance studies // *AEI foreign policy and défense rev*. 1985. Vol. 5, № 2. P. 44-52.
15. Herlach M. *Joint Ventures in Eastern Europe*. Prentice-Hall, 1990. 184 P.
16. Wettig G. *Entspannungsinteressen in Ost und West*. Berichte des Bundesinstituts fur ost-wissenschaftliche und Internationale Studien. Koln 1981. 61 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жириков Иван Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ivan1948@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan G. Zhiryakov – doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of a New, Contemporary History and Methodology, Moscow State Regional University;
e-mail: ivan1948@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Жиряков И.Г. Европейское сообщество и Совет экономической взаимопомощи в 70-е г. XX в. в контексте отношений Запад–Восток // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 59–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-59-68

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Zhiryakov. The European community and the council for mutual economic assistance in the 1970's in the context of East-West relations // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 59–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-59-68

УДК 9.94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-69-78

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ МОСКОВСКОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV–XV в.

Телицын В.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются идеологические концепции, сформировавшиеся в Московском княжестве в конце XIV в. и получившие развитие в XV в. В центре внимания – концепция, представляющая Великое княжение Владимирское отчиной московских князей, а также связанное с ней представление о Москве как о наследнице Владимира и Киева. Рассматривается отражение указанных концепций в летописных памятниках, публицистических произведениях и договорных грамотах московских князей. Делаются выводы относительно роли этих концепций в объединительных процессах XV в.

Ключевые слова: образование централизованного государства, Московское княжество, Российское государство, концепция, идеология.

ON SOME IDEOLOGICAL CONCEPTS OF MOSCOW RUS OF THE SECOND HALF OF THE XIV–XV CENTURIES

V. Telitsyn

*Moscow Regional State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with ideological concepts that emerged in the Moscow Principality at the end of the XIV century and further elaborated in the XV century. The article focuses on the concept presenting the Great Principality of Vladimir as the patrimonial estate of the Moscow princes. Another important issue is the idea of Moscow as a successor of ancient centers of Russia – Vladimir and Kiev. The way the mentioned concepts are reflected in Old Russian chronicles publicistic works and diplomatic documents of Moscow princes. The conclusion contains the analysis of these conceptions role in the unification processes in the XV century.

Key words: formation of the centralized state, Moscow principality, Russian state, concept, ideology.

История русских земель и княжеств в XIV–XV вв. представляет собой переплетение сложнейших процессов, связанных с образованием единого государства, освобождением от иноземного владычества, обретением церковной самостоятельности, формированием национального самосознания и государственной идеологии. XV в. был наполнен событиями, оказавшими решающее влияние на дальнейшее развитие Российского государства. Среди них можно выделить Феодальную войну второй четверти XV в., в ходе которой определился путь политического развития Московского княжества, избрание первых автокефальных митрополитов и падение Византийской империи в 1453 г., что породило ряд дискуссий о роли и месте Русской православной церкви как в государстве, так и в восточно-христианском мире. Центральными событиями русской политической истории конца XV в. явились, во-первых, окончательное присоединение в 1478 г. Новгородского княжества, а во-вторых, отражение в 1480 г. похода на Русь хана Большой Орды Ахмата, в результате чего на карте Восточной Европы появилось огромная новая страна – Россия.

Значение указанных событий, без сомнения, осознавалось современниками и нашло свое отражение в русской литературе того периода. «Эпоха исторических размышлений» – так назвал вторую половину XV в. Д.С. Лихачев, подразумевая, что в этот период в русской литературе на первый план выходит ряд вопросов: о природе и значении государственной власти, причинах падения одних государств и возвышения других [22, с. 5–20], о свя-

зи прошлого и настоящего Руси, о ее роли в мировой истории.

Цель настоящей статьи – рассмотреть некоторые концепции, сформировавшиеся в XIV в. и получившие развитие в XV в., объясняющие главенствующие положение Москвы в землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Научная новизна данной статьи заключается, прежде всего, в особом подходе к проблемам формирования Российского государства. Традиционно в историографии больше внимания уделялось политическим процессам в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, приведшим к возникновению централизованного государства, в то время как идеологическая сторона данного события изучена менее подробно. Основное внимание в настоящей статье уделено именно идейному обоснованию первенства Москвы, которое развивается параллельно политическому процессу объединения русских земель. Исследование опирается в первую очередь на данные исторических источников XIV–XV в.

В качестве основных источников по выбранному периоду будут выступать русские летописи XV в. – Новгородская первая летопись младшего извода (датируется серединой XV в.) [3], Московский летописный свод конца XV в. [6], Рогожский летописец (Тверская редакция Общерусского летописного свода, датируется концом 40-х гг. XV в.) [4], Симеоновская летопись [5], во многом отражающая Общерусский летописный свод 1408 г., а также различные публицистические сочинения древнерусских книжников. В качестве вспомогательных источников также будут выступать духовные и договор-

ные грамоты русских князей второй половины XIV–XV в.

Историография по данному вопросу необычайно многогранна, отсылки к интересующей нас тематике можно найти в работах, посвященных политическому, экономическому и социокультурному развитию средневековой Руси. В целом нам представляется возможным выделить несколько основных групп исторических сочинений, связанных с нашей темой.

К первой группе относятся работы, посвященные преимущественно политическим аспектам образования централизованного государства в XIV–XV вв. Эта тема довольно полно изучена дореволюционной, советской, а затем и современной российской историографией. В данном ключе отметим работы А.Е. Преснякова [25], Г.В. Вернадского [12], Л.В. Черепнина [30], М.Н. Тихомирова [27], А.А. Зимина [19], Н.С. Борисова [10; 11], А.А. Горского [14; 15], И.Н. Данилевского [16].

Вторую группу составляют исторические труды, посвященные формированию государственной идеологии, а также восприятию истории в русских землях в целом, и в Московском княжестве в частности. Поскольку история является одной из важнейших форм самосознания людей, от отношения к тому или иному историческому событию или деятелю во многом зависит оценка современности. Идеологические концепции времен Московской Руси были призваны, с одной стороны, с опорой на прошлое объяснить существующее положение вещей (например, идея преемственности Московского княжества Владимирскому и Киевскому), а с другой – вписать новое Российское государство в существую-

щую картину мира (теория «Москва – третий Рим», «Сказание о князьях Владимирских»). Эти, а также другие проблемы подробно проанализированы в трудах С.Я. Лурье [24], Н.В. Синицыной [26], К.Ю. Байковского [9], А.А. Горского [13], С.Н. Азбелева [8], Б.А. Успенского [28].

Третья группа – работы, посвященные проблемам становления национальной идентичности (самосознания) и протонациональным дискурсам в средневековой Руси. Эта тема стала особенно актуальной в последние десятилетия, в том числе и в западноевропейской историографии (см. [31; 32]). В отечественной историографии эту проблему поднял еще в 1945 г. Д.С. Лихачев [23], а в последнее время к ней обращались Б.Н. Флоря [29], К.Ю. Ерусалимский [20], Б.А. Успенский [28]. Следует особо отметить работы М.В. Дмитриева, в которых не только освещается развитие протонациональных дискурсов в средневековой Руси [17], но и делаются попытки сравнить их с аналогичными процессами, происходившими в странах западно-христианского мира [18].

Со второй четверти XIV в. по начало XVI в. на территориях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси происходит процесс складывания централизованного Российского государства. Традиционно, его завершение относят к 1521 г., когда при Василии III последнее из формально независимых княжеств – Рязанское, вошло в состав Российского государства. Время начала объединения русских земель – вопрос спорный, так как, в силу характера источников, не всегда можно понять, когда именно «собираение русских земель вокруг Москвы» стало

целенаправленной политикой московских князей. Однако без сомнения, важной вехой в этом процессе стало слияние московского и владимирского княжеств, которое произошло в годы правления Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389).

Классические причины возвышения Москвы были сформулированы еще в конце XIX в. одними из основоположников отечественной исторической науки С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Отметим, что Ключевский объяснял объединение русских земель вокруг Москвы не только выгодным географическим положением последней, но и принадлежностью московских князей к младшей линии потомков Александра Невского. Именно это, по мнению историка, не позволяло сыновьям Даниила Московского рассчитывать на лестничное восхождение к великокняжескому столу во Владимире, который получали представители более старших линий (например, тверские князья). Данный факт заставлял московских князей действовать «решительно и нетрадиционно» [цит. по: 21, с. 20]. Ключевский выделял пять главных способов расширения Московского княжества, а именно скупка соседних земель, их захват военным или дипломатическим путем с помощью Орды, заключение неравноправных договоров с местными князьями, а также контроль территорий, освоенных московскими переселенцами [21, с. 20].

Однако в традиционном средневековом обществе, по крайней мере, до конца XIV в., права московских князей на великокняжеский стол нередко оспаривались. С нашей точки зрения, именно это породило необходимость обоснования «естественных» прав

Москвы владеть великим княжеством Владимирским. Так, в Московском летописном своде конца XV в., отражающем успехи объединительной политики Москвы, отмечается, что Дмитрий Донской в 1364 г. «сиде на великом княжении на *столе отца и деда своего* (Выделено мной. – В.Т.)» [6, с. 182], когда как до него князь Дмитрий Константинович Суздальский, имевший не меньше прав на великое княжение (так как являлся представителем более старшей линии потомков Александра Невского), «приде в Володимир июня 22 и сидя на великом княженъ, а не по отчину, ни по дедине (Выделено мной. – В.Т.)» [6, с. 181]. В сообщении о вступлении на престол Василия I формулировка немного изменяется: «седа на великом княженъ во Володимери князь Василеи Дмитриевич на столе отца своего, деда и прадеда... (Выделено мной. – В.Т.)» [6, с. 218].

Сходную картину можно увидеть, если обратиться к договорным грамотам XIV–XV в. Рубежным событием здесь является окончание московско-тверского спора о великом княжении, когда князь Михаил Александрович Тверской после организованного Москвой общерусского похода на Тверь 1375 г., был вынужден признать себя «братом младшим» московского князя Дмитрия Ивановича, а великое Владимирское княжение – наследственным владением последнего: «А *вотчины* ти (тверской князь Михаил Александрович. – В.Т.) *наше Москвы, и всего великого княжения*, и Новгорода Великого, под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем ... А *закладней* ти в *нашей вотчине*, в *великом княженъ*, не держати, ни грамот не давати (Выделено мной. –

В.Т.)» [1, с. 26]. Такая же формулировка содержится в договорной грамоте сына Дмитрия Донского – Василия I с тверским князем Михаилом [1, с. 41]. Справедливости ради отметим, что условия договорной грамоты 1375 г. были нарушены Михаилом Тверским, и, после разорения Москвы Тохтамышем, он пробовал вернуть себе Владимирский стол, но потерпел неудачу.

Несколько позже, но в Твери, все же признается слияние московского и владимирского княжеств. Отождествление великого княжения Владимирского с отчиной московских князей встречается в тверской редакции общерусского летописного свода – Рогожском летописце: «се же слышав князь великий Дмитриеи Ивановичь прогна его паки съ великого княжения съ Володимеря, съ своее отчины, в его градъ в Суждаль. (Выделено мной – В.Т.)» [4, с. 74].

Отметим, что в летописных памятниках, наравне с предыдущей формулировкой, иногда встречается отождествление «Русской земли» с отчиной московских князей. Так, автор Симеоновской летописи, рассказывая об очередном ордынском набеге, под 6866 годом сообщает: «князь же великий не впусти его (Ордынского посла. – В.Т.) в свою отчину в Русскую землю... (Выделено мной. – В.Т.)» [5, с. 100]. Б.Н. Флоря объясняет это тем, что в XIV – первой половине XV вв. для населения (по крайней мере, образованного) Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (включая Новгород и Тверь) было характерно отождествление территорий, подвластных великому князю Владимирскому, с «Русской землей». Появление этого представления в значительной мере

определило реальное политическое объединение будущей Великороссии в составе единого Российского государства [29, с. 54–55].

Дискуссионным остается вопрос о статусе Новгорода в этой системе. Своей «вотчиной» Новгород именует еще Дмитрий Донской в доконечальной грамоте 1375 г. [1, с. 25], хотя применительно к XIV в. сюзеренитет владимирских князей над Новгородом был в значительной степени номинальным [14, с. 48]. Новое развитие рассматриваемая нами концепция получила в годы правления Ивана III. Отношение к Новгороду как к «отчине» московских князей и постоянная апелляция к «старине» давали московскому князю моральное право напрямую вмешиваться в дела республики, лишая Новгород былой самостоятельности. В частности, эта концепция была использована для легитимации похода на Новгород в 1471 г.: «Слышав же сие князь великий Иванъ Васильевичъ, что в отчине его в Великом Новегороде возмятение велико, и начат посылати к ним послы своя, глаголя так: «отчина есте моя, людие Новогородстии, изначала от дедъ и прадедъ наших ... (Выделено мной. – В.Т.)» [6, с. 285]. После успешного похода наследственные права Ивана III на владение Новгородом были окончательно закреплены в договоре 1471 г. «А за Короля и за Великого князя Литовского, хто Король или Великий князь на Литве ни буди, отъ васъ отъ Великихъ Князей намъ вашей отчине Великому Новугороду мужем вольным не отдашися ...» (Выделено мной. – В.Т.) [7, с. 26]. Отметим, что в предшествующих договорах Великого Новгорода с владимирскими князьями такой формулировки не содержится [24, с. 9–11].

Рассматриваемая нами концепция находится в непосредственной связи с представлениями о Москве как о наследнице Владимира и Киева. Еще одним аргументом в пользу этого, без сомнения, послужило перенесение митрополичьей кафедры из Владимира в Москву в 1328 г. Московские князья, в данном случае, не случайно сравниваются с правителями Древней Руси. Так, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» Дмитрий именуется: «отрасль благодородна и цвет прекрасный царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Русскую, сродник же быть новою чудотворцю Бориса и Глеба» [2, с. 208].

Преемственность московского княжеского дома правителям эпохи единого государства Русь служила еще одним обоснованием права московских князей подчинить своей власти весь регион Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Так, обращаясь к новгородцам, Иван III сообщает, что «изначала от дедъ и прадедъ наших, *от великого князя Володимера*, крестившего землю Русскую, от правнука *Рюрикава*, перваго великого князя в земли *вашеи*. И от *того Рюрика* даже и до сего дне знали есте *один род техъ великих князей, преже Киевъских*, до великого князя Дмитрея Юрьевича *Всеволода Володимерьского*. А от того великого князя даже *и до мене*, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе...» (Выделено мной – В.Т.)» [6, с. 285].

Таким образом, как минимум, с рубежа XIV-XV в. на всей территории Северо-Восточной Руси прочно утвердилось представление о великом Владимирском княжении (в понимании той эпохи – Русской земли) как о

наследственном владении московских князей. Если в начале XIV в. права московских князей на Владимирский стол были более чем сомнительные, то, к концу XIV в. основные соперники Москвы в Северо-Восточной Руси окончательно признали ее главенствующее положение. Без сомнения, утверждению этой идеи способствовало московское летописание, что нашло отражение в летописных памятниках XV в. Параллельно, трудами московских летописцев и книжников, формируется концепция преемственности Москвы двум предыдущим центрам русских земель – Владимиру и Киеву. Московские князья, в свою очередь, часто отождествляются с правителями Древнерусского государства. Эти две, напрямую связанные между собой, концепции пронизывали все сферы московской политики во второй половине XIV–XV вв. В договорных грамотах XIV в. «вотчиной московских князей» именуется исключительно территории великого княжения Владимирского, однако потом развитие рассматриваемых нами концепций явилось идеологическим обоснованием распространения претензий Москвы на другие русские земли и княжества (включая Новгород), особенно в годы правления Ивана III, что предопределило образование централизованного Российского государства.

В дальнейшем, благодаря росту могущества и политического авторитета Москвы, ее князья обозначают свои претензии на наследство Древней Руси, то есть на территории, заселенные восточными славянами. Со второй половины XV в. Российское государство выступает с программой собирания всех «Русских земель» [29,

с. 65], что дает возможность московским князьям заявить свои права на русские земли, находящиеся в составе Великого княжества Литовского.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
2. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Художественная литература, 1981. 606 с.
3. Полное собрание русских летописей [Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода]. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
4. Полное собрание русских летописей [Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник]. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
5. Полное собрание русских летописей [Т. XVIII. Симеоновская летопись]. М.: Языки русской культуры, 2007. 328 с.
6. Полное собрание русских летописей [Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века]. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
7. Собрание государственных грамотъ и договоровъ, хранящихся в государственной коллегии иностранныхъ дель [Ч. 1]. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. 643 с.

Литература

8. Азбелев С.Н. Куликовская победа в народной памяти: литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.
9. Байковский К.Ю. Развитие концепций царства, святости и войны за веру в трудах московских книжников XV в. М.: ЦНИГСЭД МЭИ – ИМЭИ, 2013. 184 с.
10. Борисов Н.С. Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014. 512 с.
11. Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000. 644 с.
12. Вернадский Г.В. Россия в средние века. М.: Аграф, 1997. 197 с.
13. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: личности и ментальность русского средневековья. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
14. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М.: Наука, 1996. 125 с.
15. Горский А.А. Русское Средневековье. М.: Астрель, 2010. 222 с.
16. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 390 с.
17. Дмитриев М.В. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе (Средние века – Новое время). М.: Индрик, 2008. С. 218–243.
18. Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе (Средние века – Новое время). М.: Индрик, 2008. С. 15–45.
19. Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России в XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
20. Ерусалимский К.Ю. Понятия «народ», «Росия», «русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе (Средние века – Новое время). М.: Индрик, 2008. С. 137–170.

21. Кучкин В.В. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.
22. Лихачев Д.С. Литература Эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 5–20.
23. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.-Л.: АН СССР, 1945. 119 с.
24. Лурье С.Я. Две истории Руси XV в. СПб.: СПбУ, 1994. 240 с.
25. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко, 1918. 494 с.
26. Синецкая Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI в.). М.: Индрик, 1998. 418 с.
27. Тихомиров М.Н. Российское государство в XV – XVII веков. М.: Наука, 1973. 424 с.
28. Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
29. Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII-XV веках (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42–66.
30. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960. 900 с.
31. Miller D. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1979. B. 26. P. 263–282.
32. Rowland D. Moscow – the Third Rome or the New Israel? // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 4. P. 591–614.

REFERENCES

1. Azbelev S.N. Kulikovskaya pobeda v narodnoi pamyati: literaturnye pamyatniki kulikovskogo tsikla i fol'klornaya traditsiya [Victory near Kulikovo in People's Memory: Literary Monuments of the Kulikovo Cycle and Folk Tradition]. SPb., Dmitrii Bulanin, 2011. 312 p.
2. Baikovskii K.YU. Razvitie kontseptsii tsarstva, svyatosti i voyny za veru v trudakh moskovskikh knizhnikov XV v. [The Development of the Concepts of Kingdom, Holiness, and War for the Faith in the Writings of the Scribes of the XV Century Moscow.]. M., TSNIGSED MEI, 2013. 184 p.
3. Borisov N.S. Dmitrii Donskoi [Dmitry Donskoy]. M., Molodaya gvardiya, 2014. 512 p.
4. Borisov N.S. Ivan III [Ivan III]. M., Molodaya gvardiya, 2000. 644 p.
5. Vernadskii G.V. Rossiya v srednie veka [Russia in the Middle Ages]. M., Agraf, 1997. 197 p.
6. Gorskii A.A. «Vsego esi ispolnena zemlya russkaya...»: lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ya [“All thou Hast Filled the Earth Russian...”: Personality and Mentality of the Russian Middle Ages]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 176 p.
7. Gorskii A.A. Russkie zemli v XIII-XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya [Russian Lands in the XIII-XIV Centuries: the Path of Political Development]. M., Nauka, 1996. 125 p.
8. Gorskii A.A. Russkoe Srednevekov'e [the Russian Middle Ages]. M., Astrel', 2010. 222 p.
9. Danilevskii I.N. Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV vv.) [Russian Lands through the Eyes of Contemporaries and Descendants (XII-XIV Centuries)]. M., Aspekt Press, 2001. 390 p.
10. Dmitriev M.V. Konfessional'nyi faktor v formirovanii predstavlenii o «russkom» v kul'ture Moskovskoi Rusi [Confessional Factor in the Formation of Ideas about "Russian" in Culture,

- Moscow Russia] Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnosti v Evrope (Srednie veka - Novoe vremya). [Religious and Ethnic Traditions in the Formation of National Identities in Europe (Middle Ages - New Times)]. M., Indrik, 2008. pp. 218-243
11. Dmitriev M.V. Problematika issledovatel'skogo proekta «Confessiones et nations: konfessional'nye traditsii i protonatsional'nye diskursy v istorii Evropy» [Issues of the Research Project "Confessiones et nations: Confessional Traditions and Protonational Discourses in the History of Europe"] Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnosti v Evrope (Srednie veka - Novoe vremya). [Religious and Ethnic Traditions in the Formation of National Identities in Europe (the Middle Ages - New Times)]. M., Indrik, 2008. pp. 15-45
 12. Zimin A.A. Vityaz' na rasput'e: feodal'naya voyna v Rossii v XV v [Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the XV]. M., Mysl', 1991. 286 p.
 13. Erusalimskii K.YU. Ponyatiya «narod», «Rosia», «russkaya zemlya» i sotsial'nye diskursy Moskovskoi Rusi kontsa XV-XVII v. [The Concept of "People", "Russia", "Russian Land" and Social Discourses of Moscow Russia in the Late XV-XVII.] Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnosti v Evrope (Srednie veka - Novoe vremya). [Religious and Ethnic Traditions in the Formation of National Identities in Europe (the Middle Ages - New Times)]. M., Indrik, 2008. pp. 137-170
 14. Kuchkin V.V. Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X-XIV vv [The Formation of the State Territory of North-Eastern Rus in the X-XIV Centuries]. M., Nauka, 1984. 352 p.
 15. Likhachev D.S. Literatura Epokhi istoricheskikh razmyshlenii [Literature of the Historical Reflection Era] Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraya polovina XV v [Literary Monuments of Ancient Russia. The Second Half of the XV Centuries]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1982. pp. 5-20
 16. Likhachev D.S. Natsional'noe samosoznanie Drevnei Rusi. Ocherki iz oblasti russkoi literatury XI-XVII vv [The National Consciousness of Ancient Rus. Essays of the Russian Literature of the XI-XVII Centuries]. M.-L., AN SSSR, 1945. 119 p.
 17. Lur'e S.YA. Dve istorii Rusi XV v [Two Histories of Russia in XV]. SPb., SPbU, 1994. 240 p.
 18. Presnyakov A.E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva: ocherki po istorii XIII-XV stoletii. [The Formation of the Great State: Essays on the History of the XIII-XV Centuries.]. Petrograd, Tipografiya YA.Bashmakov i Ko, 1918. 494 p.
 19. Sinitsyna N.V. Tretii Rim: istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV-XVI v.). [The Third Rome: the Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (XV-XVI Century)]. M., Indrik, 1998. 418 p.
 20. Tikhomirov M.N. Rossiiskoe gosudarstvo v XV - XVII vekov. [The Russian State in XV - XVII Centuries.]. M., Nauka, 1973. 424 p.
 21. Uspenskii B.A. Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi [Boris and Gleb: the Perception of History in Ancient Russia]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 128 p.
 22. Florya B.N. Istoricheskie sud'by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnykh slavyan v XII-XV vekakh (K voprosu o zarozhdenii vostochnoslavianskikh narodnosti) [The Historical Fates of Russia and the Ethnic Identity of the Eastern Slavs in the XII-XV Centuries (to the Question of the Origin of the East Slavic Peoples)] // Slavyanovedenie. 1993. no. 2. pp. 42-66.
 23. Cherepnin L.V. Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV - XV vekakh. [The Formation of the Russian Centralized State in XIV - XV Centuries.]. M., Sotsekgiz, 1960. 900 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Василий Валерьевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vtelitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Telitsyn Vasilii V. – postgraduate, Department of the Russian History of Middle Ages and Modern History, Moscow State Regional University;
e-mail: vtelitsyn@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Телицын В.В. О некоторых идеологических концепциях Московской Руси второй половины XIV–XV века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 69–78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-69-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Telitsyn. On some ideological concepts of Moscow Rus of the second half of the XIV–XV centuries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 69–78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-69-78

УДК: 94(47).084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ

Тучин В.А.

Независимый исследователь, г. Пушкино (Московская область)

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношению интеллигенции с Советской властью в момент провозглашения Новой экономической политики (НЭП). Автором проведен анализ причин, почему представители российской интеллигенции, несмотря на негативное отношение к Октябрю 1917 года, с началом НЭПа начинают сотрудничать с большевиками. Рассмотрены факторы, повлиявшие на отношение интеллигенции к Советской власти. На основе высказываний представителей интеллигенции выявлены причины, которые способствовали возникновению определенных надежд в интеллектуальной среде на трансформацию политической власти в стране.

Ключевые слова: большевики; власть; интеллигенция; НЭП, Октябрь 1917.

RUSSIAN INTELLEGENSIA AND THE NEW ECONOMIC POLICY: FIRST ASSESSMENTS

V. Tuchin

Independent researcher, Pushkino, Moscow Region

Abstract. The article is devoted to the interrelation of the intelligentsia with the Soviet government at the time of the New Economic Policy (NEP) proclamation. The author analyzes the reasons why the representatives of the Russian intelligentsia started working with the Bolsheviks when the NEP started, despite their negative attitude to the October 1917. The factors influencing the intelligentsia representatives' attitude to the Soviet power are also reviewed. On the basis of the intelligentsia representatives' statements the reasons contributing to the intellectual environment to feel some hope, as well as to the transformation of the political power in the country, are identified.

Key words: Bolsheviks, power; intelligentsia; NEP; October 1917.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) Советским правительством была провозглашена Новая экономическая политика (НЭП), которая сменила политику «военного коммунизма». В отличие от Октябрьской социалистической революции 1917 года, к которой большая часть интеллигенции отнеслась недоброжелательно-выжидательно, и, тем более, «военного коммунизма», провозглашение НЭПа представителями интеллектуальной среды было встречено доброжелательно, с легким чувством оптимизма. Почему произошла такая перемена в умах и настроении интеллигенции?

© Тучин В.А., 2016.

Источниковую базу данного исследования составляют дневники известного ученого-естествоиспытателя В.И. Вернадского, который был одним из лидеров Конституционно-демократической партии, и писателя, литературного критика и переводчика К.И. Чуковского, придерживавшегося социалистических взглядов. Кроме того, приводятся мемуары известного революционера, социал-демократа и большевика – в начале революционной карьеры, затем перешедшего в лагерь меньшевиков, Н.В. Вольского, более известного под псевдонимом Н. Валентинов. Занимая выжидательную позицию во время революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг., Н.В. Вольский с началом НЭПа стал активно сотрудничать с большевиками, работая в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ). Все трое представителей интеллигенции – с очень разной судьбой и различными политическими взглядами, что позволяет провести некоторый срез взглядов интеллигенции на начало НЭПа.

Изучение восприятия НЭПа интеллигенцией и ее взаимоотношение с Советской властью в данный период времени волновало как советских [См: 7], так и российских исследователей [См: 5, 4]. Актуальна эта тема среди историков и сейчас, тем более в свете 95-летнего юбилея начала НЭПа.

Прежде всего стоит отметить, что после Октября 1917 года и, тем более, в период Гражданской войны 1918–1920 гг. интеллигенция по отношению к Советской власти занимала выжидательную позицию: «Это время характеризовалось, можно сказать, нежеланием интеллигенции и специалистов служить в советских учреждениях, на-

лаживать производство, способствовать созданию благоприятных условий жизни и работы советских трудовых коллективов» [9, с. 290]. (Здесь и далее в цитатах сохраняется авторская орфография и пунктуация. – прим. авт. – В.Т.). Очень сильны были ожидания того, что большевики не удержат власть и следовательно их не воспринимали как серьезную силу, с которой можно работать: «Любопытно, что все считают большев[истский] режим потерпевшим фиаско и временным. Лазарев считает – немногие месяцы – затем страшная реакция. Тарасевич считает, что, м[ожет] б[ыть], Кроншт[адские] события сплотят – но затем неизбежен крах и долгие времена анархии» [3, с. 14]. Меньшевик Н.В. Вольский (Н. Валентинов) охарактеризовал свои настроения той эпохи следующим образом: «В течение первых лет советской власти я делал все для меня доступное, чтобы этой власти не служить» [2, с. 29]. Подобные взгляды были близки многим представителям интеллигенции.

Следует отметить, что к началу 1921 г. в стране сложилась тяжелая обстановка. Победа в Гражданской войне 1918–1920 гг. была завоевана большевиками дорогой ценой. Экономика пришла в упадок, культурная жизнь деградировала. Отразив интервенцию, новая власть столкнулась с нарастающими внутренними волнениями. Поэтому «в этих условиях реализация поставленных целей по созданию нового общества могла осуществляться либо путем ужесточения политики «военного коммунизма» и усиления репрессий, что угрожало окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны и социальную базу советской власти;

либо, напротив, за счет расширения социальной базы советской власти, учета интересов всех слоев населения, в том числе интеллигенции» [5, с. 118]. Большевики, провозгласив НЭП, выбирают второе.

Экономический «разворот» Советской власти не мог не сказаться на отношении к ней интеллигенции. Постепенно люди интеллектуального труда, даже идейные оппоненты большевиков, начинали сотрудничать с новой властью не за страх, а на совесть. И как отмечал тот же Н.В. Вольский, это был «не частный случай, а нечто, что одновременно со мною, правильнее сказать, даже раньше меня, произошло с довольно значительной частью российской интеллигенции: с беспартийными специалистами, людьми, прежде всего находившимися в рядах кадетской партии, в партии социал-демократов-меньшевиков и в партии социалистов-революционеров» [2, с. 29].

В ходе укрепления Советского правительства и разгрома военных и политических оппонентов большевиков, взгляды интеллигенции на новую власть стали меняться. Поэтому главной причиной пересмотра своего отношения к Советам со стороны интеллигенции стала военная и политическая победа советской власти над оппонентами: «С окончанием гражданской войны, исчезновением иностранной интервенции, переходом к НЭП эта власть стала много сильнее, чем когда-либо до этого. Никакой другой власти не было и не предвиделось» [2, с. 56]. Большевики просто остались единственной политической силой в стране, которая наводила порядок после хаоса Гражданской войны 1918–1920 гг.: «...обыватель ждет

как дальнейшей стадии – бандитизма, который развивается необычайно быстро. Держит большевистский кулак, при всей их бесталанности» [3, с. 48]. Даже являясь несогласными с новым строем в душе, представители дореволюционной интеллигенции были вынуждены считаться с новой властью, которая в их понимании из временной превращалась в постоянную.

Другим немаловажным фактором постепенного изменения отношения интеллигенции к Советской власти являлось то, что большевики смогли сохранить государственность, пусть не без территориальных потерь, но сохранить единство и целостность страны. Данную заслугу большевиков не могли не отмечать даже их идейные враги: «С того момента как определилось, что Советская власть сохранила Россию, – Советская власть оправдана, как бы основательны ни были против нее обвинения» [1, с. 337]. И эта государственная стабильность внушала интеллигенции робкий оптимизм: «Я несмотря ни на что, верю в будущее» [3, с. 14].

В-третьих, отказ от политики «военного коммунизма» и провозглашение НЭПа многими представителями интеллигенции был воспринят положительно. Как отмечает историк И.Е. Казанин: «Окончание гражданской войны и введение новой экономической политики сопровождалось снятием ограничений на издательскую деятельность «ведомственной», специально-научной, общественно-публицистической и художественной литературы. В этих условиях российская интеллигенция вновь получила возможность публично выражать свои взгляды на проблемы развития

общества, отечественной литературы, искусства и культуры» [6, с. 91]. Некоторые шаги правительства, направленные на либерализацию целого ряда общественных отношений, вселяли определенную надежду у интеллигенции на трансформацию политического строя: «...власть, уйдя от идей 1917–1920 гг., принуждалась, по нашему убеждению, стать иной. Это означало, что отныне интеллигенция могла бы работать по совести, а не из-за страха, и не под палкой, как было до этого» [2, с. 56].

В-четвертых, нормализации отношений между интеллигенцией и властью служили социально-экономические преобразования, проводимые большевиками. Политика Советской власти на повышение культурного уровня населения, предоставление возможности получать не только среднее, но и высшее образование выходцам из различных социальных групп, доступное бесплатное медицинское обслуживание, социальное страхование, создание системы санаторно-оздоровительных учреждений – все это и многое другое не могло не повлиять на позитивные изменения настроений интеллигенции к большевикам. Так, писатель К.И. Чуковский, помогая в 1921 г. в обустройстве детской колонии в Бельском Устье под городом Порховом, описывая сложность бытовых и иных условий работы, подчеркивал, что именно «советская власть дала им школу для колонии» [8, с. 176]. Нельзя не отметить, что «Провозглашение в 1921 г. политическим руководством России нэпа способствовало улучшению социально-экономического положения в стране, многократно расширило творческие возможности, пути

и формы соучастия интеллигенции в созидательной работе» [4, с. 20].

В-пятых, восстановление научной жизни страны, стремление Советского правительства к сохранению и созданию новых учебных и научных институтов не могло не импонировать представителям интеллигенции. В.И. Вернадский в своем дневнике от 9 марта 1921 г. отмечал: «У Тарас[евича] интер[есный] разговор о совр[еменном] моменте. Начало улучшаться положение научн[ой] работы с янв[аря] [1]920 г. Ленин понял значение спецов и в тоже время начала <увеличиваться> возможность не замерзнуть и не умирать от истощения. С осени – <с> сент[ября], авг[уста] начала восстанавливаться работа. Новые журналы получены относительно недавно» [3, с. 15]. С началом НЭПа подобные тенденции только усилились. Как отмечал К.И. Чуковский, «книжных магазинов открывается все больше и больше» [8, с. 194].

И, наконец, в-шестых, немалую роль сыграло чувство патриотизма среди представителей интеллигенции. Те из них, которые не уехали добровольно или не были отправлены в эмиграцию принудительно, а остались на Родине, стремились к скорейшему ее возрождению как в экономическом, так и в духовном плане: «Считая своим «патриотическим» долгом содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни, считая аксиомой, что только при этом условии может создаться благосостояние населения, «Лига наблюдателей» заключала, что для этого у интеллигенции, не желающей быть вне жизни, нет другого пути, как только честно и добросовестно работать вместе с

Советской властью» [2, с. 56]. Ученый В. И. Вернадский, вспоминая о не состоявшейся эмиграции в 1920 г. в Лондон, отмечал: «Как-то опять подымается чувство уверенности в то, что я сделаю много. Вера в то, что мне суждено. Ясно осознаю, что не поехал в Лондон и оставшись здесь м[ожет] б[ыть], изменил форму достижения <цели>, но осталась неизменной основная идея. Создание Института для иссл[едования] жив[ого] вещ[ества] (или геохимического?)» [3, с. 27–28].

Следует признать, что с началом НЭПа представители интеллигенции, оставшиеся в Советской России, влились в процесс восстановления экономического и культурного состояния страны. Причины, которые способствовали этому, у разных социальных групп интеллигенции были различны, но в целом даже ярые противники большевиков в начале 1920-х гг. примирились с новой властью, по крайней мере внешне, и приложили свои усилия к созидательной работе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // В поисках пути: русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 288–339.
2. Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. 367 с.
3. Вернадский В.И. Дневник: Март 1921 – август 1925 / 2-е изд. М.: Наука, 1999. 214 с.
4. Ерошкина О.Н. Дневник К.И. Чуковского как источник изучения истории интеллигенции Петрограда–Ленинграда 1920-х гг. // Клио. 2014. № 2 (86). С. 18–24.
5. Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. 264 с.
6. Казанин И.Е. Формирование государственной политики по отношению к российским литераторам в 1921–1922 гг. // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: сборник научных статей. М.: Ветераны спецслужб, 2005. С. 89–104.
7. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 352 с.
8. Чуковский К.И. Дневник (1901–1929 гг.). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
9. Шишкин В.А. Политические настроения научно-технической интеллигенции и медиков высшей квалификации в годы НЭПа (1922–1928 гг.) // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2004. № 4. С. 289–305.

REFERENCES

1. Bobrishchev-Pushkin A.V. Novaya vera [New Faith] V poiskakh puti: russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii [Finding the Way: the Russian Intelligentsia and Russia]. , Russkaya kniga, 1992. pp. 288-339
2. Valentinov N., (Vol'skii N.). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina [New Economic Policy and the Crisis of the Party after Lenin]. M., Sovremennik, 1991. 367 p.
3. Vernadskii V.I. Dnevnik: Mart 1921 - Avgust 1925 / 2-e izd. [Diary: March 1921 - August 1925 / 2nd ed.]. M., Nauka, 1999. 214 p.
4. Eroshkina O.N., Dnevnik K.I. Chukovskogo kak istochnik izucheniya istorii intelligentsii Petrograda–Leningrada 1920-kh gg. [Chukovsky as a Source of Studying the History of the Intelligentsia of Petrograd–Leningrad of the 1920s.] // Klio. 2014. no. 2 (86). pp. 18-24.
5. Kazanin I.E. Zabytoe budushchee: soveteskaya vlast' i rossiiskaya intelligentsiya v pervoe

- posleoktyabr'skoe desyatiletie [Forgotten Future: the Soviet Government and the Russian Intelligentsia in the First Post-Revolutionary Decade]. Volgograd, Volgogradskii gos. un-t, 2001. 264 p.
6. Kazanin I.E. Formirovanie gosudarstvennoi politiki po otnosheniyu k rossiiskim literatoram v 1921–1922 gg. [The Formation of the State Policy in Relation to Russian Writers in 1921–1922.] Rossiiskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezh'e: sbornik nauchnykh statei [The Russian Intelligentsia at Home and Abroad: Collection of Scientific Articles]. M., Veterany spetssluzhby, 2005. pp. 89–104
 7. Soskin V.L. Kul'turnaya zhizn' Sibiri v pervye gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1923 gg.) [The Cultural Life of Siberia in the First Years of the New Economic Policy (1921–1923)]. Novosibirsk, Nauka, 1971. 352 p.
 8. Chukovskii K.I. Dnevnik (1901–1929 gg.) [Diary (1901–1929)]. M., Sovetskii pisatel', 1991. 544 p.
 9. Shishkin V.A. Politicheskie nastroeniya nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii i medikov vysshei kvalifikatsii v gody NEPa (1922–1928 gg.) [The Political Moods of Scientific and Technical Intelligentsia and Medical Personnel of Higher Qualification in the Years of the NEP (1922–1928 gg.)] // Nestor: ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. 2004. no. 4. pp. 289–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тучин Владимир Анатольевич – выпускник Московского государственного областного университета, независимый исследователь;
e-mail: mai216@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tuchin Vladimir A. – graduate of Moscow State Regional University, Independent Researcher;
e-mail: mai216@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Тучин В.А. Российская интеллигенция и новая экономическая политика: первые оценки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Tuchin. Russian intelligentsia and the new economic policy: first assessments // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-79-84

УДК 364.25:94(470)”1917/1930”

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-85-91

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы коммунального образа жизни после установления Советской власти. Автор анализирует причины перехода к коммунальным квартирам, рассматривает управленческие структуры коммунального хозяйства. В статье представлены методы контроля со стороны органов власти за коммунальным проживанием в одной квартире. В статье анализируются «революционный передел» жилой площади, а также важнейшие документы, закрепляющие государственную собственность жилищного фонда советской страны.

Ключевые слова: «коммуналки», жилая площадь, самоуплотнение.

EMERGENCE OF COMMUNAL FLATS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

V. Gorlov

*Moscow Regional State University
10A, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the problems of a municipal way of life after the establishment of the Soviet power. The author analyzes the reasons of transition to communal flats. The administrative structures of municipal services are also considered. The methods of controlling the municipal one-apartment habitation by the authorities are studied. The "revolutionary repartition" of the living space is analyzed; major documents fixing the state ownership of the housing stock of the Soviet country are studied.

Key words: communal flats, living space, self-consolidation.

Сразу же после Октябрьской революции жилища переходят в подчинение городских советов рабочих депутатов. Позиции пролетарской диктатуры в жилищной области были закреплены государственным регулированием жилищных отношений, что было отражено в следующих документах:

- проект декрета «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», написанный В.И. Лениным 21 ноября 1917 года [5, с. 104–105];
- принадлежащие В.И. Ленину и датированные 3 декабря 1918 г. «Тезисы закона о конфискации домов, со сдаваемыми в наем квартирами», которые пере-

давали городские земли полностью в достояние народа, исключая даже возможность их передачи в частную собственность [3, с. 133.];

– Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах», который 4 декабря 1917 г. был утвержден ВЦИК и был принят Президиумом ВЦИК в качестве закона 20 августа 1918 г. [4, с. 232–233]. Права частной собственности на жилые дома в городах в декрете законодательно отменялись;

– Декрет СНК РСФСР «Запрет каких-либо сделок по продаже, покупке, залогу и т.д. всех недвижимостей и земель в городах» от 16 декабря 1917 г. [3, с. 240].

Следовательно, революционный процесс перераспределения жилищного фонда начался ещё до официального принятия закона, в соответствии с ленинским проектом декрета о реквизиции квартир, который был отражён в тезисах закона о конфискации домов. Благодаря этим документам местные советы Петрограда, Москвы и других крупных промышленных центров изымали наличный жилищный фонд из частной собственности домовладения в целях использования его для ликвидации жилищной нужды. Они получили право секвестрировать пригодные для жилья пустующие помещения, чтобы вселять нуждающихся в жилье граждан в эти помещения, переселять жителей из одних квартир в другие, а также проводить принудительное уплотнение. Местным советам рабочих депутатов предоставили настолько широкие права, что домовладельцы скоро были фактически устранены от участия в управлении своими домами.

Домовладениями управляли организованные советами домовые комитеты, взимавшими и квартирную плату с жильцов. Местные городские советы получали право изымать все строения, стоимость или доходность которых превышала пределы, установленные ими. Отчуждаемая собственность переходила в собственность местных советов, составляя так называемый муниципализированный жилищный фонд. С 1918 по 1920-е гг. местные органы использовали в своих оперативных целях первые послереволюционные жилищные переписи, проходившие в крупных городах. Эти переписи дают данные о результатах начавшегося послеоктябрьского жилищного передела.

Большинство домов в советских городах муниципализировали. В 1917 г. в Москве у домовладельцев отобрали свыше 400 тыс. крупных домов. В трёхстах домов организовали дома-коммуны. В них поселили рабочих с их семьями в общем количестве 35 тыс. чел. Через пять лет в 1922 г. количество таких домов-коммун достигло почти тысячи. В Москве, которая к тому времени вновь стала столицей, в центр с окраин переселили 500 тыс. рабочих [7, с. 127].

Социальные катаклизмы начала XX в. (Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война) уничтожили те социальные группы, которые составляли основу граждан города. В основном в крупных городах стали преобладать покинувшие свои родные места крестьяне. После революции в городах не стало дворянства, вытеснились и сметались купечество и мещанство. К таким политическим результатам привели по-

слереволюционные законодательные акты Советской власти, которые способствовали закреплению позиций государства пролетариев в жилищном хозяйстве. Преобладающим способом решения жилищного вопроса после Октябрьской революции становилась экспроприация имущих классов, национализация и конфискация жилья в пользу пролетариев. Местные власти наивно полагали, что жилищная проблема легко решаема, если насильно занять квартиры и особняки, выгнав их прежних владельцев. В барские особняки переехали тысячи и тысячи жителей фабричных окраин. Однако в таких огромных квартирах их новые жильцы обычно испытывали жуткий дискомфорт, так как не хватало дров для согрева квартир, не хватало таких привычных погребов, подвалов, колодцев и т.п. Поэтому многие новые жильцы старались вернуться в свои привычные дома.

Советская власть установила в городах максимальные пределы жилья. Сразу после революции разрешалось собственникам недвижимости иметь на одного взрослого по одной комнате и одну комнату на всех детей. После того как в августе 1918 г. приняли закон об отмене частной собственности на недвижимое имущество, власти посчитали, что иметь одну комнату на одного человека в такое трудное время слишком роскошно. После этого начался откровенный делёж городского жилья. Любая квартира, в которой число комнат равнялось или превышало число душ населения, которое постоянно проживало в этой квартире, считалась богатой. Тем самым было положено начало к самоуплотнению богатых и образованию коммуналь-

ных квартир. Беднота массово заселяла квартиры богатых по тем временам граждан, что способствовало преобладанию коммунального заселения.

Наступила политика военного коммунизма, которая породила новые жилищные отношения. Подавляющая часть жилья стала принадлежать государству в лице местных советов. Граждане выступали в городах как квартиросъемщики. Гиперинфляция в период военного коммунизма привела к тому, что к январю 1921 г. власти полностью упразднили плату за квартиру в муниципализированных помещениях из-за того, что деньги полностью обесценились и услуги жителям не предоставлялись.

Взаимоотношения новых жителей с прежними квартировладельцами были довольно сложные. После установления советской власти специфическими чертами коммунальной квартиры были, прежде всего, госсобственность на жилое помещение, нормативы жилищной площади, положенной на человека (независимо от конфигурации квартиры и семейного статуса жильцов), заселение жилой квартиры по ордеру, выданным местными органами власти, и контроль за внутренним порядком и содержанием квартиры со стороны местных органов власти через своих представителей (вертикальный и горизонтальный). Это приводило к тому, что в коммунальной квартире проживало несколько квартиросъемщиков, существовал разнородный состав жильцов. Такая политика привела к вынужденному сожительству не связанных семейными узами людей, которые принадлежали к различным социальным слоям. В каждой квартире обычно жила не одна, а три-четыре

и более семей. Такие многосемейные квартиры назывались «коммунальными», или в просторечии «коммуналками». Это слово произошло от латинского слова «communis», что означает «общий».

В первые годы советской власти правительство не располагало необходимыми средствами для капитальных вложений в жилищное строительство. Конечно, это не могло не повлиять на ликвидацию колоссальной жилищной нужды рабочего класса. В силу этого Советская власть в первое десятилетие после революции осуществляла улучшение жилищных условий главным образом путём «революционного передела» жилплощади. Большая часть коммуналок в 1920-1930-е гг. были не построены, а переделаны из отдельных квартир. Это объяснялось вполне практическими причинами: нехваткой жилья.

В период НЭПа в составе НКВД создали управление коммунального хозяйства. В обязанности этого управления входило восстановление жилых помещений и коммунальных объектов в городах. Постоянно сокращалась норма санитарной площади на человека, что приводило к образованию всё новых коммуналок и уплотнению уже существующих коммунальных квартир. В квартирах постоянно проходили перепланировки. Комнаты, на которые делились квартиры, старались приблизить по размерам к нормативным комнатам. В 1927 г. вышло постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР, которое привело к началу квартирного передела на основании «права на самоуплотнение». Постановление обязывало владельцев квартиры, комнаты, которые имели излишки жилплощади,

в течение 3-х недель вселять к себе лютого человека. Постановление делало новых жильцов законными владельцами жилья. Жильцы, имеющие излишки жилплощади, должны были оплачивать их в тройном размере.

Надо учесть, что «право на самоуплотнение» не было добровольным, так как постановление разрешало жилконторам по истечении установленного срока без всякого согласия жильцов подселить новых жильцов. Так как владельцы квартир испытывали жуткий страх перед комиссией по уплотнению, то вполне естественно, что обладатели излишков жилплощади приглашали в свои жилища знакомых или родственников, чтобы к ним не могли подселить чужих людей. Необходимо отметить, что многие бывшие дореволюционные хозяева имели домработниц, которые остались проживать и в коммунальных квартирах. Так как их бывшая комната была занята новыми жильцами, они спали на кухнях или в передних. Следует отметить, что характерной чертой коммунальной жизни москвичей было присутствие домработниц почти в каждой семье, даже в совсем небогатой. В тот переходный период граждане просто не могли уяснить: как это работающая женщина может одновременно воспитывать детей и вести хозяйство?

Власть стремилась внедрить коллективные начала в быт. Так как отдельные квартиры не соответствовали данной задаче, то жилища стали строить исключительно коммунальными, в которых можно было формировать коллектив, объединённый общими производственными интересами, не разобшённый стенами отдельных квартир. Жилищное строительство,

таким образом, вписывалось в механизм обобществления бытового потребления. Каждая семья в коммуналке получала по одной комнате при общей кухне и общих удобствах.

Домоуправления с каждым годом расширяли свои права. С 1929 г. они заселяли все освобождающиеся помещения. Так как квартирохозяйева постоянно мешали проводить политику распределения жилья, то они заменялись квартироуполномоченными. Они избирались и официально признавались жилищной администрацией в качестве главного лидера и полномочного представителя коммунальной квартиры. В их обязанности входило следить за внутренним распорядком в квартирах, за соблюдение правил ухода за жилищем, за оплатой счетов. Все эти обязанности были сформулированы в «Обязательных правилах ухода за жилищем и внутреннего распорядка в квартирах» [2, с. 19]. Квартироуполномоченные избирались всеми жильцами коммунальных квартир каждый год из числа наиболее авторитетных членов коллектива. Они имели особое право на жилплощадь и часто были осведомителями НКВД. Таким образом, коммуналки были и рычагом социального контроля.

В 1920-1930-е гг. появилось большинство правил и инструкций, регламентирующих внутренний распорядок в коммунальных квартирах. Нормой была коммунальная квартира с общей кухней на 4-5 семей. Долгие годы санитарная норма жилищной площади в 9 кв.метров не менялась [8, с. 88]. В январе 1929 г. власти ввели довольно строгие «Правила внутреннего распорядка в квартирах». В этом документе указывалось следующее: «...Ночной

покой с двенадцати часов ночи. Входные двери должны быть всегда на запоре... Не разрешается загромождение коридоров шкафами, сундуками и громоздкими предметами...воспрещается колка дров в квартирах, на лестницах» [1, с. 274].

Между соседями часто существовали напряженные отношения, которые порой перерастали в так называемое «квартирное хулиганство». С ним боролись на основании правительственных решений. Здесь следует упомянуть циркуляр Наркомата коммунального хозяйства и Наркомата комиссариата юстиции № 158 от 4 июля 1935 г. «О борьбе с хулиганством в квартирах». В замкнутом пространстве, где проживали разные поколения, разные характеры, где было разное материальное положение, конфликты были неизбежны.

Весь образ жизни в коммуналках втягивал жильцов в общественную деятельность. Домами управляли домашние комитеты (домкомы). Для того, чтобы он не предавался «бесхозяйственности», жители коммунальных квартир должны были ходить на собрания, выбирать правление, комиссию по культурной работе, по озеленению двора, контрольную комиссию. Для коммунальной квартиры очень подходила многовековая общинность русской жизни, которая проявлялась в сборе средств на общественные нужды коммуналки, для чего был общественный кассир для хранения денег и покупки хозяйственных вещей. Домкомы рассматривали споры между жильцами об оплате коммунальных услуг, уборки мест общего пользования, текущего ремонта. Инициатива создания домкомов исходила от экс-

платящих дом служб. В 1930-е гг. председатель домкома был очень значимой фигурой. Он заверял важнейшие документы, выдавал жизненно важные справки, от него зависело распределение и уплотнение жилплощади.

Коммунальный дом возглавлял назначаемый управдом. Управляющие домами и домоуправления были своеобразными агентами государства. Они осуществляли не только контроль за пропиской, санитарный контроль, но и политический контроль. Согласно «Положению о домоуправлении...» (1938 г.) в обязанности управдома входило: «Назначение в квартиры ответственных по квартире и повседневное руководство съемщиками... Вручение судебных повесток... Присутствие при обысках...» [6, с. 267].

В 1930-е гг. коммунальная квартира получила самое массовое распространение. Коммуналка заселялась несколькими семьями, не имея никакой бытовой изоляции. Жильцы, естественно, вынуждены были устанавливать определенный порядок, выработать определенную структуру, т.е. образовывать не просто простое скопление людей, а коммунальное общество, каким бы маленьким оно ни было. Таким образом, различные факторы повлияли на появление коммунальных квартир: 1) огромная миграция в города создавала проблемы с

расселением приезжих, что приводило к уплотнениям; 2) противопоставление социализма капитализму означало, что при Советской власти способ обращения с жильём должен отличаться от капиталистического, что привело к огосударствлению жилого фонда и права распоряжения этим фондом; 3) приоритеты социалистической государственной политики (индустриализация, коллективизация) не позволяли выделять достаточно средств для строительства жилья; 4) концепция жилплощади позволяла поселять в одной квартире совершенно чужих людей независимо от их социального и семейного статуса.

Коммунальные квартиры являлись характерным признаком советского образа жизни и были уникальным социокультурным явлением. Советская повседневность отражалась на взаимоотношениях жильцов коммуналки. Многие поколения советских людей жили в коммунальных квартирах и навсегда запомнили неповторимый колорит характерных для коммуналок отношений. Несмотря на то, что коммуналки уходят в прошлое, порожденная ими психология оказалась более живучей. Феномен коммунального быта стал показательным примером противоречивости и сложности советской действительности с порожденным ею специфическим образом жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в 20-30-е годы. М.: Молодая гвардия, 1998. 352 с.
2. Бюллетень НККХ РСФСР. 1933. № 14. 59 с.
3. Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. 627 с.
4. Декреты Советской власти. Т. III. М.: Политиздат, 1964. 664 с.
5. Ленинский сборник. Т. XXI. М.: Партиздат, 1933. 324 с.

6. Лужков Ю.М. Мы дети твои, Москва. М.: Вагриус, 1996. 343 с.
7. Пыжов Н. Жилища рабочих до и после Октября. М.-Л.: [б/и], 1925. 189 с.
8. Толстой Ю.К. Жилищные права и обязанности граждан СССР. М.: Госюриздат, 1960. 96 с.

REFERENCES

1. Andreevskii G.V. Povsednevnaia zhizn' Moskvy v 20-30-e gody [Everyday Life of Moscow in the 20-30-ies]. М., Molodaya gvardiya, 1998. 352 p.
2. Byulleten' NKKKH RSFSR [Bulletin of the RSFSR NCCH]. 1933. no. 14. pp. 59.
3. Dekrety Sovetskoi vlasti. T. I [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1]. М., Gospolitizdat, 1957. 627 p.
4. Dekrety Sovetskoi vlasti. T. III [Decrees of the Soviet Government. T. III]. М., Politizdat, 1964. 664 p.
5. Leninskii sbornik. T. XXI [Lenin Collection of Works]. М., Partizdat, 1933. 324 p.
6. Luzhkov YU.M. My deti tvoi, Moskva [We are your Children, Moscow]. М., Vagrius, 1996. 343 p.
7. Pyzhov N. Zhilishcha rabochikh do i posle Oktyabrya [Workers' Dwelling before and after the October]. М.-Л., [b/i], 1925. 189 p.
8. Tolstoi YU.K. Zhilishchnye prava i obyazannosti grazhdan SSSR [Housing Rights and Obligations of Citizens of the USSR]. М., Gosyurizdat, 1960. 96 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow State Regional University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Горлов В.Н. Возникновение коммунальных квартир в первые годы Советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-85-91

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Gorlov. Emergence of communal flats in the first years of the Soviet power // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-85-91

УДК 63:331.108(477.75)”1944-1953”

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-92-100

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КРЫМА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1944–1953) ГОДЫ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о восстановлении и развитии сельского хозяйства послевоенного Крыма оказался политически тесно связанным с мотивами его передачи в 1954 г. из состава РСФСР в состав Украины. В оценке состояния сельского хозяйства полуострова сложились две историографические концепции: позитивного развития и депрессивной аграрной экономики. На основе анализа статистических и других материалов сделан вывод: в целом сельское хозяйство Крыма, несмотря на урон, нанесенный военными действиями и депортацией 1944 г., развивалось динамично и превысило по многим параметрам довоенные показатели. Темпы экономического роста и тенденции развития автор применял в исследовании в качестве оценочного критерия состояния экономики.

Ключевые слова: аграрная история, послевоенный СССР, Крымская область, сельскохозяйственная специфика, трудовые ресурсы, темпы развития.

AGRICULTURE OF THE CRIMEA IN THE POST-WAR YEARS (1944–1953): DYNAMICS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT

O. Volobuev

Moscow State Regional University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. The issue of restoration and development of agriculture in post-war Crimea turned out to be closely connected in political sense with the causes of excluding it from the RSFSR and including it in the Ukrainian Republic in 1954. There are two historiographic concepts in assessing the state of agriculture on the peninsula: positive development and depressive agrarian economy. On the basis of the analysis of the statistical and other kinds of data it is concluded that: in the whole the Crimean agriculture was developing rather dynamically and in many aspects exceeded the pre-war parameters, despite the war damage and the 1944 deportation of the Crimean Tartars. The rate of economic growth and the tendencies of development are used by the author of the article as a criterion for assessing the state of the economy.

Key words: agrarian history, post-war USSR, Crimean region, agricultural specificity, labour force, pace of development.

© Волобуев О.В.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-10169а.

Вопрос о социально-экономическом развитии Крыма в послевоенные годы приобретает не только научно-академический, но и политический характер. В последние годы появляются публикации и блогзаписи, в которых обосновывается, а чаще просто декларируется тезис о том, что Крым был передан из состава РСФСР Украине в 1954 г., как депрессивный и дотационный¹ регион [См. напр.: 1]. При этом применяется прием выборочного «вылавливания» фактов тяжелого материального положения населения Крыма и речь идет чуть ли не о кризисе сельского хозяйства полуострова (низкая урожайность, низкая продуктивность животноводства и т. п.). Но такие факты должны объясняться в контексте общего социально-экономического положения в послевоенном Советском Союзе и конкретных условий, сложившихся в Крыму. Можно ли указать хотя бы на один из бывших под оккупацией и пострадавших от военных действий регионов, где бы не было проблем с восстановлением экономики и тяжелым материальным положением населения?

В данной статье предпринята попытка проанализировать состояние сельского хозяйства Крыма в послевоенные годы, выявляя тенденции его развития с опорой, прежде всего, на статистический материал. Наиболее значительным трудом по данной тематике, на наш взгляд, является монография крымского историка М.М. Максименко, вышедшая в Киеве в 1972 г. В ней широко использованы местные

¹ Заметим некорректность этого определения: все разоренные военными действиями и оккупацией области были в годы четвертой пятилетки (да часто и после) дотационными.

и центральные архивные материалы, а также статистический сборник «Народное хозяйство Крымской области», 1957 г. издания. Этот сборник является основным статистическим источником и для нашего исследования, источником, доступным для любого историка и неисторика.

В социально-экономическом восстановлении и развитии послевоенного Крыма, с нашей точки зрения, можно выделить три стадии. После освобождения Крыма от оккупации и проведения этнической депортации потребовалась организационная стадия, которая заняла главным образом 1944 и 1945 гг. Следующая стадия приходится на четвертую пятилетку 1946–1950 гг. Однако полностью восстановить народное хозяйство в пределах этой пятилетки не удалось, и окончательно по отдельным отраслям производства и жизнедеятельности это завершение пришлось на первые годы 1950-х. Верхней хронологической границей исследования является 1953 г., т.е. послевоенный Крым рассматривается в рамках его пребывания в составе РСФСР.

Значительное увеличение валового сбора (амбарный урожай) зерна и технических культур по Крымской области приходится на начало 1950 гг. В процентах к 1950 г. (принимается за 100%) он составил в 1951 г. 399%, 1952 г. – 410%, а в неурожайном 1953 г. – 331%. И на этом достигнутом уровне рост остановился. В самом неурожайном 1954 г. он снизился до 198%, а в урожайном 1955 г. поднялся до 435%. Причем наиболее высокий валовой сбор пшеницы (1951 г. – 523%, 1952 г. – 543% по отношению к 1950 г.) приходился на 1951–1953 гг., а наиболее низ-

кий – на 1954 г. (222%) и 1956 (241%). В общем же валовом сборе зерна после 1953 г. стала большее место занимать кукуруза (сборы ее увеличились по сравнению с 1950 г. более чем в 20 раз) [4, с. 58].

Есть два источника роста динамики валового сбора сельскохозяйственных культур. Первый – это увеличение посевных площадей, второй – повышение урожайности. В 1940 г. вся посевная площадь в Крыму составляла 987,4 тыс. га (больше чем в 1913 г.), в конце четвертой пятилетки 881,9 тыс. га, в 1953 г. 1006,1 тыс. га. По отдельным сельскохозяйственным культурам имелись следующие показатели: площади под зерновыми культурами (1953 г. – 661,4 тыс. га) так и не достигли уровня 1940 г. (742,3 тыс. га), уменьшились они и под техническими культурами. Так, под табаком в 1940 г. было 8,7 тыс. га, а в 1953 г. – 6,7 тыс. га.; под эфиромасличными и лекарственными культурами уменьшение площадей было незначительным – 7,2 тыс. га в 1940 г. и 7,0 в 1953 г.; почти сравнялись с довоенными площади под овощебахчевыми культурами и картофелем: 35,6 тыс. га в 1940 г. и 35,3 тыс. га – в 1953 г. [4, с. 61–62].

Для понимания специфики развития сельского хозяйства очень важны данные о посевных площадях по районам. Выделим прибрежные горные районы: Алуштинский (в 1940 г. – 1297 га, в 1950 г. – 1120 га), Судакский (1940 г. – 1140 га, 1950 г. – 992 га), а также города (с округой) Ялту (1940 г. – 621 га) и Феодосию (1940 г. – 385 га, 1950 г. – 291 га). В этих виноградорских и табаководческих районах, где в сельском населении преобладали в прошлом крымские татары, довоен-

ные посевные площади не были достигнуты (исключение т. н. «Большая Ялта»). Другой крымский природный регион – северные предгорья. К нему отнесем такие административные районы: Бахчисарайский (1940 г. 22087 га, 1950 г. 22141 га), Куйбышевский (1940 г. 7299 га, 1950 г. 7046 га), Симферопольский (1940 г. 42705 га, 1950 г. 43780 га), Зуйский (1940 г. 21857, 1950 г. 23035 га), Белогорский (1940 г. 29152 га, 1950 г. 24365 га), Старокрымский (1940 г. 18154 га, 1950 г. 17198 га). Не дотянули до довоенных площадей северо-восточные предгорья, более «глухие» и менее богатые водой. Что касается степной части Крыма, то там в большинстве административных районов размеры посевных площадей в 1950 г. уступали довоенным [4, с. 70]. Об этом свидетельствуют и данные по площадям зерновых культур [4, с. 71, 72]. Значительно, еще до введения в строй Северокрымского канала, за послевоенные годы выросли площади земель с оросительной сетью. Если в 1945 г. их размеры исчислялись в 5932 га, то в 1950 г. – 36106 га, а в 1953 г. – 41032 тыс. га [4, с. 87].

Отдельно следует рассмотреть площади под специфичными для Крыма плодово-ягодными насаждениями и виноградниками. Практически виноградники имелись во всех районах области. Но важны те районы, где в больших объемах виноград шел на винодельческое производство и на рынок (курортный и на вывоз). К таким административным районам можно отнести¹: Алуштинский, Бахчисарайский, Красногвардейский, Куйбышевский, Евпаторийский, Сакский, Старокрымский, Судакский, Ялтинский. Из

¹ Критерий отбора: не менее 370 га на 1940 г.

них наиболее значимыми были Судакский (1581 га – на 1940 г., 845 га – на 1950 г.), Алуштинский (1129 га – на 1940 г., 900 га – на 1950), Ялтинский (783 га – на 1940 г., 291 га – на 1950 г.), Куйбышевский (653 га – на 1940 г., 311 га – на 1950) [4, с. 92]. Цифровые данные свидетельствуют, что именно в этих ведущих по виноградарству и виноделию районах (с бывшим сельским крымскотатарским, греческим, болгарским населением) произошло самое большое уменьшение площадей под виноградниками.

Трудно восстанавливалось крымское животноводство. Наибольший урон понесло поголовье овец и коз. В 1940 г. (на конец года) в Крыму имелось в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий голов: крупного рогатого скота – 11,9 (в том числе коров – 5,0), свиней (на 100 га пашни) – 9,8, овец и коз 40,7 (в т. ч. овец – 44,6). В 1950 г. эти же показатели изменились в количестве голов на 100 га так: крупный рогатый скот 11,1 (в т. ч. коровы – 4,5); свиньи 7,1; овцы и козы 28,7 (в т. ч. – 24,3). В тысячах голов по категориям всех хозяйств картина выглядела следующим образом: на 1940 г. – крупный рогатый скот 234,1, свиньи – 140,6, овцы и козы – 957 (в т.ч. овцы – 913,8), лошади – 96,2; на 1953 г. – крупный рогатый скот 208,7, свиньи – 149,7, овцы и козы – 798,1 (в т. ч. – 738,6), лошади – 57,7. Динамика развития животноводства в послевоенный период была представлена в докладе 1953 г. секретаря Крымского обкома КПСС П.И. Титова. Приведем ее в процентах по отношению к 1941 г., взятому за 100%: крупный рогатый скот на 1945 г. – 40,6, на 1949 г. – 78,8, на 1953 г. – 123,0; свиньи на 1945 г. – 7,5, на 1949 г. – 41,2, на

1953 г. – 162,1; овцы и козы на 1945 г. – 9,7, 1949 г. – 38,4, 1953 г. – 96,5. В статье нового (с января 1954 г.) секретаря Крымского обкома Д.С. Полянского, напечатанной через полгода после октябрьского пленума 1953 г., имеются такие данные по сельскому хозяйству: крупного рогатого скота стало больше, чем до войны, на 43%, свиней – на 85%, птицы – в 3 раза. Создание специализированных птицеводческих хозяйств, как совхоз «Южный» в окрестностях Симферополя, позволило в значительной степени решить вопрос снабжения птичьим мясом горожан Крыма.

Однако оставались нерешенными самые сложные вопросы – это урожайность, надой в молочном производстве, настриг шерсти с овец. Средние надой молока от одной фуражной коровы составляли (в кг.): в 1940 г. – 1389, 1950 – 1016 (968 – по материалам Крымского пленума КПСС 1953 г.), 1953 – 139 [4, с. 110]. В передовой статье под названием «Добьемся крутого подъема сельского хозяйства Крыма» газеты «Крымская правда» за 24 октября 1953 г. приводились данные, что удой на корову равнялся в среднем 1300 кг за два последних года, а в 40% колхозов был менее 1000 кг. Настриг же шерсти на овцу был незначительным: 2,5–2,6 кг.

Очень показательна в плане состояния сельского хозяйства урожайность зерновых. Она была низкой в восстановительный период и в силу неблагоприятных климатических условий и в силу нехватки рабочих рук и сельскохозяйственной техники. И не случайно цифр по урожайности зерновых нельзя найти в используемом сборнике статистического управления. В 1947 г. урожайность с 1 га не превышала 5,8 центнера. В 1948 г. она составила в

колхозах примерно в среднем 85 пудов с га. В 1949 и 1950 гг. на ней сказались засухи, и урожайность составила 4,5 и 3,9 центера [3, с. 138, 150]. Но уже в 1951 и 1953 гг. средняя урожайность с га достигла 10–11 ц., а в 1952 г. – даже 14–15 ц. [9, с. 70]. Для сравнения приведем обобщенные данные об урожайности зерновых в среднем по всей Украине: в 1951 г. – 10,2, 1952 г. – 13,7, 1953 г. – 10,8 ц. [4, с. 172]. Как видно, положение с сельским хозяйством в Крыму и на Украине (особенно степной) не очень отличалось. Причины низких урожаев были одни и те же, если не принимать в расчет степень обеспеченности трудовыми ресурсами (включая их качество: опыт ведения сельского хозяйства в данных природных условиях).

Приведем данные по трудовым ресурсам в колхозах области за три послевоенных года. Всего в Крыму колхозников в трудоспособном возрасте было в 1947 г. 107,9 тыс., в 1948 г. – 110 тыс., в 1949 г. – 118 тыс. К этой статистике имеется приписка уполномоченного Госплана по Крымской области: «Недостающие 18600 будут пополнены за счет привлечения учащихся, неработающего несельскохозяйственного населения села и неработающего городского населения»¹. Дефицит колхозной (и совхозной) рабочей силы пытались возместить привлечением к сельхозработам учащихся, инвалидов, стариков и увеличением количества тракторов и другой специализированной техники (в МТС).

Статистика, конечно, показательна, но она как-то по касательной относится к конкретным человеческим

судьбам. И в этом отношении с точки зрения взгляда на переселенчество представляет интерес обращение к жанру очерка. В качестве такого «живого» свидетельства используем небольшую книжку очерков крымского поэта и журналиста Александра Лесина. Называется она знаково – «На новых местах». В ней всего четыре очерка, но они создают определенную картину состояния переселенческих хозяйств на 1950 г. Описываемые места представлены соответственно разным географическим районированием, разными природными условиями, разной историей сёл.

Деревня Лесная, Судакского р-на, расположена на южном склоне главной горной гряды («колхоз в горах», по определению автора; создан заново в октябре 1944 г.). Бывшее население – крымские татары (прежнее название села Суук-су), новое – переселенцы из Краснодарского края. Основной профиль – табаководство, как и в соседней деревне Переваловке, расположенной на дороге, ведущей от Феодосийского шоссе в Судак. Сад 23 га. В 1946 г. было собрано 4 тонны табака (т. е. высушенного табачного листа), в 1950 г. – 10 тонн. В 1945 г. было полсотни овец, в 1950 г. – порядка 300. Маловато, да маловато. А с чем начинали? В 1944 г. начинали колхоз с первыми переселенцами и 8 лошадьми. И еще с четырьмя старожильцами, единственными местными жителями, оставшимися в селе, чья помощь и советы были бесценными.

Село Виноградное (прежнее название Чокул) на Керченском полуострове. Степь. Вода – дорогой ресурс. Бывшее население – потомки немецких колонистов, выселенных еще в 1941 г.

¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 728. Л. 212.

Переселенцы, похоже, орловские. Основной профиль – зерновое хозяйство, высевают озимую пшеницу. Пахотной земли полторы тысячи га, рабочих рук – 87. Пафос очерка: молодёжное звено подобралось к 40 цнт. урожая зерна с га. Как? Трудом и крестьянским потом. Старанием, не уступающим немецко-му старанию.

Село Ароматное (бывшая немецкая колония Розенталь) Зуйского р-на (недалеко от Симферополя). Предгорья. В 1944 г. села фактически не было: не осталось ни одного уцелевшего дома. Многопрофильный колхоз: садоводство, виноградарство, полеводство, в том числе выращивание эфирносов. Доход колхоза в 1948 г. – 250 тыс. руб., в 1950 г. – 600 тыс. Успешно развивают, что значительно увеличило доход, производство эфиромасличных культур. Планируют 15 га отвести под табак, 14 га – под лаванду, 5 га – под плантации розы. Строят свой, колхозный маслозавод. Очерк называется «Богатство». Это и колхозное богатство, и личное. В очерке приводится рассказ одного из переселенцев с Кубани, бывшего фронтовика, штурмовавшего крымский берег с косы Тузла. Приехал он в Крым с семейством, все богатство которого состояло из семейного фотоальбома и двух табуреток, так как после оккупации никакого имущества в семье не осталось. А теперь ему есть что показать. Никелированные кровати, настенные ковры, шифоньер, швейная ножная машинка, большое зеркало. Личное хозяйство: корова с телёнком, свиньи, овцы, куры. Это, конечно, богатство только по меркам послевоенного времени, но тогда и такое благосостояние привлекало людей. Не случайно в управлении колхоза имелось 16 заявлений с

просьбой принять в колхоз от жителей Ивановской, Ростовской, Херсонской и других областей.

Новое село в Альминской долине Бахчисарайского района, основанное в 1946 г. как отделение эфиромасличного совхоза-завода. Переселенцы из Пензенской области занимают только-только построенные для них дома. Перед переездом на новые места «всякое им говорили недобрые языки о Крыме: и то, что не родится здесь, на камнях, и уж, конечно, прежде всего не родится картофель (а можно ли сельскому жителю обойтись без него?), и то, что будто бы и воды нет. Словом, если и есть что в Крыму, так это одни яблоки да груши, которыми-де сыт не будешь» [2, с. 60]. Хоть и «недобрые языки», но действительно – земля в предгорьях каменистая и далеко не чернозём, да и с водой туго (впрочем, в северных предгорьях ее было достаточно), а картофель даёт хорошие урожаи главным образом в горах, например, на Ай-Петринском плато. Но жить-то можно, если трудиться и накапливать опыт.

Главным показателем экономического развития являются темпы количественного и качественного роста производства, его динамика. В годы восстановления крымской экономики эти темпы превышали довоенные. Вместе с тем залечить все экономические травмы, нанесенные войной и депортацией, с нашей точки зрения, для Крыма не представлялось возможным. Поэтому вряд ли можно ставить в вину руководству и труженикам области то, что в четвертой пятилетке не были восстановлены посевные площади зерновых и технических культур, площади под садами и виноградниками

ми, урожайность ряда сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Нельзя не согласиться с выявленными М.М. Максименко конкретными причинами невыполнения областью государственных заданий по сдаче табака, зерна, винограда и овощей¹ [3, с. 148–150], так же как и с перенесением ряда более ранних недостатков и ошибок в начало 1950-х гг. [см.: 6], которые не приводятся в данной статье из-за ограниченности ее объема.

К началу 1950-х гг., можно считать, самые значительные трудности в сельском хозяйстве, что отмечалось в монографии М.М. Максименко и подтверждается проведенным автором анализом статистического и другого материала, были преодолены. Следующим волнам переселенцев было уже куда легче. Стартовые возможности движения областной экономики по восходящей линии были заложены в послевоенный восстановительный период. Дальнейшее развитие сельского хозяйства Крыма в 1950-х гг. протекало уже в более благоприятных условиях. Определенное значение имело и списание с колхозов задолженности на

приличную по тем временам сумму в 7487 тыс. руб. [3, с. 155].

Результаты 1951 и 1952 гг. выразились в расширении посевных площадей до довоенного уровня, выполнении планов урожайности по зерновым культурам и государственных закупок по винограду, овощам, подсолнечнику, лепесткам розы и лаванды, перевыполнении плана развития поголовья общественного животноводства [3, с. 155–156].

Между приводимыми официальными цифрами, которыми приходится пользоваться, можно заметить некоторое несоответствие (требуется специальная работа по отысканию статистических ошибок), однако это не мешает определить тенденции развития. Неспоримо, что сельское хозяйство до 1953 г. было на подъеме. Данное заключение, на наш взгляд, достаточно обосновано проведенным анализом динамики развития сельского хозяйства области. Оно в главном совпадает с точкой зрения предшествующих исследователей деятельности местных советов М.М. Максименко [3, ч. 2] и уровня жизни колхозного крестьянства А.Г. Попова [8, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильницкая О.И. Восстановление и развитие аграрного сектора Крымской области в послевоенный период в составе РСФСР: проблемы, пути решения, результаты // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 24, № 1. 2011: спецвыпуск История Украины. С. 35–42.
2. Лесин А. На новых местах. Симферополь: Крымиздат. 1950. 72 с.
3. Максименко М.М. Местные советы Крыма в послевоенный период. 1945–1958 гг. Киев: Наукова думка. 1972. 208 с.
4. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. Симферополь: Крымиздат. 1957. 272 с.
5. Народное хозяйство Украинской ССР. Юбилейный статистический ежегодник. Киев: Техника. 1977. 455 с.

¹ Автор – противник широкого использования итогов выполнения государственного плана как критерия экономического развития. План часто бывал нереальным.

6. Об итогах Пленума ЦК КПСС и задачах Крымской партийной организации по дальнейшему развитию сельского хозяйства области. Из доклада секретаря Крымского обкома партии тов. П.И. Титова на пленуме обкома КПСС // Крымская правда. 1953. 24 октября.
7. Полянский Д. За дальнейший подъем хозяйства и культуры Крыма // Коммунист Украины. 1954. № 5. С. 66–78.
8. Попов А.Г. Деятельность КПСС по подъему материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства в послевоенный период (на материалах Крымской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.
9. Районная экономическая конференция: материалы первой экономической конференции Симферопольского района Крымской области, 15 марта 1956 г. Симферополь: Крымиздат, 1956. 70 с.

REFERENCES

1. Il'nitskaya O.I. Vosstanovlenie i razvitie agrarnogo sektora Krymskoi oblasti v poslevoennoi period v sostave RSFSR: problemy, puti resheniya, rezul'taty [The Restoration and Development of the Agricultural Sector in the Crimean Region in the Postwar Period in the Russian Federation: Problems, Solutions, Results] // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». T. 24, spetsvypusk Istoriya Ukrainy. 2011. no. 1. pp. 35–42.
2. Lesin A. Na novykh mestakh [In New Places]. Simferopol, Krymizdat, 1950. 72 p.
3. Maksimenko M.M. Mestnye sovety Kryma v poslevoennyi period. 1945–1958 [Local Councils of Crimea in the Post-War Period. 1945–1958]. Kiev, Naukova dumka, 1972. 208 p.
4. Narodnoe khozyaistvo Krymskoi oblasti. Statisticheskii sbornik [The Economy of the Crimean Region. Statistical Compendium]. Simferopol, Krymizdat, 1957. 272 p.
5. Narodnoe khozyaistvo Ukrainskoi SSR. Yubileinyi statisticheskii ezhegodnik [The National Economy of the Ukrainian SSR. Jubilee Statistical Yearbook]. Kiev, Tekhnika, 1977. 455 p.
6. Ob itogakh Plenuma TSK KPSS i zadachakh Krymskoi partiinoi organizatsii po dal'neishemu razvitiyu sel'skogo khozyaistva oblasti. Iz doklada sekretarya Krymskogo obkoma partii tov. P.I. Titova na plenumе obkoma KPSS (On the Outcome of the Plenum of the Central Committee of the CPSU and the Tasks of the Crimean Party Organization for the Further Development of Agriculture in the Region. From com. P. I. Titov's, the Secretary of the Crimean Regional Committee of the Party, Report at the Plenum of the Regional Committee of the CPSU) // Krymskaya pravda, 1953, 24 Oct.
7. Polyanskii D. Za dal'neishii pod'em khozyaistva i kul'tury Kryma [For the Further Recovery of the Economy and Culture of Crimea] // Kommunist Ukrainy. 1954. no. 5. pp. 66–78.
8. Popov A.G. Deyatel'nost' KPSS po pod'emu material'nogo blagosostoyaniya i kul'turnogo urovnya kolkhoznogo krest'yanstva v poslevoennyi period (na materialakh Krymskoi oblasti). Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk [The CPSU Activity on the Rise of Material Welfare and Cultural Level of Collective Farmers in the Postwar Period (on the Materials of the Crimean Region)]. M., 1976. 24 p.
9. Raionnaya ekonomicheskaya konferentsiya: materialy pervoi ekonomicheskoi konferentsii Simferopol'skogo raiona Krymskoi oblasti, 15 marta 1956 g [Regional Economic Conference: Proceedings of the First Economic Conference of Simferopol District of Crimean Region, March 15, 1956]. Simferopol, Krymizdat, 1956. 70 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volobuev Oleg V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow State Regional University;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Волобуев О.В. Сельское хозяйство Крыма в послевоенные (1944–1953) годы: динамика и тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 92–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-92-100

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Volobuev. Agriculture of the Crimea in the post-war years (1944–1953): dynamics and tendencies of development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 92–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-92-100

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.1 (342.1)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО И ИНСТИТУТЫ СЕПАРАТИЗМА В ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Диков А.Б.

Московский финансово-юридический университет

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1а, Российская Федерация

Аннотация. Незавершенность процесса централизации страны 2000-х гг. и недостаточный уровень лояльности влиятельных региональных политиков ряда тюркских республик Российской Федерации федеральному центру могут вызвать там рост этносепаратизма. Упразднение федеральным законом институтов регионального президентства в республиках и принятый в июле 2016 г. пакет антитеррористических законов активизировали латентных сторонников пантюркизма и суверенизации среди государственных служащих, общественных, научных и религиозных деятелей в данных республиках России. Экономический кризис может создать условия для возникновения параллельных центров власти и влияния на основе общественно-политических структур и фондов бывших президентов этих регионов. В статье предложены меры по искоренению институционального и политико-идеологического наследия эпохи суверенизации и укреплению единства Российского государства.

Ключевые слова: региональное президентство, тюркоязычные республики России, элиты и контрэлиты, неформальные центры власти, пантюркизм, этносепаратизм, централизация.

REGIONAL PRESIDENCY AND THE INSTITUTIONS OF ETHNIC SEPARATISM IN THE TURKIC REPUBLICS OF RUSSIA: THE MODERN STAGE

A. Dikov

Moscow Finance and Law University

1a, Vvedenskogo str., Moscow, 117342, the Russian Federation

Abstract. As the process of centralization of the country in the 2000s was not completed and loyalty of influential regional politicians in a number of the Turkic republics of the Russian Federation to the federal center was insufficient it can cause the growth of ethnoseparatism

there. After the federal law abolished the institutes of regional presidency in the republics and the packet of anti-terrorist laws was accepted in July, 2016, latent supporters of pantyurkizm and sovereignization have become more active among state employees, public, scientific and religious figures of a number of the Turkic republics of Russia. The economic crisis can create conditions for the formation of parallel centers of power. Besides, former presidents of these regions can influence social and political structures and funds there. Measures for eradication of institutional and political and ideological heritage of the era of sovereignization, as well as measures for strengthening the unity of the Russian state are proposed.

Key words: regional presidency, the Turkic republics of Russia, elites and counter-elites, informal centers of power, panturkism, ethnic separatism, centralization.

Российско-турецкий межгосударственный конфликт 2015–2016 гг. выявил неоднозначные мнения среди представителей мусульманского духовенства, политиков, общественных деятелей наиболее крупных тюркоязычных республик России. Комплекс российских ограничительных мер 2015–2016 гг. в отношении Турции не вызвал полного одобрения даже среди государственных служащих этих регионов.

Данная проблема становится актуальной, учитывая, что именно крупнейшие по численности населения, ресурсному потенциалу и территориям тюркоязычные республики РФ – Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) – в начале 1990-х гг. стали одними из лидеров процесса суверенизации. Это вызвало целый ряд негативных последствий для российского государства, среди которых – формирование авторитарно-этнократических режимов, рост регионального национализма и сепаратизма. Российско-турецкое внешнеполитическое противостояние выявило целый ряд потенциальных угроз Российскому государству, которые будут проанализированы в этой статье.

В новейшей истории отношения федерального Центра с республиками

РФ претерпели несколько этапов. Период суверенизации 1990-х гг. сменился в 2000-х гг. этапом централизации. Тогда с введением федеральных округов и дискуссий об укрупнении регионов отношения федерального Центра и ряда республик обострились. Ключевым в этом противостоянии стал вопрос о праве переизбрания на следующие сроки действующих президентов, избранных в 1991–1993 гг. Такие влиятельные лидеры, как Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Руслан Аушев, Михаил Николаев не планировали оставлять свои должности даже несмотря на ограничение федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ) их полномочий двумя сроками подряд.

Политическое противостояние 2000-2001 гг. закончилось уступкой со стороны центральной власти. Федеральным законом от 8 февраля 2001 г. было внесено дополнение в указанный выше закон «Об общих принципах организации ...» [8]. Согласно этой поправке, весь предыдущий срок нахождения у власти действующих руководителей субъектов РФ не учитывался, а отсчет количества их каденций

начинался только с момента вступления в силу Федерального закона, то есть с 19 октября 1999 г. Это вызвало протест некоторых депутатов Государственной думы РФ, направивших запрос в Конституционный суд России. Однако конституционность Федерального закона от 8 февраля 2001 г. была подтверждена постановлением Конституционного суда РФ от 9 июля 2002 г. [6]. Действующие региональные президенты, в соответствии с законом от 8 февраля 2001 г., получили право выдвигать свои кандидатуры на ближайших выборах, баллотируясь на свой формально «первый», а фактически – на третий-четвертый сроки. Важно отметить, что выдвижение М. Шаймиева на свой третий президентский срок состоялось 27 января 2001 г., то есть еще до подписания указанного закона Президентом России. Хотя в итоге все формальности были соблюдены – статус официального кандидата на пост Президента Татарстана он получил только 14 февраля.

Данное политическое решение Кремля показало его неготовность идти на обострение конфликта с влиятельными региональными лидерами. В свою очередь, президенты также не решились на открытое противостояние с Москвой: наблюдая его последствия на Северном Кавказе, они стремились избежать повторения подобного сценария на своих территориях. В итоге, начатая реформа не смогла изменить характер политической власти на местах: большинство прежних руководителей тюркских республик остались на своих должностях. Лишь М. Николаев фактически под давлением Кремля в декабре 2001 г. отказался от участия в выборах в качестве кандидата на пост

президента республики Саха (Якутия). Но уже в 2002 г. он занял важный государственный пост заместителя председателя Совета Федерации, несмотря на свое неоднозначное отношение к политике Президента России в сфере федеративных отношений.

К середине 2000-х гг. установился неформальный внутриэлитный консенсус: федеральная власть и лидеры крупнейших тюркских регионов пришли к договоренностям и взаимным уступкам. Так как эти кулуарные договоренности не были формализованы или публично озвучены, то можно предположить, что от лидеров республик потребовалось следующее:

- 1) публичная лояльность Президенту России, членство в политической партии «Единая Россия»;
- 2) приемлемые для федерального руководства итоги федеральных выборов;
- 3) сохранение социальной стабильности и экономического роста;
- 4) выполнение налоговых обязательств перед федеральным бюджетом;
- 5) участие в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, поддержание межнационального мира и согласия.

В свою очередь федеральный Центр, видимо, гарантировал этим республикам:

- 1) отсутствие правовых ограничений по срокам пребывания на своих должностях действующих президентов; гарантии их неподсудности и сохранение статусных привилегий после отставок;
- 2) сохранение должности президента почти исключительно за представителем титульного этноса (этносов);

3) одобрение существующей культурной, образовательной и языковой политики;

4) почти полное невмешательство в региональную кадровую политику;

5) сохранение международных контактов с мусульманскими государствами и международными организациями.

Как показала практика, данное негласное межэлитное соглашение соблюдалось обеими сторонами. Но оно стало возможным только в условиях экономического роста и отсутствия явных внешних угроз, то есть в уникальных для России условиях. Новый порядок наделения полномочиями руководителей субъектов РФ по представлению Президента России, введенный в конце 2004 г., способствовал усилению влияния федерального Президента. Но даже такой действенный правовой инструмент в отношении республик применялся излишне деликатно: процесс вынужденных отставок многолетних региональных президентов тюркских республик завершился лишь в 2010 г, через 10 лет после провозглашения курса на укрепление властной вертикали.

С момента ухода от должности прежних руководителей республик часть их фактических властных полномочий переместилась из официальных резиденций в офисы их благотворительных фондов. Приведем пример одного из таких фондов, хотя аналогичные структуры имеются и у многих других экс-руководителей республик.

Бывший Президент Башкирии Муртаза Рахимов через несколько месяцев после своей досрочной отставки 15 июля 2010 г. возглавил совет соб-

ственного благотворительного фонда «Урал». В этом фонде планировалось аккумулировать 63 миллиарда рублей от приватизации предприятий башкирского ТЭК. При этом представители фонда поспешили заявить, что не собираются заниматься политической деятельностью, а только благотворительными проектами [5]. Фонд действительно финансирует объекты социальной инфраструктуры, здравоохранения, образования, спорта, культуры и другие социальные проекты.

Однако на официальном сайте «Урала» Муртаза Рахимов именуется в качестве «первого президента Республики Башкортостан в новейшей истории республики». Определяющая роль этого политика в процессе принятия Декларации о государственном суверенитете РБ и ее Конституции означает стремление Рахимова позиционироваться в качестве отца-основателя полиэтничного суверенного башкирского государства. Но еще в начале 2000-х гг. Конституционный суд России признал любые республиканские суверенитеты не соответствующими Конституции РФ. К тому же идея так называемого независимого Башкортостана не пользуется поддержкой «нетитульного» населения республики, что создает и усиливает конфликтный потенциал и межэтническую напряженность.

В названиях аналогичных фондов его бывших коллег также подчеркивается их статус первых президентов республик РФ и аналогичные претензии на учредительный характер президентства. Но таким статусом обладают только федеральные президенты, главы суверенных государств-членов ООН. И в редких случаях – президенты непризнанных государств.

Как показывает практика, различные некоммерческие и благотворительные организации могут выполнять целый ряд задач, реализуя как уставные, так и недекларируемые цели. Подобные благотворительные и гуманитарные фонды с благозвучными названиями нередко становятся штабами «цветных революций». Это показали революционные события на Украине, в Грузии, Молдавии и Киргизии, где ведущая роль принадлежала именно институтам гражданского общества.

Вокруг подобных общественных организаций могут объединяться явные и скрытые сторонники бывших президентов российских республик: радикальные идеологи, журналисты, научные и общественные деятели; формальные и неформальные религиозные лидеры; готовые к массовым акциям молодежные, спортивные и военизированные объединения; работающие под прикрытием гуманитарных и образовательных организаций представители зарубежных спецслужб; лояльные прежнему режиму бизнесмены и государственные служащие; отставленные федеральным руководством бывшие коллеги-президенты из других российских республик; зарубежные покровители в разных столицах мира.

Несмотря на формальные уставные цели, данные фонды располагают необходимыми ресурсами и для выполнения важной политической миссии. Например, для возвращения к власти в республиках их бывших президентов либо их ставленников. Как минимум, с целью минимизации налоговых выплат в федеральный бюджет и воссоздания конфедеративно-договорных

отношений с Российской Федерацией.

Взросший в последние годы уровень пиар-активности фонда «Урал» создает необходимое конкурентное поле, стимулируя нынешнего Главу Башкирии Рустэма Хамитова и его команду работать более эффективно. Однако не исключено, что этот или другие подобные фонды могут стать параллельными центрами власти в республиках в случае масштабного социально-политического кризиса в стране. Они могут попытаться подменить собой официальные властные структуры, используя для этого все необходимые ресурсы. Дестабилизация ситуации объективно создаст общественный запрос на стабильность. И, следовательно, увеличит рейтинг бывших президентов, которые могут попытаться вернуться в большую политику.

Меры по централизации Российского государства 2000-х гг. дали некоторые значимые результаты, среди которых: усиление налоговой дисциплины республик, приведение регионального законодательства в соответствие с Конституцией России, устранение из публичного политического процесса некоторых радикальных политиков. Однако федеральным Центром не была дана оценка деятельности и идеологического наследия региональных сепаратистов первой половины XX в. и их антироссийской миссии. Также не была проведена публичная дискуссия о практикуемой в некоторых тюркских республиках политики этнической сегрегации при назначениях на престижные должности.

Именно эти причины приводят к оттоку из республик «нетитульного» населения и вызывают рост исламско-

го экстремизма, с которым Российской Федерации приходится бороться уже с помощью своих Воздушно-Космических сил. В настоящее время все более очевидной становится связь между радикал-сепаратистами во власти, которые в течение десятилетий подвергают критике почти любое решение федерального Центра, и ростом числа добровольцев с российскими паспортами в рядах ИГИЛ (запрещенная в России организация). Именно поэтому нынешняя консенсусная модель взаимоотношений между федеральной политической элитой и элитами крупнейших тюркских республик оказалась крайне неустойчивой уже при первых зримых внешних угрозах Российскому государству.

В целях укрепления собственной безопасности, в 2015-16 гг. Россия применила меры не только экономического, но и политико-гуманитарного воздействия на Турцию. В частности, был нанесен удар по институтам политического влияния турецкого государства, что является уже давно назревшей мерой. В течение десятилетий на территории целого ряда субъектов Российской Федерации осуществлялась деятельность Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Этот важный инструмент в руках официальной Анкары способствовал как достижению публично заявленных целей, так и латентных политических задач. Среди них – создание в тюркских регионах России протурецкого политического класса, разделяющего идеи пантюркизма.

27 ноября 2015 г. министр культуры РФ Владимир Мединский направил правительственную телеграмму в адрес глав республик Алтай, Башкор-

тостан, Саха (Якутия) Татарстан, Тыва и Хакасия о незамедлительном прекращении контактов с Международной организацией тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). «Довожу до вашего сведения позицию Минкультуры России о необходимости незамедлительного прекращения всех контактов субъектов РФ с международной организацией ТюрКСОЙ», – говорилось в этой телеграмме [3]. Это решение федерального министра вызвало целый ряд критических комментариев, что подтверждает необходимость скорейшего решения назревшей проблемы.

Показательной стала позиция председателя комитета по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Государственного совета Республики Татарстан Разиля Валеева: «Турция – наш ближайший сосед... Я думаю, мы обязаны найти общий язык и прекратить эти распри» [4]. Данная позиция является обоснованной, но только при соблюдении Турцией целого ряда условий, о которых умолчал этот депутат. Являясь российским государственным служащим, Р. Валеев никак не солидаризировался с принятым федеральным Центром решением в отношении ТЮРКСОЙ. Призывая «прекратить распри», он ни словом не обмолвился о военном преступлении, совершенном 24 ноября 2015 г. турецкими ВВС. Хотя, как руководитель ключевого комитета парламента РТ, он мог бы затронуть эти проблемы, а также поднять вопрос о выходцах из Татарстана, проникавших в ряды ИГИЛ именно через территорию Турции.

Стоит ли этому удивляться, ведь позиционирование Республики Татарстан как особого региона, где федеральные законы и политические

решения действуют лишь с одобрения региональных властей, близко и председателю парламента РТ Фариду Мухаметшину. В период набравшего силу конфликта России с одним из ведущих государств НАТО, он выступал с заявлениями о необходимости дальнейшего сохранения поста президента в Татарстане. В частности, он заявил: «чтобы переименовать президента в «главу», необходимо проводить республиканский референдум» [2].

Однако в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» сказано, что должность высшего должностного лица (руководителя высшего органа исполнительной власти) субъекта РФ «не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации» (ст. 18, п. 6). Проведя 13 сентября 2015 г. выборы Президента Татарстана, его власти, таким образом, проигнорировали норму указанного Федерального закона. Хотя для переименования президента Татарии в его главу достаточно решения большинства депутатов Государственного совета РТ. Вместо этого Ф. Мухаметшин вбросил в публичное пространство идею о референдуме, что приведет к обострению отношений между народами этой республики.

Причины стремления татарстанских элит сохранить президентский пост связаны с их стремлением сохранить статус Татарии как особого региона, имеющего фактически конфедеративные отношения с Российской Федерацией. Такие понятия, как республика, декларация о государ-

ственном суверенитете, конституция, президент, договор, государственный татарский язык стали, по мнению некоторых местных политиков, фундаментом татарстанской государственности.

Договоры 1994 г. и 2007 г. до сих пор ошибочно воспринимаются некоторыми представителями официальной Казани как межгосударственные договоры «между Россией и Татарстаном». Между тем указанные договоры лишь распределили и взаимно делегировали некоторые полномочия между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти одного из ее субъектов. Последний подобный договор был заключен 27 июня 2007 г. сроком на 10 лет, то есть до июля 2017 г. В настоящее время это единственный договор между регионом России и федеральным Центром, все еще имеющий силу. Этот факт является свидетельством признания Кремлем особого статуса Татарстана и, соответственно, его президента, что противоречит конституционному принципу равенства всех субъектов Российской Федерации.

По мнению спикера Ф. Мухаметшина, договор 2007 г. предоставил право республике самостоятельно выбирать наименование должности ее высшего должностного лица. То есть право сохранять президентский пост. Между тем указанный Федеральный закон «Об общих принципах ...» уже с 1 января 2016 г. не допускает наличие президентского поста ни в одном из российских регионов, в том числе и в Татарии. Разрешение этой политико-правовой коллизии зависит от политической воли федерального Центра.

В течение 2010–2015 гг. все российские республики отказались от должности регионального президента, приняв наименования «Глава» и/или «Председатель Правительства». Однако в конституциях некоторых республик была допущена излишняя этнизация новых названий высшего должностного лица. Так, Глава Саха (Якутии) теперь также может именоваться «Ил Дархана», а Глава Башкортостана – «Башлыгы»¹. Представляется, что руководители российских регионов должны иметь нейтральные наименования своих должностей. Особенно это касается многоконфессиональных и полиэтнических республик. В этой связи необходима более жесткая правовая норма, не допускающая появления иных именовании, кроме Главы и/или Председателя Правительства. Иначе на российском политическом ландшафте могут появиться обоснованные с культурно-исторической точки зрения названия титулов региональных руководителей, восходящих к эпохе раннего феодализма.

Возможность упразднения института президентства в Татарстане вызвала резкую критику и его первого президента Минтимера Шаймиева. После своей отставки в 2010 г. он стал Государственным советником Республики Татарстан, а также председателем попечительского совета «Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан». Этот статус позволяет М. Шаймиеву не только

контролировать политическую элиту данного региона, но и пытаться влиять на федеральную политику.

В частности, Шаймиев подверг критике пакет антитеррористических поправок к федеральным законам депутатов Федерального собрания РФ Ирины Яровой и Виктора Озерова. Их цель – в противодействии незаконной миссионерской деятельности, борьбе с подпольными молельными домами и вовлечением граждан в религиозные экстремистские группировки. Но отставной татарстанский политик призвал членов Совета федерации России отказаться от одобрения столь актуального закона, а будущих депутатов Государственной думы VII созыва – вновь вернуться к его рассмотрению. Инициативу М. Шаймиева поддержал «Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), который в 90-е гг. выступал за полную независимость Татарстана» [1]. Данные заявления Шаймиева дали информационный повод для внешнеполитических атак на нашу страну. Так, запрещенный в РФ «Меджлис крымско-татарского народа» использовал высказывания М. Шаймиева для обвинения России в «репрессиях» в отношении мусульман [7]. Между тем, законы Яровой-Озерова направлены против целого ряда негативных социальных явлений, которые угрожают межнациональному миру и стабильности, прежде всего в таких регионах, как Татарстан.

Влияние ныне латентных сепаратистских сил может усилиться в случае развития кризисных явлений в экономике нашей страны. Так же как и в начале 1990-х гг. лидеры республик-доноров, опираясь на отряды местных националистов и зарубежные страны,

¹ Ст. 68, п. 3 Конституции Республики Саха (Якутия) (принята 4 апреля 1992 г.; в ред. 08.06.2012 г.); Ст. 82 Конституции Республики Башкортостан (принята 24 декабря 1993 г.; в ред. от 04.03.2014 г.).

– «волю народа» и «мировое сообщество» – могут потребовать прекратить вмешательство Кремля в свои внутренние дела и даже потребовать государственной независимости. В итоге, на месте некоторых нынешних квазигосударственностей в составе России могут возникнуть управляемые извне антироссийские анклавы.

Централизаторские политические шаги 2000-х гг. лишь частично укрепили единство Федерации. Однако эти меры не смогли поколебать позиции этнократий ряда республик, которым в начале 1990-х была дана фактически неограниченная власть на своих территориях. Поставив на первое место решение социально-экономических проблем и номинальное сохранение территориальной целостности страны, федеральная власть допустила ряд политтехнологических ошибок. Среди них можно выделить следующие:

- признание президентов республик РФ в качестве своих основных и единственных политических партнеров по взаимодействию;

- опора на единственную политическую партию, отказ от диалога и поддержки внутриреспубликанской системной оппозиции;

- незавершенность процесса укрупнения регионов и недостаточная влияние полномочных представителей Президента РФ на ситуацию внутри республик;

- отказ от проведения комплексной работы по искоренению политико-идеологического наследия республиканского этносепаратизма;

- отсутствие кадровых решений, направленных на замещение высокопоставленных сторонников этносепаратизма и пантюркизма лояльными

Москве политиками, чиновниками, учеными, общественными и религиозными деятелями.

Также до сих пор не дана официальная оценка итогов процесса суверенизации республик в 1990-х гг., без которой невозможно нынешнее противостояние этносепаратизму и религиозному экстремизму. Объективный анализ показывает, что суверенизация, несмотря на некоторые экономические успехи и видимую социальную стабильность, привела к целому ряду негативных последствий.

Суверенизация привела к следующим негативным социально-политическим последствиям: отъезд из республик русского и в целом «нетитульного» населения; создание моноэтнических политико-управленческих элит; фактически безальтернативные выборы региональных президентов; отчуждение граждан от публичной политики, рост социальной апатии; административное давление на СМИ блогеров, через интернет-ресурсы; принуждение к обязательному изучению государственных языков республик в школах; формирование оппозиционного Кремлю экспертного и научного пула; функционирование тренировочных лагерей национал-радикалов; возникновение оппозиционного мусульманского духовенства и лидеров радикальных исламистских группировок. Как видно, латентные сепаратистские институты в республиках функционируют и в настоящее время.

Учитывая сложившиеся геополитические реалии и наличие проблемы этносепаратизма внутри целого ряда тюркских республик, требуются государственные меры по завершению политики централизации, начатой в

2000 г. Необходимо ослабление политического влияния и полное прекращение деятельности в этих регионах антироссийских, русофобских и экстремистских общественных, образовательных и религиозных структур. Особенно имеющих штаб-квартиры в государствах блока НАТО. В этой связи, решение российской власти в отношении ТЮРКСОЙ стало одним из этапов этой необходимой работы. Контролирующие и надзорные органы должны более активно осуществлять мониторинг общественных организаций и фондов, возглавляемых или патронируемых бывшими президентами республик России.

Особенно важен контроль над молодежными и религиозными организациями, источниками их финансирования, фактическими программами обучения, целями и задачами. Недопустимо, когда потенциальные экстремисты из различных «союзов молодежи» могут проходить военно-спортивную подготовку в рамках государственных образовательных программ. Также существует проблема их поддержки

международными религиозными образовательными организациями и благотворительными фондами, деятельность которых на территории РФ должна быть прекращена. Участие российских граждан в международной террористической деятельности должна стать предметом публичной дискуссии и надлежащих мер в отношении государственных служащих соответствующего субъекта Российской Федерации. Отдельного внимания и анализа заслуживает образовательный процесс и учебная литература в религиозных и гуманитарных образовательных учреждениях тюркских республик России.

Помимо перечисленных мер, следует поддержать идею введения присяги всех государственных служащих, политических и религиозных деятелей на верность Российской Федерации, ее Президенту и народу. Решение указанных проблем является в настоящее время важнейшими политтехнологическими задачами российской власти и политологического сообщества России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов К., Городецкая Н. Минтимер Шаймиев призывает пожертвовать спешкой // Коммерсантъ. 2016. 29 июня.
2. Галимова Н., Винокуров А. Татарстан отстаивает Президента [Электронный ресурс] / Газета.ру [сайт]. [2016]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml (дата обращения 07.09.2016 г.)
3. Минкультуры прекращает сотрудничество с организацией «ТюрКСОЙ» // Известия. 2015. 27 ноября.
4. Нигматуллин А., Самигуллина Э., Шарафиев И. Разрыв с ТЮРКСОЙ: Владимир Мединский требует от Татарстана отречься от тюркского мира [Электронный ресурс] / Бизнес Online [сайт]. [2015]. URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/146579/> (дата обращения 07.09.2016 г.)
5. Павлова Н. Башкирия раскололась на два миллиарда // Коммерсантъ. 2010. 21 дек.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 9.07. 2002 №12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 ст.18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и ис-

полнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики «Саха (Якутия)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2002. № 28. Ст. 2909.

7. Приймак А. На агиткубах оппозиции может появиться полумесяц // Независимая газета. 2016. 12 июля.
8. Федеральный закон от 08.02. 2001 г. № 3-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.02.2001. № 7. Ст. 608.

REFERENCES

1. Antonov K., Gorodetskaya N. Mintimer Shaimiev prizyvaet pozherstvovat' speshkoi (Mintimer Shaimiev Calls to Sacrifice Haste) // Kommersant", 2016, 29 Jun.
2. Galimova N., Vinokurov A. Tatarstan otstaivaet Prezidenta [Elektronnyi resurs] [Tatarstan Stands up for the President [Electronic Source]] Gazeta.ru [sait]. [2016]. [Newspaper.ru [website]. [2016].]. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml (request date 07.09.2016)
3. Minkul'tury prekrashchaet sotrudnichestvo s organizatsiei «TyurKSOI» (The Ministry of Culture Stops Cooperation with the "TURKSOY" Organization) // Izvestiya, 2015, 27 Nov,
4. Nigmatullin A., Samigullina E., Sharafiev I. Razryv s TYURKSOI: Vladimir Medinskii trebuet ot Tatarstana otrech'sya ot tyurkskogo mira [Elektronnyi resurs] [The Gap with TURKSOY: Vladimir Medinsky Demands that Tatarstan Renounces the Turkic World [Electronic Source]] Biznes Online [sait]. [2015]. [Business Online [website]. [2015].]. – URL: <http://http://www.business-gazeta.ru/text/146579/> (request date 07.09.2016)
5. Pavlova N. Bashkiriya raskololas' na dva milliarda (Bashkiria Has Split into Two Billions) // Kommersant", 2010, 21 Dec.
6. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9.07. 2002 №12-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozenii punkta 5 st.18 i stat'i 30.1 Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii», stat'i 108 Konstitutsii Respubliki Tatarstan, stat'i 67 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Respubliki Sakha (Yakutiya) i chasti tret'ei stat'i 3 Zakona Respubliki Sakha (Yakutiya) «O vyborakh Prezidenta Respubliki «Sakha (Yakutiya)» [On the Case of Checking the Constitutionality of provisions of Item 5, Article 18 and Article 30.1 of the Russian Federation Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation, article 108 of the Constitution of the Republic of Tatarstan, article 67 of the Constitution (Fundamental Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Third Part of Article 3 of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On Elections of the President of the Republic of Sakha (Yakutia)"] // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2002. no. 28. pp. 2909.
7. Priimak A. Na agitkubakh oppozitsii mozhet poyavit'sya polumesyats (Crescent May Appear on the Propaganda Cubes of the Opposition) // Nezavisimaya gazeta, 2016, 12 Jul.
8. Federal'nyi zakon ot 08.02. 2001 g. № 3-FZ «O vnesenii dopolneniya v Federal'nyi zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law 08.02. 2001 № 3-FZ "On Modification and Additions in the Federal Law "On General Principles of Or-

ganization of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2001. no. 7. pp. 608.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Диков Андрей Борисович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА);
e-mail: abd74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikov Andrei B. – Candidate of Political Sciences, Lecturer, the Department of Humanities, Moscow Finance and Law University (MFYUA);
e-mail: abd74@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Диков А.Б. Региональное президентство и институты сепаратизма в тюркских республиках России: современный этап // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Dikov. Regional presidency and the institutions of ethnic separatism in the Turkic republics of Russia: the modern stage // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112

УДК 329

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-113-123

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Фурсов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Проблемы экологической безопасности в современном мире выходят на первое место, поэтому исследование особенностей функционирования и перспектив развития экологических партий в России являются чрезвычайно актуальными. Цель исследования заключается в проведении анализа программ «зеленых» партий в Германии, Австрии и США и выявлении возможности использования их опыта в России. В ходе достижения поставленной цели в статье были получены следующие результаты. Рассмотрена роль и место экологических партий в странах Запада и в России, обозначено их ключевое значение для устойчивого развития социально-экономических систем во всех странах мира. Отдельный акцент сделан на представительстве экологических партий в парламентах. На примере партий «зеленых» Германии, Австрии и США проведено исследование их становления и развития, особенности деятельности, а также ключевые программные установки. Сформулированы рекомендации, касающиеся развития и усовершенствования деятельности экологических партий в России.

Ключевые слова: партия, экология, Европа, программа, Россия.

DEVELOPMENT PROSPECTS OF ECOLOGICAL PARTIES OF RUSSIA SEEN THROUGH THE PERSPECTIVE OF FOREIGN EXPERIENCE

V. Fursov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. Problems of ecological safety of the modern world are taking the first place, so the study of the prospects of the environmental parties functioning and development is extremely important in Russia. The purpose of the study is to analyze the programs of the "green" parties in Germany, Austria and the United States and to identify the possibility of using their experience in Russia. In pursuing the goal the following results were obtained. The role and place of environmental parties in Western countries and in Russia were scrutinized, as well as their key importance for sustainable development of socio-economic systems in all countries of the world is stated. The representation of the environmental parties in the parliaments is also emphasized. On the example of "green" parties in Germany, Austria and the United States the study of their formation and development was performed. Specific features of their activity, as well as key program directions are presented. Recommendations related to the development and improvement of the activities of the environmental parties in Russia are given.

Key words: party, ecology, Europe, program, Russia.

© Фурсов В.Н., 2016.

Специфика развития современных социально-экономических процессов, связанных с технологическим разнообразием и быстрой изменчивостью научно-технического развития, соединенного с постояннодействующими факторами влияния (рынка товаров, капитала, труда и др.) на фоне экономической конкуренции и ограниченности ресурсов, обуславливает актуальность формирования эффективной экологической политики, поскольку качество окружающей среды является важным фактором жизнеобеспечения природно-антропогенных систем. Решение экологических проблем, главными из которых являются – нарушение экологического равновесия на планете в результате реализации стратегии «ускорения экономического роста любой ценой», рост народонаселения и урбанизации, применение технологий, предусматривающих максимальное использование природных ресурсов, требует объединения усилий и активных действий вне зависимости от официальных границ государств [2]. Это приводит к образованию политических сообществ и формированию новых политических пространств, которые можно трактовать как экополитические.

Ведущей и координирующей силой экополитических пространств являются партии «зеленых», представляющие собой влиятельную политическую силу в современном мире [5]. Они существуют уже в десятках стран. «Зеленые» партии имеют своих представителей в парламентах Финляндии, Бельгии, Германии, Нидерландов, Люксембурга, Италии, Австрии и Швеции. При этом следует отметить, что партии «зеленых», по сравнению

с традиционными социал-демократическими, консервативными или либеральными партиями, во многих странах являются достаточно новым политическим явлением [3]. В настоящее время успехи «зеленых» партий становятся все более заметными: во время парламентских выборов в Австрии «зеленые» смогли стать третьей по величине партией в парламенте. Аналогичная ситуация и в Германии, благодаря растущим результатам социологических опросов «зеленые» укрепляют свою стабильную позицию как третья по величине политическая сила. В последние годы в ряде других стран партиям зеленых также удалось войти в состав правительства.

В России, согласно итоговому отчету Института приоритетных региональных проектов, экологические партии, к числу которых относятся Российская экологическая партия «Зеленые», «Альянс Зеленых – Народная партия», действуют только на местном уровне [4]. Электоральная статистика за 2002–2013 гг. свидетельствует о том, что экологические партии в России на выборах набирают не более 0,8%. В 2015 г. из 73 партий, зарегистрированных в России, по индексу программной активности Российская экологическая партия «Зеленые» заняла 18-е место [6].

Причин, определяющих электоральную неудачу экологических партий в России и, как следствие, отсутствие заметного политического влияния, несколько.

Во-первых, это проблемы с открытостью и артикуляцией экологических вопросов в программах партий. В качестве критериев открытости автором использовалось: наличие у партий

официальных сайтов, присутствие в социальных сетях, наличие рекламы в СМИ. Анализ проводился на примере 18 партий, которые в том числе позиционируют себя как партии «зеленых» (5 партий), а также заявляют о наличии «зеленой» составляющей в своих программах (13 партий). Анализ наличия у партий официальных сайтов или их присутствие в социальных сетях позволяет сделать вывод, что только 54,5% из них доступны для избирате-

лей в сети Интернет. Вновь созданные партии не имеют никакого информационного ресурса, где бы можно было освещать программу партии, ее политическую деятельность, лидеров, законодательные инициативы и др. Кроме того, в процессе исследования экологической составляющей в программах партий можно констатировать тот факт, что такие положения имеет совсем невысокий процент партий – только 36,4% (см. рис. 1).

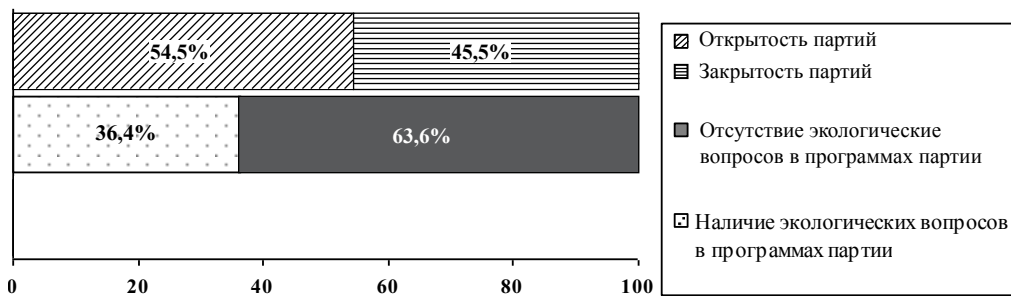

Рис. 1. Открытость и наличие экологической составляющей в программах экологических партий в России

Очевидно, что наличие в программе партии положений, касающихся вопросов охраны окружающей среды, не является залогом того, что партия будет внедрять их в жизнь, особенно принимая во внимание уровень включения тех или иных вопросов в программу.

Кроме того, многие элементы программ отечественных «зеленых» носят декларативный характер и не дают представления о возможной деятельности и устремлениях партии в сфере охраны окружающей среды.

Во-вторых, постоянные внутрипартийные споры, которые приводят к принятию руководством партий непоследовательных решений, что наглядно демонстрирует опыт, напри-

мер, партии «Зеленая Россия», а также враждебное отношение со стороны традиционных политических институтов и консервативных кругов.

В-третьих, противодействие экологическим партиям со стороны многих социально-профессиональных групп в РФ. Проблема заключается в том, что, в соответствии со своей идеологией, «зеленые» призваны следить за согласованием экологической политики, экономического роста и накопления капитала [7], что в конечном счете приведет к сокращению темпов накопления капитала до нулевой отметки. Подобная перспектива является неприемлемой для промышленников.

В-четвертых, низкий уровень озабоченности населения экологически-

ми проблемами. Как в 1993, 2000 г. так и в 2010 г. граждане России менее озабочены экологическими проблемами, чем население стран Западной Европы, США и Канады. Особый негативный оттенок данная проблема имеет в контексте экологического воспитания и экологического образования молодого поколения [9]. Регулярно проводимые социологические исследования, ставящие своей целью срав-

нить экологическую культуру российского и американского студенчества, свидетельствуют о том, что, несмотря на внедряемые в образовательный процесс программы, проведение практических занятий, расширение социальными агентами трансляций об экологических проблемах, экологическая сознательность молодых людей находится на крайне низком уровне (см. рис 2 и 3).

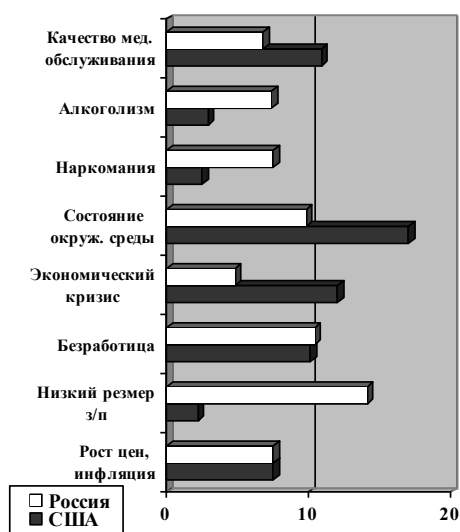

Рис. 2. Современные проблемы, волнующие студентов, 2012 г., %

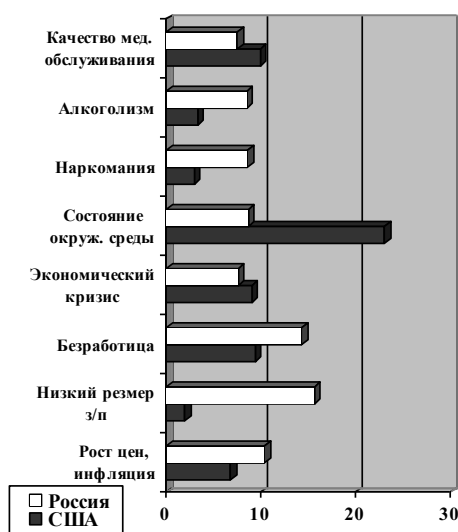

Рис. 3. Современные проблемы, волнующие студентов, 2015 г., %

Таким образом, очевидно, что деятельность экологических организаций в России является недостаточной. Она не получила широкого распространения, имеет лишь формальное институциональное оформление и требует соответственно дальнейшего развития и совершенствования.

Необходимость деятельности таких организаций в России обусловлена повышением эффективности экологической политики государства.

В международных исследованиях

Россия занимает одно из последних мест по уровню экономического развития с учетом экологических факторов. РФ является одной из немногих в мире крупных экономик, имеющих с начала XXI столетия отрицательные «чистые накопления» – интегральный эколого-экономический индекс по версии Всемирного банка (см. табл. 1).

Кроме того, по данным Всемирного экономического форума, проходившего в Давосе в 2012 г., из 132 стран мира по степени успешности экологической

Таблица 1

Эколого-экономический индекс стран мира [11]

Страна	Скорректированные чистые накопления	Страна	Скорректированные чистые накопления
Япония	15,6	Россия	-13,8
Германия	12,1	Чехия	14,7
Франция	11,4	Польша	7,8
Великобритания	6,9	Украина	4,1
Канада	5,4	Китай	36,1
США	4,1	Индия	20,6
Норвегия	9,2		

Источник [11]

политики за период 2000–2010 гг. Россия заняла последнюю строчку, а по данным Индекса экологической эффективности, составленного в Йельском университете в 2014 г. для 178 стран мира, России принадлежит 73-е место.

Учитывая приведенные факты, исследование опыта функционирования экологических партий в разных странах мира является важной задачей, имеющую практическую ценность для отечественного политикума.

На сегодняшний день в мире в целом существуют около 80 «зеленых» партий. Политическая способность «зеленых» доказана практикой европейских демократий. На сегодняшний день в Европейском парламенте партия «зеленых» занимает 5-е место по количеству депутатских мандатов, причем Германия имеет больше всех голосов – 13, на втором месте находится Франция – 6, на третьем Великобритания – 5. Вне Европы «зеленые» представлены в высших законодательных органах многих стран – от Мексики до Буркина-Фасо и Тайваня [8]. Континентальные объединения «зеленых» партий существуют также в Африке и Америке.

Флагманами экологического движения в Европе являются две страны

– Германия и Австрия. Именно в этих странах «зеленые» партии пользуется наибольшей, по сравнению с другими странами, популярностью. «Зеленая» партия Германии «де факто» является пионером среди стран Европы, и с ее возникновением связывают появление Зеленой политической доктрины в целом. Итак, рассмотрим более подробно деятельность партии «зеленых» в Германии.

Партия «зеленых» в Германии носит название «Союз 90 / Зеленые» и демонстрирует средние, но очень стабильные результаты на выборах – от 10 до 20 процентов голосов. Представители партии присутствуют на различных ступенях немецкой власти, в том числе земельном – в Баден-Вюртемберге и городском – в Штутгарте [12]. Успех и стабильное положение партии объясняется тем фактом, что она апеллирует не только к проблемам защиты окружающей среды, а также к образованию, социальной справедливости, защите прав потребителей и т.д. Так, например, «Союз 90 / Зеленые», лидером которых является Джем Оздемир (к слову, сын турецких иммигрантов), – инициатор резолюции о признании термина «геноцид» в отношении мас-

совых убийств армян в ходе Первой мировой войны на территориях, контролируемых властями Османской империи [11].

За время своего существования в программном направлении партии «Союз 90 / Зеленые» произошли серьезные изменения, которые характеризовались уходом от радикально-нацифистской и экологически фундаменталистской идеологии. Теперь она выступает за долгосрочное планирование развития политики государства [1]. Кроме того, партией сформированы четыре составляющих, которые постепенно были приняты каждой европейской партией «зеленых» и на сегодняшний день признаны почти всеми зелеными движениями в мире. Эти составляющие: экология, социальная справедливость, низовая демократия (репрезентация интересов всех членов социума, независимо от положения), ненасилие [10].

Особо следует подчеркнуть, что анализ программных документов партии наглядно свидетельствует о том, что ее «зеленое» движение, безусловно, эволюционирует от акций «отрицание и протест» к поиску разумных альтернатив в разработке и воплощении в жизнь действующей стратегии экологически направленного развития. Руководство партии, понимая, что ориентация на экологически и экономически сбалансированное будущее требует значительной социальной мобилизации, что такие изменения не могут быть навязаны сверху, прикладывает значительные усилия к активному привлечению общественности, которого можно добиться только при широком и повсеместном включении населения в процесс принятия решений во всех экономических и

экологических сферах, что и определяет современную тактику партии.

Как уже отмечалось ранее, другой страной-флагманом европейского зеленого движения является Австрия. «Зеленые» Австрии традиционно пользуются популярностью в стране. «Зеленая» партия Австрии была основана в 1986 г. и называется сегодня «Зеленая альтернатива» (Grüne Alternative). Партия является членом Европейской федерации зеленых партий, в парламенте Австрии ей принадлежит 10,5% голосов. В программе партии представлен широкий круг вопросов, таких как: социально-экологические налоговые реформы; прямая демократия; отказ от насилия; разрешение гомосексуальным парам вступать в брак, или, как минимум, в гражданский союз; экологическое образование; феминизм и самоопределение; солидарность; формирование экологического сознания населения на повседневном уровне [14]. Принципиальной позицией «зеленых» Австралии на сегодняшний день в условиях иммиграционного кризиса, по словам сенатора от «Зеленой альтернативы» Сары Хэнсон-Янг, является повышение квоты на принятие беженцев из других стран с 13,75 тыс. чел. до 50 тыс. чел. [13]

Не менее интересен опыт функционирования экологических партий в США, которые характеризуются определенным уровнем влияния на политический процесс. «Зеленые» сегодня – наиболее динамичные элементы политики в США за последние десятилетия. Вместе с тем зеленые относятся к категории «третьих» партий в двухпартийной системе и, соответственно, сталкиваются с проблемой доступа на общенациональные выборы. Лидеры

партий уверены, что республиканцы и демократы осознанно создают препятствия, чтоб сохранить привычный баланс сил.

Ключевыми пунктами программ партий «зеленых» в Америке являются: защита окружающей среды, мир, «народная демократия», социальная справедливость, «равные возможности» для каждого американца; перераспределение богатства; выход США из Североамериканского договора о свободной торговле и ВТО. В настоящее время между организациями «зеленых» в США идут переговоры о создании единого политического движения [15].

Подводя итог анализу программ и деятельности ведущих экологических партий мира, можно отметить, что наибольшие отклики и поддержку у населения вызывают установки, которые тесно объединяют природоохранные вопросы и другие сферы общественной жизни, например, связанные с:

- экономикой – «зеленая» экономика, экологизация экономики, экологически чистое производство;
- энергетикой (альтернативная энергетика, «зеленая» энергетика, возобновляемая энергетика);
- здоровьем (связь состояния окружающей среды и здоровья населения);
- устойчивым развитием (сочетание экономических, социальных и экологических вопросов).

Отдельно следует обратить внимание на те программные положения, которые, помимо государственного уровня, активно поддерживаются электоратом на местном уровне – это вопросы отходов (мусора), воды (включая питьевую), воздух (качество атмосферного воздуха, выбросы).

Но прежде чем использовать зарубежный опыт и внедрять успешные «зеленые» практики в деятельность экологических партий, России следует обратить внимание на два очень важных и принципиальных факта: различные приоритеты граждан (об этом речь шла выше) и различный уровень развития производства.

В связи с этим прямое приложение зарубежного опыта в части продвижения «зеленых» идей, построения «зеленой» экономики и, как следствие, функционирования и развития экологических партий в России неприемлемо.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций, касающихся выхода экологических партий России на новый уровень развития; стимулирования экологической активности в стране; организации массового экологического движения, нацеленного на преодоление экологических опасностей, как в локальных, так и в глобальных масштабах.

Во-первых, экологическая партия является политической силой, поэтому она, прежде всего, должна иметь определенное «политическое лицо», которое зависит от ее идеологии. Принципиально важно, чтобы эта идеология не сводилась только к охране окружающей среды. Зарубежный опыт наглядно свидетельствует, что успех «зеленых» партий обеспечивается благодаря тому, что они в своих программных продуктах и деятельности учитывают социальные, экономические, общественные требования. Также критически важным для отечественных партий в контексте формирования «политического лица» является отказ от идеологии социального

дарвинизма, предполагающей прямое или косвенное служение лидерам, и замена ее идеологией морально-этических ориентиров и принципов служения «зеленой» идее.

Во-вторых, проведение широкой пропаганды идей «зеленого» движения, сбор информации для обеспечения поддержки своей политики социально активным большинством. Очевидно, что в контексте объявления многих природоохранных организаций, проработавших на благо российской природы не один десяток лет и реализовавших сотни проектов по всей стране, «иностранными агентами», добиться одобрения их деятельности обществом довольно сложно. Представляется, что в данном контексте значительный потенциал эффективности и результативности охвата «зелеными» идеями различных слоев общества имеют такие инструменты, как: социально-экологические проекты на основе проектно-исследовательской деятельности; запуск серии мобильных приложений по экоориентированному образу жизни; активная информационная политика по выявлению неудовлетворительного состояния окружающей среды, которая будет иметь не только сильное мотивационное влияние, но и психологическое и др.

В-третьих, формализация отношения партии к государственным инсти-

тутам власти, монополиям, использующим природные ресурсы, а также правильный выбор стратегических политических союзников.

Что касается зарубежного опыта успешного развития «зеленых партий», то, по мнению автора, в России можно использовать в программах партий такие положения, как:

1. Формирования эффективной, конкурентоспособной и экологически ориентированной модели развития экономики, обеспечивающей наибольший эффект при сохранении природной среды, ее рациональном использовании и минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

2. Совершенствования нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности.

3. Улучшения экологических условий для жителей России, проживающих в настоящее время в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха.

4. Интеграции «экологических ориентиров» в стратегии развития частного сектора.

Автор полагает, что сформулированные рекомендации будут способствовать как повышению эффективности деятельности экологических партий, так и развитию «зеленой» экономики в РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вититнев С.Ф. Партия «Зеленых» в парламенте ФРГ: эволюция «несистемной» оппозиции // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 1–14.
2. Гурьева М.А., Косова А.И. Особенности экологических «зеленых» партий и организаций // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11–1 (64–1). С. 714–716.
3. Ефременко Д.В. Демократия и коммуникация экологического риска как проблема экполитологии // Полис: Политические исследования. 2006. № 6. С. 97–109.
4. Итоговый отчет по проекту «Политические партии на региональном и местном уров-

- нях: институциональный, электоральный и социальный аспекты» / Политаналитика [сайт]. [2014]. URL: <http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/97f/97f4f40192523f44afa9f5271d47a983.pdf> (дата обращения: 08.09.2016).
5. Костин А.И. Ресурсы и политика в условиях глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2007. № 2. С. 52–63.
 6. Кулдошев А.Т. Основные направления формирования институциональной системы в управлении глобальной экологической политикой // Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 3 (78). С. 47–50.
 7. Лескова Н. «Зеленый» Яблоков // Экономические стратегии. 2014. № 8. С. 102–106.
 8. Толпыгина О.А. Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. 2015. № 1. С. 157–171.
 9. Щелоков А.А. Экологический лоббизм в современной России // Власть. 2010. № 9. С. 53–55.
 10. Bündnis 90 / Die Grünen [сайт]. [2016]. URL: <http://www.gruene.de/startseite.html> (дата обращения: 10.08.2016).
 11. Ein Prozess der Versöhnung / Bündnis 90 / Die Grünen [сайт]. [2016]. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/2016/ein-prozess-der-versoehnung.html> (дата обращения: 10.08.2016).
 12. Rosino M.L., Hughey M.W. Who's invited to the (political) party: race and party politics in the USA // Ethnic and racial studies. 2016. №19. 325–332.
 13. Sarah Hanson-Young seat could be in doubt at double-dissolution election / The Australian [сайт]. [2016]. [URL: <http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/sarah-hanson-young-seat-could-be-in-doubt-at-doubledissolution-election/news-story/2b5e366c9d232a1f85f5407f68cafb8d>] (дата обращения: 10.08.2016).
 14. Schumacher I. An Empirical Study of the Determinants of GreenParty Voting // Ecological economics: the journal of the International Society for Ecological Economics. 2014. Vol. 105. P. 306–318.
 15. Why vote green, 2015 / edited by Shahrar Ali with a foreword by Jenny Jones. London: Biteback Publishing, 2015. 166 p.
 16. World Development Indicators, 2014. Washington, DC: World Bank, 2014. 32 p.

REFERENCES

1. Vititnev S.F. Partiya «zelenykh» v parlamente frg: evolyutsiya «nesistemnoi» oppozitsii [the Green Party in the German Parliament: the Evolution of "Non-Systemic" Opposition] // vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2015. No. 2. Pp. 1–14.
2. Gur'eva M.A., Kosova A.I. osobennosti ekologicheskikh «zelenykh» partii i organizatsii [Features of the Environmental "Green" Parties and Organizations] // ekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. No. 11-1(64-1). Pp. 714–716.
3. Efremenko D.V. Demokratiya i kommunikatsiya ekologicheskogo riska kak problema ekopolitologii [Democracy and Ecological Risk Communication as a Problem of Ecopolitology] // polis: politicheskie issledovaniya. 2006. No. 6. Pp. 97-109.
4. Itogovyi otchet po proektu «politicheskie partii na regional'nom i mestnom urovnyakh: institutsional'nyi, elektoral'nyi i sotsial'nyi aspekty» [Final Report on the "Political Parties at Regional and Local Levels: Institutional, Electoral and Social Aspects" Project] politanalitika [Political Analitics]. - url: <http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/97f/97f4f40192523f44afa9f5271d47a983.pdf> (request date 08.09.2016)
5. Kostin A.I. Resursy i politika v usloviyakh globalizatsii [Resources and Politics in the Context of Globalization] // vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 12: politicheskie nauki. 2007. No. 2. Pp. 52-63.

6. Kuldoshev A.T. Osnovnye napravleniya formirovaniya institutsional'noi sistemy v upravlenii global'noi ekologicheskoi politikoi [the Main Directions of Formation of the Institutional System in the Management of Global Environmental Policy] // *voprosy gumanitarnykh nauk*. 2015. No. 3 (78). Pp. 47–50.
7. Leskova N. «Zelenyi» yablokov [“Green” Yablokov] // *ekonomicheskie strategii*. 2014. No. 8. Pp. 102–106.
8. Tolpygina o.a. transformatsiya ideologicheskoi funktsii politicheskikh partii v sovremennoi rossii [the Transformation of Ideological Functions of Political Parties in Modern Russia] // *politicheskaya nauka*. 2015. No. 1. Pp. 157–171.
9. Shchelokov a.a. ekologicheskii lobbizm v sovremennoi rossii [Environmental Lobbying in Modern Russia] // *vlast'*. 2010. No. 9. Pp. 53–55.
10. Bündnis 90 / Die Grünen [сайт]. [2016]. URL: <http://www.gruene.de/startseite.html> (дата обращения: 10.08.2016).
11. Ein Prozess der Versöhnung / Bündnis 90 / Die Grünen [сайт]. [2016]. URL: <http://www.gruene.de/ueber-uns/2016/ein-prozess-der-versoehnung.html> (дата обращения: 10.08.2016).
12. Rosino M.L., Hughey M.W. Who's Invited to the (Political) Party: Race and Party Politics in the USA // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. №19. 325–332.
13. Sarah Hanson-Young Seat Could be in Doubt at Double-Dissolution Election / The Australian [сайт]. [2016]. [URL: <http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/sarah-hanson-young-seat-could-be-in-doubt-at-doubledissolution-election/news-story/2b5e366c9d232a1f85f5407f68cafb8d>] (дата обращения: 10.08.2016).
14. Schumacher I. An Empirical Study of the Determinants of GreenParty Voting // *Ecological Economics: the Journal of the International Society for Ecological Economics*. 2014. Vol. 105. P. 306–318.
15. *Why vote green, 2015* / edited by Shahrar Ali with a Foreword by Jenny Jones. London: Bite-back Publishing, 2015. 166 p.
16. *World Development Indicators, 2014*. Washington, DC: World Bank, 2014. 32 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фурсов Валерий Николаевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: neavf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fursov Valeriy N. – postgraduate student of the Department of political science and law in Moscow Region State University;
e-mail: neavf@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фурсов В.Н. Перспективы развития экологических партий России через призму зарубежного опыта // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2016. № 4. С. 113–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-113-123

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Fursov. Development prospects of ecological parties of Russia seen through the perspective of foreign experience // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 113–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-113-123

УДК 32.019.5:659.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-124-132

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Айтжанова Д.Н.

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, проспект Мира, 55 А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы евразийской интеграции, где главными акторами выступают Россия и Казахстан, через призму политической социализации молодежи двух стран. Выявлены общие проблемы в рамках политической социализации молодого поколения, а также определена специфика этого процесса в контексте современных интеграционных процессов. Автор предложил возможные пути расширения евразийской интеграции за счет взаимодействия, как активного политического актора, молодежи разных стран. Схожесть в процессах социализации в демократических странах порождает единые инструменты включения молодого поколения в общественно-политическую деятельность, что находит подтверждение в данной статье.

Ключевые слова: молодежь, политическая социализация, государственная молодежная политика, евразийская интеграция, политическая идентичность.

THE SPECIFICITY OF THE POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

D. Aitzhanova

*Omsk State University
55 A, Prospekt Mira, 644077, Omsk*

Abstract. The article considers the issues of Eurasian integration, where the main actors are Russia and Kazakhstan, through the lens of the political socialization of the two countries' young people. Common problems within the framework of the political socialization of the younger generation are identified. Besides, the specificity of this process in the context of modern integration processes is determined. The author suggests possible ways of expanding the Eurasian integration through the interaction of young people from different countries, as they are considered to be an active political actor. The similarity in the processes of socialization of democratic countries gives rise to unified tools which enable the young generation to participate in social and political life. This fact is confirmed in this article.

Key words: youth, political socialization, national youth policy, Eurasian integration, political identity.

В течение уже достаточно долгого периода времени в медийной среде мы слышим такой термин, как «цивилизационный разворот» России из Европы в

сторону Востока [7]. Это породило как общественную, так и научную дискуссию, которая чаще всего сводится к вопросу: это миф или реальность?

На основе выбранного нами вектора исследования в рамках статьи мы хотим показать составляющие евразийского интеграционного процесса на основе политической социализации молодежи двух стран, России и Казахстана. На наш взгляд, именно молодому поколению следует отводить ведущую роль, как активному проводнику идеи евразийства, поскольку жить, работать и сотрудничать в интеграционном союзе предстоит молодежи, поэтому ее следует активнее привлекать к политической составляющей интеграции. Ведь результатом политической социализации выступает уровень политического участия и гражданской активности, которые могут служить индикаторами здоровья современной демократической политики двух стран. Их будущее, сохранение и приумножение благосостояния общества ложатся на плечи молодого поколения. В этом состоит главная причина, почему политические элиты должны быть так сильно заинтересованы в эффективной передаче ценностей демократической политической культуры молодежи.

Воспроизводство определенной интеграционной политической культуры, без которой невозможно появление и существование как отдельных политических институтов, так и единой политической системы евразийского сообщества в целом, обеспечивается, в первую очередь, процессом политической социализации. Политическая социализация представляет собой масштабный и сложный процесс фор-

мирования политической идентичности, процессы усвоения ценностей и идеологий, обретения навыков политического поведения [3, с. 30]. Она служит подготовке индивидов к участию в политической жизни, поэтому в нашем контексте данный процесс способен обеспечить единую идеологическую составляющую в политическом взаимодействии. С одной стороны, вступающий в политическую жизнь молодой человек должен усвоить требования общества, с другой стороны – у него должны сформироваться качества и способности, позволяющие реализовывать эти требования.

Первый высказанный нами тезис наглядно демонстрирует то, что в процесс евразийской интеграции мы вкладываем не столько экономическую составляющую, сколько политико-идеологическую, поскольку она способна выступить базисом для эффективного выстраивания экономических взаимоотношений.

Отметим, что под молодежью мы подразумеваем молодых жителей России и Казахстана в возрасте от 14 до 30 лет. Данное поколение сегодня именуют по-разному. Часто его называют «постсоветским поколением», в России молодежь этого возраста именуют «постперестроечным поколением» или детьми «лихих 90-х», но в социально-политическом плане все чаще звучит термин, характеризующий молодежь как России, так и Казахстана – «потерянное поколение». В этой связи создается впечатление, что традиционные механизмы политической социализации, которые вводили каждое новое поколение в систему институтов, норм и практик демократического управления, более не форми-

руют приверженности демократии и не мотивируют политического участия отношении современного молодого поколения. Нежелание голосовать на выборах и повышение среднего возраста членов политических партий приводятся в качестве примеров тревожащего недостатка включенности молодежи в жизнь общества России и Казахстана. Эти тенденции подтверждаются результатами социологических исследований, которые показывают высокий уровень недоверия по отношению к политикам и политике как таковой со стороны молодых людей. Авторы социологического исследования «Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды» отмечают, что молодежь в меньшей степени, чем представители других возрастных групп, доверяет государственным и политическим институтам [5]. Согласно исследованиям казахстанских социологов, молодежь не перекладывает решение всех своих проблем на плечи властных структур и практически не возлагает надежд на деятельность политических партий и движений [9].

На наш взгляд, парадокс ситуации заключается в том, что разочарование в сфере политического наступило в тот период времени, когда молодые люди получили гораздо больший, чем их родители, доступ к политической информации, благодаря СМИ и изменениям в системе образования в контексте той демократизации, которая шла и идет в РФ и РК. В рамках предмета нашего анализа необходимо отметить ряд сложностей в механизмах политической социализации молодежи России и Казахстана в плане формирования их лояльного отношения к интеграционным процессам.

Во-первых, это отсутствие интереса к политической информации вообще и к вопросам сближения стран в частности. Во-вторых, недоверие к институтам власти со стороны как механизмам социализации, как в России, так и Казахстане. И наконец, рост прагматический настроений в молодежной среде, которые увлекают молодых людей в решение частных личных вопросов и отдаляют от гражданских, общественных и государственных, а тем более от внешнеполитических проблем.

Однако процесс политической социализации представляет собой регламентированный и управляемый процесс и посредством его можно создать установки и мотивы нужной направленности. С этой целью обратимся к структуре политической социализации вообще и молодежи, как социальной группы, в частности.

Политическая социализация молодежи в любом государстве представляет собой неотъемлемую часть собственно процесса социализации, который обеспечивает молодой личности социальную адаптацию, интеграцию и интериоризацию, то есть приспособление индивида к социально-экономическим условиям, социальным организациям и институтам, усвоение им социальных норм различных уровней общества, освоение ролевых функций в социуме. Вектор социализации индивида определяется социальным характером общества, содержанием, целью и ожидаемым результатом данного процесса, при этом происходит выделение характерных для этого процесса черт [2]:

1. закрепление в сознании индивида приоритетных норм и ценностей социума, посредством которых обще-

ство вырабатывает у индивида сложившиеся на их основе заданные формы поведения;

2. эффективность процесса социализации обеспечивается определенной системой мер, посредством которой общество предписывает индивиду образцы поведения;

3. в ходе социализации индивида общественная система способствует формированию прямых и косвенных институтов, агентов, инструментов, механизмов и методов процесса социализации;

4. социализацией являются также результаты действия самой личности в ходе процесса социализации.

Если рассмотреть указанные выше черты на основе процесса политической социализации молодежи двух стран – России и Казахстана – в контексте протекающей сейчас евразийской интеграции, то следует отметить, что определение и закрепление норм и ценностей в сознании молодого поколения двух стран проходит в основном за счет разработки и реализации государственных молодежных программ и проектов, которые составляют основу государственной молодежной политики.

Так, в Казахстане принята Концепция государственной молодежной политики и соответствующий план мероприятий по ее реализации, постоянно корректируется национальное законодательство с учетом всех происходящих процессов [6]. Начиная с 2008 г., функционирует Совет по молодежной политике при Президенте Республики Казахстан, в 2012 г. создан Комитет по делам молодежи [1], а также региональные управления по вопросам молодежной политики, которые сегодня выступают центрами подготовки лиде-

ров мнений среди молодежи, основная задача которых состоит в том, что они объясняют природу, причину и объективную необходимость интеграционных процессов между Казахстаном и Россией.

В Российской Федерации основу государственной политики составляют такие программы, как «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации» [4]. Государственную политику в отношении молодежи осуществляет Федеральное агентство по делам молодежи Российской Федерации.

На основе анализа вышеуказанных программ следует отметить, что в государстве в целом сложилась и действует система формирования и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Интересы и потребности молодежи учитываются при реализации программ социально-экономического и политического развития страны в целом. Все мероприятия, направленные на реализацию данных программ, пронизаны лояльностью и толерантностью по отношению к молодежи бывших советских республик, при этом учитываются и региональные аспекты геополитического расположения.

Для эффективной политической социализации молодежи РФ и РК создаются как прямые, так и косвенные институты, инструменты и площадки для реализации совместной деятельности молодежи двух стран.

К разряду таких инструментов политической социализации относится Ев-

разийская молодежная ассамблея. Это общественная организация молодежи стран евразийского региона, которая объединяет ученых, студентов, аспирантов, представителей молодежных организаций и религиозных союзов.

Организация призвана создать коммуникативную площадку для активного, заинтересованного обсуждения проблем молодежи стран евразийского пространства и ключевых вопросов евразийской интеграции.

Главная задача Евразийской молодежной ассамблеи – создать молодежный парламент при Евразийском экономическом сообществе. Евразийская молодежная ассамблея выступила с различными инициативами, направленными на развитие евразийской интеграции. Уже имеется опыт проведения первого Евразийского молодежного инновационного конвента (ЕМИК), в котором приняли участие студенты, молодые ученые, представители бизнес-сообщества и молодежных организаций России и 14 зарубежных стран: Китая, Италии, Франции, Германии, Израиля, Латвии, Словакии, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Белоруссии, Узбекистана, Азербайджана, Украины [10, с. 256].

В рамках Ассамблеи был создан еще один инструмент политической социализации молодежи – конвент, который проводится ежегодно с 2013 г.

Важно отметить, что именно Ассамблея выступила как инициатор подписания и принятия «Декларации о консолидации интеллектуального и инновационного потенциала молодежи и создании Евразийского молодежного кластера».

Таким образом, политическая социализация молодежи РФ и РК в кон-

тексте интеграционных евразийских процессов перешла в стадию деятельностного участия молодых людей в создании единого пространства посредством создания совместных организаций и системного проведения коммуникационных площадок.

Так, последний Евразийский молодежный инновационный конвент собрал в Петербурге студентов, молодых ученых, представителей молодежных организаций из разных стран. Оргкомитет конвента преимущественно тоже состоял из молодежи – студентов и молодых ученых Северо-Западного института управления РАНХиГС.

«Евразия – единый континент, лишь условно поделенный на две части. На нем всем необходимо объединяться и больше всего для этого объединения может сделать молодежь, – отметил директор Северо-Западного института управления РАНХиГС Владимир Шамахов, открывая конвент. – Именно молодежь – та опора и драйвер, который может связать народы Евразии не только экономическими и историческими прочными узами, но прежде – человеческими» [11].

Конвент проходил в апреле 2015 г., его организаторами выступили Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Законодательное собрание Ленинградской области, региональная общественная организация по содействию развитию молодежного международного сотрудничества «Евразийская молодежная ассамблея».

Конвент стал настоящим центром притяжения для талантливой, инициативной молодежи евразийского пространства, востребованной площад-

кой для интересных и плодотворных дискуссий с учеными, экспертами, представителями власти и деловых кругов. Обсудить пути евразийской интеграции и механизмы взаимодействия молодежных организаций с органами власти были приглашены делегаты из многих государств, в том числе из Белоруссии, Казахстана, Армении, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Афганистана, Словакии, Испании и Израиля.

Это далеко не единственный эффективный проект, который способствует как самому процессу евразийской интеграции между Россией и Казахстаном, так и политической социализации молодежи двух стран.

Создание научно-образовательной среды поддержки евразийской интеграции – это программа, направленная на создание молодежной научной сети по поддержке процессов евразийской интеграции путем создания молодежного евразийского эпистемического сообщества – научной транснациональной сети, объединяющей молодых ученых, философов, представителей творческой интеллигенции как двигателя евразийской интеграции. Проект направлен на консолидацию молодежных евразийских научных организаций, укрепление межкультурного диалога, подготовку кадров для евразийской интеграции.

Еще одной немаловажной функцией этого проекта является мониторинг молодежного восприятия евразийской интеграции и деятельности молодежных евразийских организаций, исследования в области вовлеченности молодежи в экономические, социальные, политические интеграционные процессы евразийской интеграции.

Идет очень нужный в контексте политической социализации молодежи процесс организации просветительской и образовательной работы, информационное освещение процессов евразийской интеграции в правильном содержательном ключе.

Следует также вспомнить молодежный форум Россия–Казахстан в рамках X Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана «Лидерство и инновации в XXI веке: взгляд в будущее», который состоялся 10 ноября 2013 г. в Выставочном комплексе г. Екатеринбурга «Екатеринбург ЭКСПО» [8]. Он проходил в рамках региональных программ евразийской интеграции с активным привлечением молодежи двух стран, как организаторов, так и участников. На нем были выработаны единые стратегии дальнейшего многоэтапного сотрудничества между молодежью России и Казахстана.

Таким образом, политическая социализация выступает как процесс, в ходе которого у молодежи поэтапно формируются определенная картина евразийского мира, опыт политической деятельности и политического общения в рамках евразийской интеграции между Россией и Казахстаном. Политическая социализация способствует усвоению индивидом политических норм и ценностей евразийства, накопленных предыдущими поколениями, а также приобретению необходимых для участия в политической жизни общества навыков и опыта в рамках современных интеграционных процессов. Политическая социализация молодежи направлена на формирование у неё понятия евразийской идентичности в разрезе социальной, политической, конфессиональной, эт-

нической ее составляющей, принятие и усвоение ими интересов формирующегося евразийского пространства. Посредством осознания своей идентичности у молодежи формируются контуры политического мышления, которые она выражает в определенных действиях, имеющих политический характер и интеграционную направленность – общественных организациях, форумах, акциях. Осознание полити-

ческой идентичности с общественной системой характеризует установку политического сознания индивида в отношении политической власти, политических лидеров и институтов этой власти как положительную. Стабильность политической системы вообще, и евразийской в нашем случае в частности, обеспечивается эффективностью процесса политической социализации во всех слоях общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бегентаев М.М. Выступление на II съезде молодежного крыла «Жас Отан» [Электронный ресурс] // Мажилис Парламента РК [сайт]. URL: <http://www.parlam.kz/ru/blogs/Begentayev/Details/4/9993> (дата обращения 22.09.2016 г.).
2. Ветренко И.А. Анализ приоритетных направлений молодежной политики Республики Казахстан на основе результатов социологического исследования социальной напряженности среди молодежи в городах и районах Павлодарской области // VII Торайгыровские чтения «Качество жизни в Павлодарской области. Состояние и перспективы»: материалы международной научно-практической конференции [Т. 4]. Павлодар, 2015. С. 98–105.
3. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. М.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. 287 с
4. Евразийская экономическая интеграция: 20 часто задаваемых вопросов. Астана: Общественно-политический институт НДП «НурОтан», 2014. 30 с.
5. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды». М.: Институт социологии РАН, 2016. 22 с.
6. Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000603> (дата обращения 23.09.2016 г.)
7. Латса А. Французский политолог: Европа не справится без России при глобальном развороте на Восток [Электронный ресурс] / Взгляд: деловая газета [сайт]. [2015]. URL: <http://vz.ru/news/2015/1/12/723849> (дата обращения 04.12.2015 г.)
8. Молодежный форум Россия-Казахстан [Электронный ресурс] / Губернатор Свердловской области [сайт]. [2013]. URL: http://www.gubernator96.ru/uploads/Проект_программы_Молодежного_форума.pdf (дата обращения 07.12.2015 г.).
9. Отчет социологического исследования социальной напряженности среди молодежи. Астана: Центрально-Азиатская информационная сеть, 2015. 31 с.
10. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. 815 с.
11. Шамахов В.А. «За счет более высокой степени интеграции Союзное государство может являться определенным ядром для дальнейшего объединения» [Электронный ресурс] / Союзное государство [сайт]. [1915]. URL: <http://www.postkomsg.com/interview/206015> (дата обращения 03.12.2015 г.).

REFERENCES

1. Begentaev M.M. Vystuplenie na II s'ezde molodezhnogo kryla «ZHas Otan» [Elektronnyi resurs] / Mazhilis Parlamenta RK [sait]. [Speech at the II Congress of the Youth Wing "Zhas Otan" [Electronic Source] / the Majilis of the Kazakhstan Parliament [website].] - URL: <http://www.parlam.kz/ru/blogs/Begentayev/Details/4/9993> (request date 22.09.2016 g)
2. Vetrenko I.A. Analiz prioritnykh napravlenii molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan na osnove rezul'tatov sotsiologicheskogo issledovaniya sotsial'noi napryazhennosti sredi molodezhi v gorodakh i raionakh Pavlodarskoi oblasti [Analysis of Priority Directions of Youth Policy of the Republic of Kazakhstan on the Basis of the Sociological Research Results Studying Social Tension among the Youth in Cities and Regions of Pavlodar Region] VII Toraigyrovskie chteniya «Kachestvo zhizni v Pavlodarskoi oblasti. Sostoyanie i perspektivy»: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [T. 4] [VII Toraigyrov Readings "Quality of Life in the Pavlodar Region. Status and Prospects": Proceedings of International Scientific-Practical Conference [4]]. Pavlodar, 2015. pp. 98-105
3. Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoi sotsializatsii [Theoretical and Methodological Basis of the Study of Political Socialization]. M., Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo Universiteta, 2004. 287 p.
4. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: 20 chasto zadavaemykh voprosov [Eurasian Economic Integration: 20 Most Frequently Asked Questions]. Astana, Obshchestvenno-politicheskii institut NDP «NurOtan», 2014. 30 p.
5. Informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshcherossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya «Rossiiskoe obshchestvo vesnoi 2016-go: trevogi i nadezhdy» [Information-Analytical Summary on the Results of Nationwide Sociological Research "the Russian Society in the Spring of 2016: Alarm and Hope"]. M., Institut sotsiologii RAN, 2016. 22 p.
6. Informatsionno-pravovaya sistema normativno-pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. [The Legal Information System of Normative Legal Acts of the Republic of Kazakhstan [Electronic Source].] - URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000603> (request date 23.09.2016 g)
7. Latsa A. Frantsuzskii politolog: Evropa ne spravitsya bez Rossii pri global'nom razvrote na Vostok [Elektronnyi resurs] / Vzglyad: delovaya gazeta [sait]. [2015]. [French Political Scientist: Europe Will not Do without Russia in the Global Turn towards the East [Electronic Source] / Glance: Business Newspaper [website]. [2015].] - URL: <http://vz.ru/news/2015/1/12/723849> (request date 04.12.2015 g)
8. Molodezhnyi forum Rossiya-Kazakhstan [Elektronnyi resurs] / Gubernator Sverdlovskoi oblasti [sait]. [2013]. [Youth Forum of Russia-Kazakhstan [Electronic Source] / the Governor of Sverdlovsk Region [website]. [2013].] - URL: http://www.gubernator96.ru/uploads/Проект_программы_Молодежного_форума.pdf (request date 07.12.2015 g)
9. Otchet sotsiologicheskogo issledovaniya sotsial'noi napryazhennosti sredi molodezhi [Report of Sociological Research of Social Tension among the Youth]. Astana, TSentral'no-aziat'skaya informatsionnaya set', 2015. 31 p.
10. Rotstain B. Politicheskie instituty: obshchie problemy // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political Institutions: General Problems // Political Science: New Directions]. M., Veche, 1999. 815 p.
11. Shamakhov V.A. «Za schet bolee vysokoi stepeni integratsii Soyuznoe gosudarstvo mozhet yavlyat'sya opredelennym yadrom dlya dal'neishego ob"edineniya» [Elektronnyi resurs] / Soyuznoe gosudarstvo [sait]. [1915]. ["Due to the Higher Degree of Integration, the Union State may be a Certain Nucleus for Further Enterprises" [Electronic Source] / Federal State [website]. [1915].] - URL: <http://www.postkomsg.com/interview/206015> (request date 03.12.2015 g).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айтжанова Динара Нуржановна – аспирант кафедры политологии Омского государственного университета им.Ф.М. Достоевского;
e-mail: dinara.pavlodar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aytzhanova Dinara N. – Aytzhanova Dinara N. – postgraduate student of the Department of Politology of Omsk State University, named after F.M. Dostoyevski;
e-mail: dinara.pavlodar@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Айтжанова Д.Н. Специфика политической социализации молодежи России и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 124–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-124-132

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

D. Aitzhanova. The specificity of the political socialization of youth in Russia and Kazakhstan in the context of Eurasian integration // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 124–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-124-132

УДК – 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-133-140

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И СТРАН-СОЮЗНИЦ ПО НАТО В ПЕРИОД КОСОВСКОГО КРИЗИСА

Юсубова Н.Р.

Бакинский славянский университет

AZ 1014, Баку, ул.С. Рустама, 25, Республика Азербайджан

Аннотация. Проведен анализ политических трансатлантических отношений, сформировавшихся до и после проведения Североатлантическим Альянсом «гуманитарной интервенции» в Союзной Республике Югославия (СРЮ). Нарастание сложностей во взаимоотношениях США с их европейскими союзниками по Альянсу в вопросах выработки и реализации единой стратегии предотвращения «гуманитарной катастрофы» в Косово и последующих миротворческих акций создавало впечатление об углублении, и даже непреодолимости, возникших противоречий. Действия НАТО по управлению кризисом в Косово в качестве «твердой силы» оказали разностороннее влияние на укрепление атлантической солидарности, а также на лидирующую роль США в Альянсе по вопросам выработки стратегических решений и реализации практических мер военно-политического характера в отношении СРЮ.

Ключевые слова: США, гуманитарная катастрофа, гуманитарная интервенция, косовская операция НАТО, Союзная республика Югославия, Слободан Милошевич, европейские союзники США, Косово.

THE ROLE OF THE USA IN THE CONSOLIDATION OF NATO DURING THE SETTLEMENT OF KOSOVO CRISIS

N. Yusubova

Baku Slavic University

25, S.Rustam str., Baku, Azerbaijan, AZ 1014

Abstract. The analysis of the transatlantic political relations formed before and after the “humanitarian intervention” of the North Atlantic Treaty Organization in the Republic of Yugoslavia is carried out. The aggravating relations between the USA and their European allies in working-out and implementing the united strategy on preventing the “humanitarian catastrophe” in Kosovo, as well as in the following peacemaking actions, gave the impression of the contradictions to be deepening and even becoming insuperable. NATO’s actions on managing the crisis in Kosovo as a “hard power” had a versatile influence on strengthening of the Atlantic solidarity. Besides, it influenced the USA’s role in the Alliance in what is concerned the issues of working out the strategic decisions and implementing the practical military-political measures in Yugoslavia.

Key words: the USA, humanitarian catastrophe, humanitarian intervention, NATO’s operation in Kosovo, the Republic of Yugoslavia, Slobodan Miloschevich, European allies of the USA, Kosovo.

Урегулирование вооруженного конфликта в Косово со стороны ООН, НАТО и Евросоюза, как известно, имело продолжительное временное измерение. В 90-е гг. прошлого столетия развитие косовского конфликта, угрожавшее европейской безопасности, требовало выработки центрами международного сообщества особо выверенной и ответственной стратегии. Эту ответственность взяли на себя США, которые в рамках НАТО пытались возложить военно-политическую ответственность и финансовое бремя на правительства европейских стран.

Интересы трансатлантических союзников по разрешению косовского кризиса первоначально явно расходились, и такая ситуация угрожала евроатлантическому единству. Авторский анализ отмеченных выше вопросов способствует более углубленному пониманию поведенческой линии НАТО в начале 2000 г., а также занятой Евросоюзом позиции, которые, в конечном итоге, предопределили откровенную поддержку силам, самопровозгласившим независимость Республики Косово в 2008 г.

Конфликту в Косово и вопросам его урегулирования посвящены сотни научных статей и монографий как в странах Запада, так и в странах постсоветского пространства и, особенно, в России. Своего рода «всплеск» изданий научно-политических публикаций по вопросу оценки уровня консолидационного потенциала НАТО приходится на 2000-2005 гг.

В коллективном исследовательском труде «Европейская оборона», под ред. А. Келер и В. Шмидта (на английском языке), в широком контексте рассматриваются вопросы взаимоотноше-

ний НАТО, ЕС, ЕПБО, ЗЕС и влияние этих оборонных западноевропейских структур на внутринатовскую ситуацию, сложившуюся в период международного управления югославскими конфликтами. В книге особое внимание уделено вопросам формирования европейской оборонной идентичности, создание которой способно обеспечить региональную безопасность самих европейцев.

В более поздней исследовательской работе турецких аналитиков «Изменяющаяся концепция НАТО» под ред. Е. Бозкурта (на турецком языке) анализируются доктринальные вопросы стратегии Североатлантического Альянса и ее влияние на военно-миротворческие операции НАТО в Боснии и Косово. В книге обращается внимание на внутреннее «состояние» НАТО в момент разрешения югославских конфликтов. Отдельные эпизоды трансатлантических взаимоотношений внутри блока НАТО в период югославского кризиса освещены в статьях отмеченных нами авторов [2-4; 8-9]. В основу статьи положен анализ разноплановых расхождений (стратегических, оборонных, политических) между США и их европейскими союзницами по НАТО и роли США в консолидации трансатлантических отношений и обеспечения единства организации в момент принятия ответственных стратегических решений по СРЮ.

Атлантический Альянс, после довольно короткого времени уверенности в своих силах и в возрастающих возможностях, во второй половине 90-х гг. стоял перед угрозой потери своего консолидационного потенциала. Точкой, с которой началась новая

внутренняя тенденция Альянса, явились драматические события в Югославском крае Косово весной 1999 г., вошедшие в политический лексикон как «гуманитарная катастрофа», вызванная этническими чистками албанцев-косоваров сербскими силами.

В целом, удачно проведенная НАТО операция в Югославии под названием «Союзническая сила» давала серьезные основания для триумфальных настроений, охвативших все страны-члены организации. Но всплеск эйфории после осмысления результатов «гуманитарной интервенции» быстро трансформировался в «скептицизм», что было следствием заметного роста напряженности, вызванной критическими настроениями большинства европейских стран-членов Альянса по отношению к европейской политике своего главного союзника – Соединенных Штатов.

Нарастающая напряженность между европейцами и американцами могла привести к возникновению кризиса в трансатлантических отношениях в ряде областей и особенно в определении выбора стратегических приоритетов. Опасность кризиса заключалась в том, что он мог вполне реально привести к разъединению двух международных акторов по обе стороны Атлантики. Возникали вопросы: не являлись ли преувеличением опасения относительно «развода» Америки с Европой? Можно ли остановить расширение трещины в трансатлантических отношениях новыми инициативами, ведущими к единению двух сторон Атлантики?

Наличие элементов кризисных отношений между США и европейскими участниками Североатлантического

Альянса было имманентной чертой функционирования организации. Но проявляющие себя в обычное время кризисы носили чаще всего доктринальный характер, в основе чего лежало стремление европейцев при сравнительно неадекватном военном и материальном вкладе в укрепление оборонительного потенциала НАТО играть более заметную роль в выработке стратегических решений. Кризисы, отражающиеся в возникающих время от времени разногласиях, быстро преодолевались. В условиях «холодной войны» и европейцы, и американцы, в конечном итоге, отдавая приоритет атлантической дисциплине, переступали через возникшие разногласия.

После окончания «холодной войны» и возникшей эйфории относительно геополитической победы Запада над Советским Союзом на уровне политических дискуссий встал вопрос о роспуске НАТО. Однако осмысление геополитических реальностей привело к доминирующему мнению о том, что без НАТО Западная Европа не сможет создать сколько-нибудь эффективную систему европейской безопасности. Это хорошо продемонстрировала война в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992–1995 гг., развязка которой стала возможной благодаря вмешательству НАТО в качестве основной военно-оборонительной структуры системы Европейской безопасности. Но следует заметить, что даже в период боснийского кризиса Альянс не смог избежать серьезных разногласий по поводу воздействия на прекращение агрессии со стороны сербов.

Напомним, что Греция, например, будучи страной – членом НАТО, устранилась от военных операций Альян-

са против сербов, грубо попиравших международное гуманитарное право и совершивших преступные действия против военных миротворцев ООН в Боснии. Другие страны-члены НАТО всячески сдерживали политику США по вмешательству в боснийскую войну, несмотря на демонстративное игнорирование сербским политическим и военным руководством многочисленных резолюций ООН, призывающих последних отказаться от нарушений Женевских соглашений 1948 г. и прекратить криминальные действия (этнические чистки) армии боснийских сербов по отношению к мирному несербскому населению [11, р. 87].

По мнению французского исследователя проблем безопасности Фредрика Бозо, в период вмешательства НАТО в боснийскую войну Альянс, по сравнению со временем его создания, означал нечто большее, чем атлантическая организация [3, р. 27]. Этот же автор справедливо полагает, что особенностью военной операции НАТО в Боснии явился совокупный результат «конъюнктурного колебания» внутри организации, постоянно воздействующий на состояние Альянса с точки зрения его внутренней сплоченности [3, р. 30]. Действительно, боснийская ситуация создала для Альянса, несмотря на возникшие разногласия среди его участников, удачный прецедент сплоченности союзников, который спустя четыре года был использован НАТО в Косово. Опора на миротворческую концепцию «принуждения агрессора к миру» и реализация стратегии масштабированных воздушных атак на наземные цели сербов принесли Альянсу в Косово, так же как в Боснии, желаемые результаты.

Однако эти два случая вмешательства НАТО в вооруженные конфликты имеют и отличия. Дело в том, что военные операции Альянса по «принуждению к миру» в косовском случае велись без политической и юридической легитимизации действий НАТО со стороны ООН. Это объясняется дискредитацией деятельности СБ ООН по вопросу урегулирования боснийского конфликта и ожиданием Запада вероятного проявления обструкционистской линии поведения России в СБ ООН в марте 1999 г. по косовскому вопросу [11, р. 62; 6, р. 22]

Вместе с тем успешность косовской операции НАТО в 1999 г. предопределила другой прецедент, который был создан и использован Западом для международной поддержки самопровозглашенной 17 февраля 2008 г. Республики Косово [1]. Таким образом, «гуманитарная интервенция» НАТО в Косово в 1999 г. создала в некотором роде легитимную основу для решения вопроса о независимости Косово в обход СБ ООН.

Возникает вопрос: почему же США так глубоко оказались втянутыми в решение косовского вопроса? Ответом же на этот вопрос является понимание особой роли Соединенных Штатов в НАТО, требовавшей от них активного участия в процессе вмешательства Альянса в косовские события в марте 1999 г. С другой стороны, не следует забывать, что именно европейцы инициировали фазу политической активности по вопросу вмешательства Альянса в политические и гуманитарные события в Югославии. Французы и англичане посредством переговоров в Рамбуйе вовлекли американцев в политический процесс, приведший

в конечном итоге к вмешательству во внутренние дела Югославии. Вслед за интервенцией НАТО последовала фаза военного конформизма США, когда влияние Франции и Великобритании на определение стратегии по Косово заметно усилилось.

От 2000 г. до 2008 г. военные и дипломатические вопросы Косово решались американцами и европейцами на паритетной основе, что привело к улучшению трансатлантических отношений. По этой тенденции следует видеть, что европейцы, боясь возможного дистанцирования США от косовской проблемы, не препятствовали Вашингтону стать военным лидером. Более того, поиск нового политического баланса в рамках Альянса состоял в том, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя основные инициативы в окончательном урегулировании кризиса.

В ретроспективном плане вмешательство Альянса в политические и гуманитарные события в Косово в марте 1999 г. стало, образно говоря, моментом истины в отношениях союзников по НАТО, но вторжение в Союзную Республику Югославию с неизбежностью вызвало новую резкую волну критики в адрес США со стороны европейских союзников [5, р. 83]. При этом критике подвергся выбор стратегического решения Альянса под давлением американцев по военному вмешательству во внутренние дела этой страны.

По мнению некоторых западных экспертов, косовская операция НАТО не соответствовала разработанному сценарию по проведению скоротечной «гуманитарной интервенции». Реальные события, повлиявшие на ход косовской операции НАТО, говорят о том, что стратеги Альянса не смогли

учесть военно-политическую специфику Югославии. Это вполне могло завести организацию в политический и военно-стратегический тупик, которого она избежала благодаря стечению случайных обстоятельств [7, р. 82]

Отмеченные неудовлетворительные оценки результата интервенции НАТО в Югославии – источник, вызывающий к жизни центробежные силы в атлантической солидарности союзников, становящиеся политической тенденцией. Опасность этой тенденции в том, что она является противоположностью тенденции, определяемой участием Альянса в конечной фазе боснийского кризиса, когда все или почти все складывалось по сценариям, разработанным в рамках Альянса. Проведение же операции НАТО по «умиротворению» Югославии в принципе должно было определить пределы военно-оперативного функционирования Альянса. Стало ясным, что Альянс не способен выполнить какие-либо миссии вне статьи V Североатлантического Договора.

Помимо этого, косовская операция продемонстрировала громоздкий механизм пуска военной машины НАТО: между временем принятия решений и началом военных операций в Югославии зафиксирован большой временной разрыв [10, р. 99-100]. Это объясняется тем, что США не были уверены, что НАТО (а точнее, европейские союзники) окажется способной осуществить какую-либо иную стратегию, кроме нанесения бомбовых точечных ударов по сербским целям с воздуха. По мнению Фредерика Бозо, у НАТО не имелось запасного плана военных операций (план Б), а угрозы Генерального секретаря НАТО о возможности

начать наземные операции, скорее, служили средством давления и запугивания С. Милошевича [10, р. 43]

Урегулирование кризиса в Косово со стороны НАТО, в которой лидерские позиции традиционно занимали и занимают Соединенные Штаты, привело к критике их европейскими союзниками, переросшей в противоположное видение развития Альянса. Именно поэтому события весны 1999 г., связанные с конфронтацией НАТО с Югославией, аналитиками рассматриваются как поворотный с 1989 г. момент в развитии Североатлантического Альянса.

Критический взгляд европейцев на деятельность Альянса определяется участием НАТО в урегулировании вооруженных конфликтов в Боснии и Косово. Чаще всего критика европейских участников НАТО касается их несоизмеримо малого влияния на выработку и реализацию политических и военно-стратегических решений в сфере укрепления европейской безопасности, способов и управления возникшими кризисами, выработку практических мер миротворческого характера, особенностей постконфликтного развития стран, переживших кризис и т.д. Эта критика чаще всего сильно замешана на идеях практической реализации европейской оборонной идентичности, создание и собственных европейских оборонительных сил.

Сегодня, когда европейское военное строительство только начинается, союзники США в Европе хотели бы видеть более внутренне уравновешенный Альянс, который был бы спосо-

бен на реализацию стратегии европеизации конфликтов. Напряженность в отношениях между США и европейскими участниками Альянса связана в основном с возможными рисками для европейцев оказаться втянутыми в региональные конфликты по американским кризисным сценариям. Именно такая ситуация, в частности, создалась при проведении Альянсом несанкционированной СБ ООН операции «Союзническая сила» против СРЮ. Военные действия Альянса против СРЮ, уже после осмысления аналитиками их разрушительных результатов, привели к новой волне жесткой критики европейцами использования НАТО под давлением США силового инструментария по разрешению косовского конфликта.

Когда лидерские амбиции США в мире заметно ослабли, следует ожидать дальнейшего усиления центробежных тенденций в трансатлантических отношениях. Вместе с тем важно иметь в виду, что зависимость системы безопасности Западной Европы от военного «зонтика» США достаточно высока. Такая ситуация обеспечивает Соединенным Штатам постоянное военное присутствие на европейском субконтиненте и допускает Вашингтон находить убедительные аргументы и необходимых инструментарий для консолидации трансатлантических отношений и обеспечивать внутреннее единство Альянса. Все это позволяет Соединенным Штатам оставаться в обозримом будущем бесспорным и бессменным лидером в Североатлантическом Альянсе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев О. Косовары у неprecedентного финиша борьбы // «Зеркало» (Баку). 2008. 16 февр. С. 13–15.
2. Юсубова Н.Р. Влияние косовского кризиса на контекст трансатлантических отношений // *Tarix və onun problemləri* (Баки). 2015. № 2. С. 262–269.
3. Bozo F. Where does the Atlantic Alliance Stand? The Imposible Partnership // IFRI. 2000. № 6 (September). Pp. 21–35.
4. Bozo F. The Effects of Kosovo and the Danger of Decoupling // *Defending Europe: The EU, NATO and Quest for European Autonomy*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. Pp. 61–77.
5. Daadler I., O'Hanlon M. *Winning Ugly: NATO War to Save Kosovo*. Washington: Brooking, 2000. 343 pp.
6. Guichered C. International Low and the War in Kosovo // *Survival*. 1999. Vol. 41 (№ 2). Pp. 19–34.
7. Hunter R.T. *The European Security and Defence Policy: NATO's Companion or Competitor?* Santa Monica: Rond, 2002. 289 pp.
8. Mertus, J. Reconsidering the legality of humanitarian intervention: lessons from Kosovo // *William and Mary Law Review*. 2000. № 41. Pp. 1743–1787.
9. Morrison D. How NATO'S "humanitarian intervention" in Kosovo led to a humanitarian catastrophe [Электронный ресурс] // David Morrison [сайт]. [2011]. URL: <http://www.David-Morrison.org.uk/Kosovo/Kosovo-Humanitarian-catastrophe.htm> (дата обращения: 28.09.2016 г.)
10. Parmentier G. Redressing NATO's Imbalances // *Survival*. 2000. Vol. 42 (№ 2). Pp. 96–112.
11. Silber L., Little A. *The Death of Yugoslavia*. Harmandsmoth: Penguin Books, 1996. 400 pp.
12. Sur S. Le Recours a'La forsdans L'Affair do Kosovo et Le droit international // IFRI. 2000. № 2 (September). Pp. 58–66.

REFERENCES

1. Aliev O. Kosovary u nepretsedentnogo finisha bor'by (The Kosovars Have Uprecedentedly Finished the Fight) // «Zerkalo» (Baku), 2008 pp. 13–15.
2. Yusubova N.R. Vliyanie kosovskogo krizisa na kontekst transatlanticheskikh otnoshenii [The Impact of the Kosovo Crisis in the Context of the Transatlantic Relationship] // *Tarix və onun problemləri* (Bakı). 2015. no. 2. pp. 262–269.
3. Bozo F. Where does the Atlantic Alliance Stand? The Imposible Partnership // IFRI. 2000. № 6 (September). pp. 21–35.
4. Bozo F. The Effects of Kosovo and the Danger of Decoupling // *Defending Europe: The EU, NATO and Quest for European Autonomy*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. pp. 61–77.
5. Daadler I., O'Hanlon M. *Winning Ugly: NATO War to Save Kosovo*. Washington: Brooking, 2000. 343 pp.
6. Guichered C. International Low and the War in Kosovo // *Survival*. 1999. Vol. 41 (№ 2). pp. 19–34.
7. Hunter R.T. *The European Security and Defence Policy: NATO's Companion or Competitor?* Santa Monica: Rond, 2002. 289 pp.
8. Mertus, J. Reconsidering the Legality of Humanitarian Intervention: Lessons from Kosovo // *William and Mary Law Review*. 2000. № 41. pp. 1743–1787.
9. Morrison D. How NATO'S "Humanitarian Intervention" in Kosovo Led to a Humanitarian Catastrophe [Electronic Source] // David Morrison [сайт]. [2011]. URL: <http://www.David-Morrison.org.uk/Kosovo/Kosovo-Humanitarian-catastrophe.htm> (дата обращения: 28.09.2016 г.)

10. Parmentier G. Redressing NATO's Imbalances // *Survival*. 2000. Vol. 42 (№ 2). pp. 96–112.
11. Silber L., Little A. *The Death of Yugoslavia*. Harmandsmoth: Penguin Books, 1996. 400 pp.
12. Sur S. Le Recours a'La fors dans L'Affair do Kosovo et Le droit international // *IFRI*. 2000. № 2 (September). pp. 58–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юсубова Наргиз Расим гызы – докторант Бакинского славянского университета;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yusubova Nargiz R. – doctoral candidate of Baku Slavic University;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Юсубова Н.Р. Проблемы взаимоотношений США и стран-союзниц по НАТО в период косовского кризиса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2016. № 4. С. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-133-140

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Yusubova. The role of the USA in the consolidation of NATO during the settlement of Kosovo crisis // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences*. 2016. no 4. Pp. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-133-140

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2016. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. п.л. 9.

Подписано в печать 31.10.2016. Выход в свет: 8.11.2016. Заказ № 2016/10-03

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А